

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Бортников Владислав Игоревич

**Категориально-текстовая идентификация
вариантов художественного текста**

10.02.01 – русский язык

10.02.20 – сравнительно-сопоставительное,
общее и типологическое языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т. В. Матвеева

Екатеринбург – 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические и методологические основы сопоставительного категориального анализа текстов	
1.1. Текстовые категории: феномен, типологизация, интерпретационный потенциал	21
1.2. Специфика функционирования текстовых категорий в литературно-художественном произведении	35
1.3. Модель сопоставительного категориального анализа текстов	59
1.4. Апробация модели сопоставительного категориального анализа текстов	79
1.4.1. Идентификация категории темы	81
1.4.2. Идентификация категории хронотопа	87
1.4.3. Идентификация категории тональности	94
Выводы	99
Глава 2. Категориально-текстовая идентификация русских вариантов поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» (Песнь первая)	
2.1. Композиция Песни первой как структурная основа дальнейшей идентификации переводных вариантов	102
2.2. Категориальная идентификация перевода В. П. Петрова: композиционный блок вступления	117
2.2.1. Идентификация категории темы	117
2.2.2. Идентификация категории хронотопа	123
2.2.3. Идентификация категории тональности	129
2.3. Категориальная идентификация перевода В. П. Петрова: композиционный блок второго монолога Сатаны к Вельзевулу	133
2.3.1. Идентификация категории темы	134

2.3.2. Идентификация категории хронотопа	139
2.3.3. Идентификация категории тональности	140
2.4. Категориальная идентификация перевода В. П. Петрова: композиционный блок ответного монолога Вельзевула	145
2.4.1. Идентификация категории темы	146
2.4.2. Идентификация категории хронотопа	153
2.4.3. Идентификация категории тональности	159
2.5. Категориальная идентификация перевода Арк. Штейнберга в авторской речи и персонажных монологах Песни первой	162
Выводы	179
Заключение	181
Список использованных сокращений	185
Список таблиц и диаграмм	186
Список использованной литературы	188–242
Приложение А. Текст элегии К. Марло “The Passionate Shepherd to His Love” в оригинальном (ИТ) и переводных (РПТ-1, РПТ-2) вариантах (с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)	i
Приложение Б. Композиционный блок вступления в идентифицируемых вариантах «Потерянного Рая» (с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)	x
Приложение В. Композиционный блок второго монолога Сатаны в идентифицируемых вариантах «Потерянного Рая» (с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)	xxxvi
Приложение Г. Композиционный блок второго монолога Вельзевула в идентифицируемых вариантах «Потерянного Рая» (с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)	lxii

Введение

Диссертационное исследование выполнено в границах лингвистики текста и сопоставительного языкознания. Центральной является проблема идентификации оригинального и переводного текстов с целью определения меры их эквивалентности.

Поскольку в современных условиях глобализации роль перевода неизменно растет, всё большую остроту приобретает необходимость обосновать методику определения эквивалентности перевода на текстовых основаниях. Существующие концепции эквивалентности отличаются либо атомарностью – сопоставлением отдельных элементов текста, либо тяготением к дискурсивности – описанию коммуникативной ситуации, экстралингвистических параметров и т. п. На современном этапе развития лингвистики текста методологическую основу определения эквивалентности при переводе могут составить идеи и методы данной науки. Разработка сопоставительной модели идентификации оригинала и перевода на основе структурных единиц – текстовых категорий (далее также ТК) – осуществляется в данной диссертационной работе.

В рамках имеющихся концепций эквивалентности наблюдаются две тенденции¹. Первая и основная из них характеризуется атомарностью: соответствие между переводом и оригиналом устанавливается путем вычленения и сличения лексических составных элементов текста [Бархударов 1969, 1975; Koller 1978, 1979; Швейцер 1989; Vinay 2000 и др., обобщение см.: Гарбовский 2004; Семенов 2008]. В терминах А. А. Потебни это расчленение *πᾶν* («целого») на *ἕν* («единичное»), при исследовании художественного текста «заранее обреченное на неудачу» [Тынянов 1965: 25]. Вторая тенденция характеризуется тяготением к дискурсивности – описанию коммуникативной ситуации перевода, его прагматических,

¹ Более подробно ведущие теории эквивалентности описаны в соответствующих разделах монографических и учебных изданий: [Гарбовский 2004: 263–316; Munday 2008: 37–47; Грамматические аспекты перевода 2012: 59–62 и мн. др.].

экстралингвистических параметров и т. п. [Комиссаров 1990, 2013; Nabokov 2000; Nida 2000; Бреус 2001 и др., обобщение см.: Йокояма 2012; Власенко 2014]. При таком подходе, по существу, происходит подмена художественного текста дискурсом, особенно характерная для зарубежного переводоведения [Шутемова 2012].

Оба направления не могут больше удовлетворять лингвистику перевода. Уязвимое место атомарных концепций было обнаружено достаточно давно: “The process <of translation – *В. Б.*> may involve discarding the basic linguistic elements of the SL text”² [Bassnett 1980: 32]; иными словами, перевод может не содержать уровнево-языковых соответствий («морфема – морфема», «слово – слово», «предложение – предложение» [Бархударов 1975: 177–184]) и при этом качественно выполнять свою функцию. Дискурсивный подход к установлению эквивалентности перевода оригиналу также не выдерживает критики, поскольку в этом случае понятие содержательного соответствия подменяется соответствием условиям коммуникации, ожиданиям реципиента, если говорить переводоведческими терминами, здесь эквивалентность подменяется адекватностью [Мошкович 2014].

Современный лингвист действует в обстоятельствах активного развития теории коммуникации, функциональной лингвистики, лингвистики текста. Макропарадигма антропоцентризма, в русле которой лежат все эти направления [Кубрякова 1995], выдвигает в центр исследовательского внимания текст – целостную и завершенную реализацию авторского замысла [Черемисина 1970; Сусов 1978; Волкова 1988; Мороховский 1989 и др.]. Развитие любой науки измеряется, в частности, количеством опубликованных текстов (монографий, статей) за определенный промежуток времени [Лукин 2009]: в условиях современного информационного прогресса

² «Процесс <перевода> может подразумевать несоответствие базовым языковым элементам оригинала» <Перевод с английского наш. – *В. Б.*>.

«всякая наука владеет <...> текстами» [Ильин 1996: 5], так что это обращение к тексту становится закономерным.

Идея применения лингвотекстовых методов к идентификации текстовых (переводных) вариантов основана, в первую очередь, на том, что «лингвистическая теория перевода ... во многом предвосхитила развитие лингвистики текста» [Комиссаров 1988: 6]. Кроме того, через «текстовое существование наук» [Лукин 2009: 9], в том числе переводоведения, текст ставится в позицию едва ли не значительнейшую и одновременно не самую спорную по отношению ко всем другим лингвистическим объектам. Значительность данного феномена определяется, помимо роли в функционировании научного знания, его самостоятельностью, завершенностью относительно авторского целеполагания; спорность – революционным в языкознании переходом к осознанию текста отдельным объектом исследования [Гиндин 1977; Гальперин 1981; см. также: Паршин 1996; Николаева 2000] и «наступлением на текст» [Левицкий 2006: 69], что повлекло за собой множественность дефиниций основного объекта новой науки³.

Лингвистика текста заявила о себе именно как новая дисциплина, ставившая – в отличие от ее предшественниц – задачей «поиск общих закономерностей, а не анализ отдельных употреблений» [Николаева 1978: 9]. Иначе, текст «из материала», где функционируют иные, более мелкие единицы⁴, «превратился в объект и предмет лингвистического исследования»

³ Ср. работы, в которых дифференцируется текст и смежные понятия: «Текст, подтекст и контекст» [Мыркин 1976], «Текст, контекст, интертекст» [Миловидов 1998], «Текст и дискурс» [Петрова 2003] и др.

⁴ Ср. более ранние работы, где «текст» выступает именно в таком понимании, например: «Сложные слова и их функции в художественных произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина» [Привалова 1952]; «Проблема интонации и порядка слов в простом распространенном двусоставном предложении в стихотворном тексте (по поэме А. Твардовского "Василий Теркин")» [Самурин 1956] и др. Важно отметить, что зарождение и развитие лингвистической теории текста отнюдь не перечеркнуло эту линию исследований, но превратило ее в параллельную; активно появлялись и продолжают появляться диссертационные работы, где предметом выступают функционирующие в пространстве текста-материала единицы [см., например: Шабалина 1971; Колесникова 1981; Полякова 1985; Мухин 2011 и др.].

[Попов 1984: 9]. Позднее этот переход будет определен как важнейший в лингвистике XX в. [см.: Тураева 1999; Николаева 2000; Филиппов 2007], «революционный» [Маслова 2008: 19], приведший не только к умножению дефиниций основного объекта новой науки, но и к воздействию на «казалось бы, отстоявшееся представление о классах и единицах языкового механизма» [Николаева 1978: 10]. Вместе с тем, говорить о результатах этого воздействия, как представляется, еще рано [см.: Николаева 1987], что свидетельствует о продолжающемся развитии лингвистики текста.

В лингвистике 1950-х – 1960-х гг. произошел, по сути, выход синтаксиса за пределы предложения, переход к изучению некоторого «содружества предложений», «объединения предложений / высказываний» [Левицкий 2006: 69]: сложного синтаксического целого, сверхфразового единства, логического целого и даже «общетекстного сверхсловосочетания» [Поспелов 1948; Фигуровский 1948, 1974; Кожина 1961; Доблаев 1969; Сильман 1969; обзор см.: Николаева 1978; Маргулис 1991]. Переход к «супрасинтаксису» (В. Дресслер), «гиперсинтаксису» (Б. Палек) стал возможен, с одной стороны, благодаря уже имевшемуся опыту структурного анализа средств связности в теории актуального членения предложения [Матезиус 1967; Звегинцев 1968; Марова 1974; Матвеева Т. Ф. 1984], с другой – поскольку была установлена принципиальная невозможность рассматривать предложение, самую крупную единицу анализа, как исключительно единицу языковую, т. е. без актуализации в виде высказывания, без речевого контекста [Севбо 1969; Беллерт 1978; Контекстная семантизация... 1984].

Структурно-семантические основания выделения более крупного, чем предложение, объекта изучения способствовали и соответствующим дефинициям текста в русле синтаксического подхода: «Текст – объединенная смысловой и грамматической связью последовательность речевых единиц: высказываний, сверхфразовых единств (прозаических строф), фрагментов, разделов и т. п.» [Солганик 1973: 16]. Как следствие, на этом, начальном,

этапе развития лингвистической теории текста сам текст представлялся таким же объединением высказываний, как сложное синтаксическое целое и подобные структуры: определение через «последовательность», или «упорядоченное множество», предполагает возможность того, что это множество окажется единичным – одним высказыванием, фрагментом, разделом, одной «прозаической строфой» (Г. Я. Солганик).

Терминологическая нечеткость выделения текста, «выступившего на лингвистическую арену» [Слюсарева 1978: 91], способствовала «общей латентности существования новой дисциплины» в отечественной русистике [Гиндин 1995: 125–126]. Преодоление латентности произошло в семидесятые-восемидесятые годы 20-го века. Особую значимость в этот период развития лингвистической теории текста приобретают категории интеграции (целостности, цельности), связности и членимости [Леонтьев 1969; Руделев 1979; Новиков 1983; Реферовская 1983; Ринберг 1987] как дающие столь важное различие между текстом и любым произвольным «объединением высказываний». Ср.: «Исследования по теории текста обычно направлены на два основных свойства текста – связность и цельность» [ЛЭС 1990: 508]. Задача различения текста и «не-текста» решается в трудах И. Р. Гальперина [1977, 1981], Л. М. Лосевой [1977, 1980], А. А. Вейзе [1978, 1983], Л. А. Новикова [1979], В. В. Одинцова [1980], О. И. Москальской [1981], Е. А. Реферовской [1983], А. И. Новикова [1983], А. Н. Васильевой [1983], Е. В. Сидорова [1986, 1987] и др.

С определением текста как объекта целостного, как речевого произведения, обладающего особыми признаками (категориями), лингвистическая теория текста стала развиваться в целом, а также с выделением ряда научных направлений, например, грамматики и стилистики текста. На сближение с теорией текста работали такие направления лингвистики, как синтаксис сверхфразовых единств [Солганик 1973, 1997], теория актуального членения предложения [Сильман 1969; Марова 1974; Дресслер 1978; Изенберг 1978]), уделялось внимание аналитическому

(смысловые различия высказываний в разных текстах, глубинные смыслы одного текста [Доблаев 1969; Николаева 1978; Beaugrande 1981]) и функционально-нормативному («из чего» и «как» сделан текст [Одинцов 1980: 37]) аспектам общей теории текста.

Напрямую грамматике, семантике и стилистике текста оказались соответствующими синтаксический [Солганик 1973; Маслов 1975; Москальская 1981; Ляпон 1986], семантический [Dressler 1972; Нечаева 1974; Ширяев 1977; Богданов 1977; Каменская 1988], стилистический [Арнольд 1978; Кухаренко 1979; Шатков 1979; Одинцов 1980; Купина 1983, 1984; Разинкина 1989; Винарская 1989] подходы. При всей множественности подходов, методической переплетенности и пересекаемости теоретических позиций они носят в одинаковой степени дотекстовой характер.

Параллельно и несколько позже в русистике обозначился подход собственно текстовой [Гальперин 1977, 1981; Чернухина 1977, 1984, 1987; Зарубина 1981; Сидоров 1982*a*, 1987; Новиков А. И. 1983]. Обозначается начало «собственно лингвистики текста» [Левицкий 2006: 70]. Постепенно данный подход становится преобладающим, тем более что его приверженцы интуитивно следуют текстовым идеям «отцов-основателей», классиков отечественного и зарубежного языкознания [Гвоздев 1952; Виноградов 1954, 1959, 1980; Балли 1955; Выготский 1956; Щерба 1957; Винокур 1959, 1990; Бахтин 1975, 1979 и др.].

После «текстового бума» (С. И. Гиндин) 1980-х гг. наступает некоторый спад активности лингвотекстовых исследований при тенденции к теоретическим обобщениям. Применяются все существующие подходы в синтезе, декларируется взаимодополняемость существующих концепций [Ильенко 1981; Ипполитова 1992 и др.]. Появляются обобщающие работы, в т. ч. в статусе учебников и учебных пособий [Текст... 1989, 2011; Болотнова 1992, 1999; Чувакин 1995; Ворожбитова 2005; Левицкий 2006; Михайлов 2006; Чернявская 2009 и др.]. Лингвистическая наука о тексте прочно закрепляется среди других дисциплин, о чем свидетельствует, в частности,

активное взаимодействие с другими науками, в частности, с теорией перевода [Комиссаров 1988; Яшина 2013].

В области лингвистики текста и переводоведения формируется стремление решить лингвотекстовыми методами ряд интердисциплинарных вопросов. К таковым относится, в частности, вопрос о тексте в соотношении с некоторым бóльшим, чем текст, объектом («сверхтекстом» [Битенская 1993], «гипертекстом» [Хартунг 1996], «текстотипом» [Волкова 1988]⁵). Здесь следует оговориться, что возможны системы, в пределах которых «сам текст выступает как единица» [Сидоров 1982а: 13] – например, функциональный стиль речи как текстотип [Кожина 1968, Салимовский 2002]; «система коммуникативных речевых единиц» и «система аналогичных в чем-то текстов: однофункциональных, однотемных, одножанровых, принадлежащих одному автору, объединенных в рамках цикла и др.» [Купина 1984: 20].

Наличие системных групп текстов указывает и на возможность вариантных отношений между текстами – отношений, которые, наряду с парадигматическими и синтагматическими [Лесскис 1982; Крашевская 1989], являются типом связи единиц в системе [см.: Кузнецова 1983]. Такую группу, в частности, могут составить оригинал текста и его переводы на другой язык. Конкретным примером разноязычных вариантов одного произведения могут служить рассмотренные в данной работе англоязычный текст поэмы Джона Мильтона (J. Milton) “Paradise Lost” и его русские переводы. В переводоведении это, по отношению друг к другу, исходный текст (ИТ) и переведенные тексты (ПТ) [Федоров 1958; Гак 1979; Миньяр-Белоручев 1980 и др.]. Понимание текстового варианта как реально существующего текста, т. е. речевой данности, зафиксированной средствами языка [Григорьев 1977, 1979; Ширяев 1982; Дридзе 1984; Богин 1986; Белянин 1988; Сорокин 1988; Красных 2002; Залевская 2002; Головина 2011 и др.], в равной степени

⁵ Эти объекты не входили в круг анализируемого материала, поэтому на вопросе их дефинирования и дифференцирования мы не останавливаемся.

относится к ИТ и к любому ПТ. Инвариант же – сущность идеальная и факт авторского сознания – отвечает проблеме соотношения языка и мышления и потому в план нашего рассмотрения не входит.

Вопрос о вариантности языковых единиц (в частности, лексико-семантической [Смирницкий 1956; Михайловская 1981; Камчатнов 1983; Бродович 1988]) связан с положением о том, что при варьировании семиотически двусторонних языковых единиц (морфем, слов, предложений) «изменяется звуковой облик при сохранении функциональных свойств и определяющих их значений» [Солнцев 1984: 39]. Однако, как указывает В. М. Солнцев, «звуковое варьирование в ряде случаев оказывается связанным с видоизменением значимой стороны единиц» [Там же]. В случае с переводом текста на другой язык при бесспорном изменении звукового облика (плана выражения)⁶ исходного текста почти всегда – несмотря на «нацеленность на полноту и точность передачи речевых высказываний» [Ширяев 1982: 11] – затрагивается, трансформируется, перестраивается и его семантика (план содержания) [Левый 1974; Гюббенет 1991]. В этой амбивалентности перевода, балансе между точностью и адекватностью, по-видимому, и причина неизменного интереса исследователей к вариативности (несовпадениям) между ИТ и ПТ [см., например: Чуковский 1966; Медведев 1991; Палл 2000; Солодуб 2005; Назмутдинова 2008; Нелюбин 2008 и др.]. Свидетельством сказанному является, в частности, закрепление термина «эквиллинеарность» за степенью формального совпадения вариантов⁷ (и «эквиметричность» за степенью формального совпадения стихотворных вариантов [Гаспаров 2002: 333]), а также термина «эквивалентность» за мерой содержательного совпадения [см.: Алексеева И. С. 2004: 106].

⁶ Заметим, отдельные составляющие плана выражения могут быть изменяемы в процессе перевода не бесспорно: так, переводчик может воспользоваться формальным совпадением родственных слов в разных языках одной семьи, сходными заимствованиями, в случае перевода лирического текста – использовать ритм, метр, даже рифму оригинала и т. п.

⁷ О вопросах просодических и ритмических совпадений в текстах и текстотипах см. [Galperin 1968; Златоустова 1983; Болтаева 2003 и др.].

Процедура установления совпадений в любом из планов текста-знака – формальном или содержательном – описывается в данной работе термином *идентификация*⁸. Соотнесение терминов приводит к тому, что при работе с интересующей нас группой текстовых вариантов может иметь место идентификация эквилинеарности, эквиметричности и эквивалентности. В данном диссертационном исследовании особое внимание будет уделено проблеме идентификации эквивалентности, т. е. проблеме установления степени содержательного соответствия между текстовыми вариантами⁹.

Чаще всего имеет место идентификация эквивалентности ПТ относительно ИТ в теории, практике, методике перевода [Федоров 1958, 1983; Чуковский 1966; Марова 1968; Попович 1980; Кизима 1989; Алексеева Л. М. 2000; Уржа 2009, 2011, 2012 и др.]. Любое учебное упражнение на сопоставление перевода с оригиналом [например, Вейзе 1978, 1983; Алимов 2010] является примером идентификации; однако используемые для этого сопоставления единицы (как правило, отдельные слова, сочетания слов, реже – предложения; а также компоненты коммуникативной «конситуации» [Арутюнова 1982: 355] – прагмемы) не позволяют, как уже говорилось выше, идентифицировать собственно текстовую эквивалентность вариантов.

Очевидное затруднение при идентификации эквивалентности на уровне текста – значительный объем каждого текстового варианта и, соответственно, объем аналитического текста исследователя. Рассмотрение всего текстового объема, последовательная идентификация каждого композиционного фрагмента текста, каждой его строфы заняла бы, вероятно, не один десяток томов, тем более что науке известны тексты объемом в несколько миллионов слов, в несколько десятков миллионов знаков. Есть ли путь к решению этой сложности?

⁸ Ср. толкования: *Идентифицировать* – «установить (устанавливать) полное совпадение, соответствие одного предмета, явления и т. д. другому» [МАС, т. 1: 630]; «установить совпадение, идентичность» [ТСРЯ 2008: 286], «установить (устанавливать) совпадение, сходство чего-н. с подобным, однородным ему» [Ожегов 2012: 201].

⁹ Далее в работе термин «идентификация» используется только в смысле «идентификация эквивалентности».

Количественной стороне исследований такого рода в последние годы на помощь пришла автоматическая обработка текста (АОТ), стороне качественной, интерпретативной, приходит на помощь основа АОТ – механизм категоризации. Именно категоризация позволяет человеческому сознанию объединять объекты в группы, в частности, например, слова в группы понятийные, что и позволяет за несколько минут без особых усилий рассчитать количество сигналов семантической группы ‘быт’ среди 424 684 слов романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Мухин 2011: 49, 68].

Полномочным представителем текста и его вариантов в настоящем диссертационном исследовании выступает текстовая категория (далее также ТК). В соответствии с общим механизмом категоризации этот феномен позволяет интерпретировать текст как целое через частное, но частное не формально вычлененное, изъятое из текста (как отдельное слово или абзац), а частное как оформленное средствами речи выражение части содержания целого текста¹⁰. Категориально-текстовый подход к установлению эквивалентности не отрицает существующих атомарной и дискурсивной тенденций, но опирается на них: представление о текстовом целом формируется за счет речевых сигналов, отдельных, но не атомарно разрозненных, а образующих содержательное единство, так что текстовое целое может быть представлено системой этих единств. Взгляд на текст, таким образом, укрупняется, речевое произведение не дробится на элементарные содержательные доли. Итак, в данной диссертации в качестве собственно рабочего инструмента идентификации переводных вариантов художественного текста выбрана текстовая категория.

Актуальность данного исследования определяется его сосредоточенностью в области методологии и методики идентификации разноязычных вариантов художественного текста, а значит,

¹⁰ Это сохранение целостности особенно важно при анализе художественного произведения и его перевода: «Оригинал следует понимать как систему, а не как сумму элементов, как органическое целое, а не как механическое сочетание элементов» [Левый 1970: 415; см. также: Брандес 1988: 71].

междисциплинарностью (центральная проблема относится к сферам лингвистики текста, общего и сопоставительного языкознания, теории и методики перевода). Выдвигаемая в диссертации модель сопоставительного категориального анализа текста (СКАТ) позволяет судить о собственно текстовой эквивалентности (степени эквивалентности) оригинального текста и его переводов.

Научная новизна диссертационной работы состоит в расширении сферы действия категориально-текстового подхода, в его применении к ранее не выделявшимся текстотипам, состоящим из оригинального и переводных вариантов одного и того же художественного произведения. В диссертации впервые предложена комплексная модель, позволяющая определить степень (меру) эквивалентности перевода и исходного текста (а равно одного русского перевода другому) на категориально-текстовых основаниях. Кроме того, впервые введен в научный оборот малоизвестный архивный источник – перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай», выполненный в 1777 г. В.П. Петровым.

Модель апробирована на русском переводном и английском исходном **материале**.

Исходным текстом является произведение Дж. Мильтона (J. Milton) “Paradise Lost” (1667). Данный текст неоднократно переводился на русский язык. В диссертации проанализирован первый русский печатный текст «Потерянного Рая» ([Потерянный Рай 1777], далее также ПТ-1777), не переиздававшийся ни разу и вовлекавшийся в научный оборот (по известным нам источникам) лишь однажды, в исследовании Э. М. Максудовой по русскому литературному языку XVIII в. [Максудова 1974; см.: Левин 1990]. Второй перевод «Потерянного Рая» (переводчик Аркадий Штейнберг), послуживший материалом идентификации, издан в 1976 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» [Мильтон 1976] и стал классическим (далее также ПТ-1976). Для частных сопоставлений привлекались переводы в изданиях [Потерянный Рай 1843, 1895, 1901].

Детальному категориально-текстовому анализу подвергнута Песнь первая поэмы «Потерянный Рай» (общим объемом 798 английских стихов, в прозаическом переводе 1777 г. – 865 строк, в стихотворном переводе 1976 г. – 946 стихов). Идентификация с использованием контент-анализа проведена на материале трех репрезентативных композиционных блоков общим объемом 4229 слов, в т. ч. содержащих 601 категориальную репрезентацию.

С целью осмысления и апробации модели СКАТ к исследованию привлечены: фрагмент “Songs of Ossian” Дж. Макферсона в оригинальном английском и переводном русском (переводчик Д. В. Веневитинов) и “The Passionate Shepherd – to His Love”, элегия К. Марло, в оригинальном английском и двух переводных русских (переводчики В. Рогов и И. Жданов).

Гипотеза исследования: текстовая категория может служить идентификатором качественного сопоставления вариантов художественного текста между собой (в том числе сопоставления переводного текста с исходным).

Объект исследования – вербальная репрезентация текстовых категорий темы, хронотопа, тональности во всех сопоставляемых текстах и фрагментах текстов анализируемого текстотипа.

Предмет исследования – идентификация эквивалентности переводных и оригинального текста поэмы «Потерянный Рай» на основании речевой реализации текстовых категорий.

Цель исследования – определить возможности измерения эквивалентности переводов исходному тексту на основе сопоставления вербальной репрезентации текстовых категорий в исходном художественном произведении и его переводах на русский язык.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Теоретически обосновать взаимообусловленность текстовой категории (параметра текста) и эквивалентности (параметра сопоставления текстов), доказать результативность использования текстовых категорий в качестве инструмента идентификации.

2. Определить набор текстовых категорий, необходимый и достаточный для идентификации ИТ и ПТ, разработать модель сопоставительного категориального анализа текстов (СКАТ), нацеленную на определение меры эквивалентности сопоставляемых текстов.

3. Провести первичную апробацию модели посредством сопоставительного категориального анализа вариантов поэтического текста малого жанра.

4. После разбиения исходного английского текста поэмы Дж. Мильтона “Paradise Lost” и основных русских переводов (1777 г. и 1976 г.) на взаимно соответствующие композиционные отрезки выявить репрезентации каждой текстовой категории из набора (тема, хронотоп, тональность) во всех трех текстах.

5. Идентифицировать русские варианты поэмы относительно английского исходного текста на основе взаимного сопоставления репрезентаций каждой из названных категорий (речевых сигналов категории) с учетом аспектов анализа (набор, комбинаторика и размещение речевых сигналов). По той же методике идентифицировать русские варианты поэмы между собой.

6. Сформулировать выводы о сходстве категориально-текстовых решений в сопоставляемых вариантах художественного текста, на основе статистических данных определить коэффициент эквивалентности переведенных вариантов исходному.

Методология диссертации сложилась в опоре на представление о речевой системности [Кожина 1970] (с учетом общефилософского понимания «системы» и «системности» [Аверьянов А. Н. 1974; Стадник 2002]) и тексте как системе текстовых категорий [Сидоров 1987]. В соответствии с поставленными в диссертации целью и задачами в работе использована группа традиционных функционально-семантических методик (контекстного, оппозитивного анализа и др.). В соответствии с целевой установкой автора, основным является метод категориально-текстового

анализа, разработанный Т. В. Матвеевой [1990, 1996] на базе трудов по лингвистике текста (В. Г. Гак, А. А. Акишина, М. А. Гвенцадзе, И. Р. Гальперин, А. И. Новиков, И. Я. Чернухина, З. Я. Тураева и др.). Развитие данного метода в настоящей диссертации связано с активным использованием частотно-статистических методик (стило-статистического анализа и контент-анализа, адаптированного под цели исследования).

Метод лингвистического моделирования использован в работе при выдвижении, описании, апробации модели сопоставительного категориального анализа текстов. Многоступенчатость данной модели потребовала также применения сопоставительно-контрастивного и графического методов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Текстовая категория может служить комплексным идентификатором качественного сопоставления переводов художественного текста с его оригиналом, а также сопоставления разных переводов одного и того же текста.

2. Идентификация переводных текстов на базе категориально-текстового подхода позволяет перевести проблему эквивалентности с контекстного на собственно текстовый уровень, что предполагает сопоставление не отдельных речевых сигналов, а композиций речевых средств, воплощающих определенную часть авторского замысла – текстовых категорий.

3. Оптимальный набор текстовых категорий как инструмента идентификации составляют содержательные категории темы, хронотопа и тональности; структурная категория композиции крупного текста используется как базис для выделения относительно целостных частей текста, каждая из которых может быть подвергнута детальному категориальному анализу с учётом её места и роли в целостном речевом произведении.

4. Осуществление категориально-текстовой идентификации вариантов художественного текста целесообразно производить поэтапно в рамках предлагаемой модели сопоставительного категориального анализа текста (СКАТ). Теоретическим основанием данной модели выступает категориальная концепция текста; методологическое наполнение модели обеспечивается формализованным представлением вербальной экспликации текстовых категорий в ИТ и ПТ, с подключением метода контент-анализа, применяемого к совокупности экспликаторов категории.

5. Идентификация русских вариантов и английского исходного текстов свидетельствует о высокой степени сохранности категориально-текстовых решений оригинала в переводных текстах. Вербальное варьирование осуществляется в рамках текстовой категории и с соблюдением заданной оригиналом вербальной модели реализации. Предложенный подход позволяет судить о характере соответствия разных переводных вариантов оригиналу: содержательном (собственно эквивалентность) и/или формальном (эквиметричность текстовых вариантов).

6. Применение интерпретационной модели СКАТ позволяет не только объективно оценить степень (установить коэффициент) эквивалентности, но и выявить характер креативных отклонений переводного варианта от исходного текста.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении сферы применения категориально-текстового подхода, возможности комплексного использования предложенной модели сопоставительно-категориального анализа текстов при сопоставлении перевода и оригинала, позволяющей координировать содержательную интерпретацию объекта с его количественными характеристиками. В названных аспектах исследование предстает важным и для отечественной мильтонистики.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов диссертации для обновления вузовских учебных курсов стилистики русского языка, теории и практике перевода, а также для

разработки спецкурсов по проблемам лингвистики текста, и мильтоноведению.

Апробация работы. Материалы и основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры риторики и стилистики русского языка Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Основные положения диссертации были представлены в очных докладах на Международной конференция молодых филологов (Эстония, г. Тарту, 2010); на Межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2010, 2011, 2013); на ежегодной межвузовской конференции «Кормановские чтения» (Ижевск, 2010–2015); на международных научно-практических конференциях «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2010–2013), «Литература XX века: проблемы поэтики» (Челябинск, 2010, 2011, 2012); на всероссийских конференциях «Грехнёвские чтения» (Нижний Новгород, 2010, 2012), «Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи» (Екатеринбург, 2010–2014), «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (Екатеринбург, 2011, 2012), «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2011, 2014); на региональной конференции «Филологические проекции Большого Урала» (Пермь, 2012); а также на международных научных и научно-практических конференциях «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Белоруссия, г. Гродно, 2012), «Актуальные проблемы лингвистики – русистики, романистики, германистики» (Екатеринбург, 2012, 2013), «Г. Р. Державин и диалектика культур» (Казань, 2012, 2014); «Мова і вірш», Украина, г. Луцк, 2013; «Экология языка и коммуникативная практика» (Красноярск, 2014);

Содержание работы отражено в 27 научных публикациях, в т. ч. 4 статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков сокращений и таблиц, списка использованной литературы (504 наименования), а также четырех приложений, содержащих анализируемые тексты и соответствующие кодовые записи категориальных репрезентаций в этих текстах.

Глава 1. Теоретические и методологические основы сопоставительного категориального анализа текстов

В главе 1 решаются следующие задачи теоретического плана:

1. Теоретически обосновать взаимообусловленность текстовой категории (параметра текста) и эквивалентности (параметра сопоставления текстов), доказать применимость текстовых категорий в качестве инструмента идентификации.

2. Определить набор текстовых категорий, необходимых для идентификации эквивалентности.

3. Разработать модель сопоставительного категориального анализа текстов (СКАТ).

4. Апробировать модель посредством сопоставительного категориального анализа вариантов краткого поэтического текста.

Решению каждой задачи в структуре главы посвящен отдельный параграф.

1.1. Текстовые категории: феномен, типологизация, интерпретационный потенциал

Текстовая категория (далее также ТК) – существенный признак текста – характеризуется в «Стилистическом энциклопедическом словаре» через «отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и композитивными средствами» [Матвеева 2003: 533–534]. Известное в философии понятие категории как отражения «наиболее существенных, закономерных связей и отношений реальной действительности» [ФЭС 1983: 251] уточняется в этом определении в связи с представлениями о категории лингвистической – воплощении «наивысшего обобщения одновременно в трех сферах – мышления, психики и языка» [Степанов 1981: 36]. Это обобщение, осуществляемое по механизмам

категоризации и концептуализации [см.: Кубрякова 1995; Боярская 2011], возникает как следствие познания действительности. Объектом обобщения при оформлении текстовой категории является текст – речевой продукт и следствие направленного синтеза упоминаемых Ю. С. Степановым трех сфер-слагаемых лингвистической категории.

Отличие текстовой категории от категории лингвистической (в частности, языковой [Кожина 1961; Тураева 1979; Попова 1984; Шаховский 1987; Карасик 1988; Ваулина 1993; Салимовский 2000, 2002 и др.]) связано с исходной данностью речевого продукта, а значит, языковых, речевых, композитивных средств в их формальном выражении. В то время как категория языковая выстраивается на базе отвлеченных от речевой реализации семантических ресурсов языка, универсализующих некий смысл, присущий им всем, категория текстовая, также выражающая универсальный смысл (нередко параллельный языковому), складывается только из единиц, актуализованных в завершенном «продукте» текста [Чувакин 1995: 97] и тем самым оказывается – в своих репрезентациях – более исчислимой и конкретной по сравнению с языковой. Таким образом, в своей основе оппозиция «языковая категория – текстовая категория» восходит к сосюрговской дихотомии языка и речи [Соссюр 1977]: понятие «текст» во всем разнообразии трактовок представляет собой «произведение, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку»; «целостное речевое произведение; коммуникативно обусловленную речевую реализацию авторского замысла» [Гальперин 1981: 18; Тураева 1986: 12; Матвеева 2010: 478; Солганик 2012: 9], текст «остается постоянно в рамках понятия речи» [Акишина 1979б: 51].

В то же время феномен текстовой категории лишается прямой зависимости от категории языковой, поскольку признак, характеризующий текст, может не вполне соответствовать имеющейся в языке (семантической) группировке, а также располагать собственными речевыми характеристиками [см.: Чикобава 1959; Чейф 2003; Копытов 2011]. Так, любой текст

определенным образом отражает объективное время и соотносится с ним, из чего и рождается текстовая категория времени (темпоральности) [Тураева 1979], в любом варианте своего выражения репрезентируемая в наибольшей степени средствами языковой категории времени (см. ФСП темпоральности у А. В. Бондарко [Бондарко 1965]). Однако ТК темпоральности эксплицируется не только данными средствами, актуальна также последовательность изложения, сигналы проспекции / ретроспекции и др.). Наиболее же показательна категория темы, имеющая практически бесконечные возможности конкретного языкового воплощения, так что практически ни про одну полнозначную номинативную единицу языка нельзя сказать, что она не может стать тематической. Таким образом, текстовые категории выходят за пределы элементарного состава категорий языковых, а множества текстовых категорий и категорий языка оказываются в отношении пересечения.

При определении феномена текстовой категории логика сужения от категории в смысле общем, философском, к категории языка и, далее, к категории текста как по-иному типизированного класса объектов была бы неверной; следует, скорее, признать параллельное существование реальности языка со своими категориями (лексико-семантическими и грамматическими) и реальности текста со своими. Можно сказать, что текстовая категория – это иная конкретизация категории во всеобщем понимании по сравнению с языковой категорией. Их взаимная иерархическая независимость при безусловной взаимосвязи и обеспечивает возможность названного отношения пересечения.

Категориально-текстовой подход близок функционально-стилевому идеей отражательности. Такие компоненты ситуации, как логичность, диалогичность, гипотетичность, акцентность и др., структурируются в тексте и описываются предложенным Пермской стилистической школой термином «функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК)» [Кожина 1987, 1995; Бедрина 1995; Баженова 2001; Котюрова 2011 и др.].

Перечисленные структуры встают в один ряд с категориями цельности, связности, отдельности, членимости, то есть с теми свойствами, которые на начальном этапе развития лингвистики текста использовались для отграничения «текста» как особого объекта исследования от «не-текста» [см.: Косериу 1977]¹¹. В последнее время ФССК признаются «разновидностью текстовых категорий, отражающей функционально-стилевую дифференциацию речи» [СЭС 2003: 573]. Мы будем придерживаться термина *текстовая категория*.

Текст, будучи наиболее крупной единицей общения и сопряжения речекommunikативной деятельности адресанта и адресата, соотнесим с актом коммуникации. Речевое произведение отражает все основные компоненты общения (предмет речи, личность автора, обстоятельства и психологические установки общения). Отражение каждого из компонентов в речевой ткани текста может рассматриваться в своей отдельности и относительной целостности [см.: Овчинникова 1998]. За счет завершенности текстовой формы, ее реальной речевой данности (в отличие от языковой абстракции) категориально-текстовой подход получает опору на объективные вербальные данные. В своем речевом выражении текстовая категория предстает некоторой композицией речевых сигналов, которая может рассматриваться совокупно – как относительно самостоятельная содержательно-формальная целостность [Матвеева 1990].

Составной характер, неэлементарность, собственная структурированность текстовой категории является данностью рассматриваемого феномена. Текстовая категория всегда репрезентируется через вербальное множество более простых единиц разных языковых уровней, взаимосвязанных определенным образом и лишь в совокупности создающих единый конститутивно-содержательный компонент данного

¹¹ Здесь уместно вспомнить о развитии понятия «эквивалентность» в переводоведении, позволяющего различать «буквальный» (т. е. формально равный), «адекватный» (т. е. содержательно близкий) перевод и перевод «вольный» (поэтическое переложение, пересказ на другом языке и т. п.) [см.: Илюшкина 2007: 32–33].

текста. Последний как «текст-продукт» [Попов 1984: 50] ограничивает это множество в силу своей вербальной конечности, завершенности. Важно, что состав элементов текстовых категорий не ограничен рамками одного уровня языковой системы, речевые сигналы ТК могут принадлежать нескольким уровням, и это особенно ценно при идентификации текстовых вариантов [Бортников 2012а, 2012б].

Построение выборки категорий, достаточной для моделирования отдельно взятого текста [см.: Hammer 1967], исследователи относят к числу основных теоретико-методологических проблем лингвистики текста [Wilss 1978; Каримова 1991]. «В категориально-текстовой стилистике остро стоит вопрос о наборе категорий, в совокупности моделирующих текст в целом» [Матвеева 1996: 210]. Трудность составляет, во-первых, отсутствие окончательных ответов на вопросы, все ли категории известны науке [см.: Coseriu 1978], а также необработанность принципов минимизации общего набора когда-либо описывавшихся категорий.

Новейшие справочные издания указывают целый ряд текстовых категорий, известных современной науке: «целостность (когерентность), связность (когезия), завершенность, отдельность, тема, субъектность (авторизация), оценочность, тональность (текстовая субъективная модальности), текстовое пространство и время, <...> композиция» [Матвеева 2012: 696].

Набор выделенных в лингвистике текста категорий неоднороден прежде всего по степени обобщенности названных универсальных смыслов текста [см.: Перфильева 2003]. Наиболее обобщенным характером обладают ТК интенциональности [Лосева 1980; Попов 1984; Корман 2006; Дунев 2013 и мн. др.], целостности, связности, членимости текста [см.: Шильникова 1976; Дремов 1984; Мурзин 1991]. Все они могут быть названы макрокатегориями, которые в совокупности формируют сам феномен текста как целостного, законченного и отдельного речевого произведения (в отличие от речевого потока, речевого ряда, отдельного высказывания).

Особенностью этих категорий является их собственная структурная сложность и опосредованность выражения называемого смысла: содержание глобальной категории выражается через посредство более конкретных ТК. Например, интенциональность текста выражается через посредство категорий целостности и связности, а целостность текста формируется на основе целостности тематической, хронотопической, тональной. Некоторые ТК заведомо комплексны: например, категория локации представляет собой единство более конкретных категорий авторизации, пространства и времени («Я – здесь – сейчас» [Баранов 1988: 82]), категория континуальности складывается как совокупность категорий пространства и времени [Гальперин 1981; Воронин 1993; СЭС 2003; Данилова 2007], партитурность – как набор речевых партий [Борисова 2001]. Другие ТК, напротив, выражают частные смыслы (например, категория проспекции / ретроспекции [Гальперин 1981; Чиговская 2001]) или имеют суперсегментный характер, как, например, категория акцентности [Чаковская 1986; Васильева В. В. 1990; Кутузова 2008 и др.].

Обдумывая категориальный минимум, достаточный для сопоставления текстов, необходимо ориентироваться на выбор монокатегорий, имеющих непосредственную речевую репрезентацию, и отказаться от анализа всех категорий комплексного характера, за исключением объединений изоморфического характера. Этот ориентир единственно возможен при настоящей достаточно слабой изученности текстовых категорий, что сопряжено с нежелательной синонимией и смысловыми пересечениями терминов, называющих категории. Так, неясно соотношение терминов *интенциональность* и *субъектность*, *авторизация*, восходящих к общефилологической категории «образа автора», т. е. к категории, доминирующей над всеми текстовыми смыслами и безусловно подчиняющей их своей воле [Виноградов 1954, 1959, 1980; Бахтин 1975, 1979; Ковтунова 1982]. Текстопорождающей силой наделяется не только автор-творец, но и сам замысел [Лотман 1989, 2001], который может быть рассмотрен как

«новое» по отношению к «данному» субъекту [Лапп 1990], как предикат, определяющий текстовое бытие субъекта [Barthes 1977: 128]. Этот предикат обладает теми же свойствами, что и любой другой, в частности, характеризуется знаковой природой.

Поскольку «каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него» [Бахтин 1979: 7], автор являет себя в каждом элементе текста, так что для выявления этой категории собственно лингвотекстовой анализ, «развязывание» целого на составляющие его части, оказывается и неприменим, и не нужен. Категория субъектности, иными словами, довлеет над всем текстом и поэтому не обладает селективностью отбора обеспечивающих ее средств [см.: Briscoe 2002].

Схема замысла речевого произведения, по-видимому, может выглядеть так: Кто (субъект) – что (явленное нам в содержательной перспективе произведение, или «перспектив» [Марова 2006: 127]) – как, каким (композиция) задумал. Субъект – Составной предикат. Следующие далее вопросы: о чем, где, когда задумал, почему и зачем – являются, по аналогии с теорией семантики, как бы дополнительными валентностями (диатезами). Таким образом, вербализованному тексту предшествует умозрительный текст-инвариант – содержательная структура авторского замысла. По отношению к вербализованному тексту субъект, перспектива и композиция являются гиперкатегориями, которые безусловно подчиняют себе проявления всех прочих категорий (о чем – темы, где – пространства, когда – времени и т. д.).

Применение макрокатегорий в целях сопоставительно-текстового анализа осложняется еще и невозможностью полного выявления их речевой экспликации в тексте. Не случайно работы, посвященные обнаружению маркеров связности и анализу ее типов [см., например: Лосева 1971; Котюрова 1974; Соткис 1975; Дремов 1984; Мурзин 1991; Сазонова 2008; Метлякова 2011; Плесканюк 2014]; аналогично, характеристике целостности и ее типов [см., например: Лосева 1971; Акишина 1979б; Гончаров 1980;

Яхиббаева 2008; Папян 2009], неизбежно сталкивались с необходимостью вычленять примеры из текста, опираться на фрагменты целого, в то время как в полной мере иллюстрирует каждое такое свойство только целый текст и только на базе более частных категорий [Копытов 2011; Яшина 2013].

Таким образом, все макрокатегории (целостность, связность и др.), стоящие на более высоком уровне абстракции, лучше служат определению (дефинированию) текста, а не дифференциации текстов. Все они заведомо исключаются из искомой выборки и в дальнейшей нашей работе привлекаются к анализу лишь опосредованно. ТК «среднего уровня абстракции, языковая манифестация которых может интерпретироваться без посредства других категорий» [Матвеева 1990: 20] отражают основные компоненты коммуникативного акта и обладают содержательной конкретностью (непредельной, но достаточной для решения поставленных задач).

Обобщенный предмет обсуждения в целом тексте является содержанием категории темы текста [см.: Москальская 1980]. Категориальное осмысление темы в лингвистике текста было осуществлено В. Дресслером [Dressler 1972] в связи с понятием «общий смысл», определяемым как «продукт семантического расширения» этой темы. Поскольку «семантический базис» текста представляет собой тематическое расширение, то тема в общем виде может пониматься как «семантическое ядро», «обобщенное содержание», «смысловый центр», или стержень, данного речевого произведения [Ицкович 2007: 33].

Психологическое взаимодействие отправителя и получателя речи, а также их взаимодействие с предметом речи формирует тональность текста. Понятие и возможность описания тональности как текстовой категории, подробно обоснованные в работах Т. В. Матвеевой [1988, 1996, 2012], восходят к идее исследовать эмоциональную составляющую содержательной стороны речи в функционально-стилистическом аспекте [Одинцов 1980; Горшкова 1989 и др.], а через эмотивную семантику языковых единиц

[Якобсон 1975; Бабенко 1989, 2000] – выйти к общефилософской, специфически отражающейся в языке категории оценки [см.: Вольф 1985; Арутюнова 1988] и волевой составляющей авторского замысла.

Хронотоп, или пространственно-временные координаты текста, отражается категориями локативности (текстового пространства) и темпоральности (текстового времени). Данные категории характеризуются изоморфностью, что уже неоднократно подмечалось исследователями самых разных областей гуманитарного знания [см., например: Бондарко 1965, 2003; Бахтин 1975; Еремина 1978; Валгина 2003; Журавлева 2011; Бородай 2013]. Изоморфность выражается, в частности, через сходство членения, маркируемого одними и теми же речевыми сигналами (применимые и к пространственным, и к временным сущностям признаки *короткий – длинный; между* как маркер и пространственной, и временной границы; сущности, длящиеся и в пространстве, и во времени: *движение* во всех его видах: *полет, бег, плавание, прорыв, перебой* и др., *жизнь* и т. д.) [Данилова 2007: 12–24].

Категории темы, тональности, хронотопа делают возможным системный анализ целого [Сидоров 1982б; 1987], основанный на «сочетании трех факторов: элементы – взаимосвязи – целостность» [Цилевич 1988: 10]. Категориально-текстовой анализ опирается не на расчленение текста с целью получения выборки его элементов, отвечающей задаче исследователя, но на выделение композитивных структур (что соответствует определению текста в целом), элементы которой берутся в их взаимосвязях, обеспечивающих содержательную целостность речевого произведения.

К данному набору ТК необходимо добавить категорию композиции. Н. Д. Марова считает композицию формой существования и воплощения авторского замысла, содержанием которого выступает все тематическое разнообразие развертываемого текста [см.: Марова 1968]. В отличие от перечисленных выше категорий, композиция не отражает компонент коммуникативной ситуации, а выражает особенности самого вербального

текста как линейного речевого ряда, выстроенного автором для адресата. Закономерностями производства и восприятия речи обусловлено деление этого речевого ряда на относительно целостные в содержательном и формальном отношении отрезки, причем как процедура деления, так и ее результат типизированы в соответствии с замыслом автора, особенностями адресата и другими параметрами функционального стиля и жанра. Идея выражения содержательной структуры текста и составляет содержание категории композиции. Теснее всего композиция связана с темой. Можно утверждать, что композиция – это прежде всего линейное разворачивание темы, осуществляемое в опоре на все прочие категории текста.

Композиция текста создает его общий «каркас» (В. В. Одинцов), является несущей конструкцией текстового содержания, вследствие чего она обладает особой устойчивостью. Для нашего исследования самой плодотворной мыслью стилистико-текстовой концепции В. В. Одинцова [1980] является его указание на центральное положение композиции при анализе текстового содержания.

На базе категории композиции общий объем текста делится на ряд частей, находящихся между собой в упорядоченных отношениях. Каждая из таких частей способна подвергаться более дробному членению на тех же основаниях. Такое контекстно-вариативное членение отражает композиционную обусловленность частных ветвлений, лексико-семантических группировок-репрезентаций содержательных категорий текста. В этом смысле очень показательна характеристика темы как «центра притяжения» (см. выше), поскольку «центр», «смысловое ядро» предполагает сосредоточение на нем внимания, акцента, за постановку которого «отвечает» именно композиция. Вообще композиция, реализация авторского замысла, есть «форма выражения и развития темы» [Клинг 1988: 60; Матвеева 1990: 33; Ицкович 2003: 33], из чего следует взаимоопределенность и взаимообусловленность этих категорий. В нашей выборке их объединяет – в отличие от хронотопа и тональности – отсутствие языкового аналога и

обращенность обеих к реальности в целом: композиции – к текстовой, темы – к затекстовой.

Структурирующий характер категории композиции налицо, тогда как остальные категории нашей выборки (тема, хронотоп, тональность) являются содержательным объектом структурирования. Существенно также отметить, что данная категория реализуется не столько с помощью специальных маркеров (композиционных связок), сколько через посредство других текстовых категорий: темы, хронотопа, тональности, т. е. обладает признаками гиперкатегории.

С учетом закономерностей композиции исследователь текста, который обязан постоянно держать в поле зрения речевое целое, получает возможность делить это целое и последовательно подвергать рассмотрению относительно целостные (и в содержательном, и в формальном отношении) участки текста, «накапливая знания об их лингвистических свойствах» [Золотова 1979: 133; Гвенцадзе 1986: 6]. Опора на композицию позволяет привести в равновесие требование целостного анализа категории текста (на начальном этапе предполагающего выявление полного состава речевых средств, репрезентирующих ту или иную содержательную категорию) и практическую трудность выполнения этого требования на текстах большого объема. В речетекстовой практике давно отработаны устойчивые композиционные модели, с их функционально-стилевыми и жанровыми модификациями, поэтому категориально-текстовой анализ в рамках определенной композиционной части может выполняться с учетом типового предназначения этой части в структуре речевого целого [см.: Золотова 1996].

Автор настоящей диссертации, посвященной анализу поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай», применяет на практике высказанные выше положения. Категория композиции используется в качестве опорно-вспомогательной: она принимается за основание выделения структурных частей текста, но специальному лингвостилистическому анализу не подвергается. Детальный категориально-текстовой анализ проводится в

рамках некоторых композиционных частей анализируемой поэмы; все дополнительные наблюдения выполняются с учетом композиционной роли наблюдаемого текстового фрагмента. Полному лингвотекстовому анализу подвергаются содержательные (понятийные) текстовые категории темы, хронотопа и тональности. Эти три ТК и составляют категориально-текстовой минимум дальнейшего сопоставительного анализа.

Разрешающие возможности категориально-текстового подхода проверены применительно к отдельным текстам и группам текстов (текстотипам¹²), выделенным на разных основаниях [Битенская 1993; Кацевал 1998; Салимовский 2002; Гильфанова 2005; Ицкович 2007; Данилова 2007; Соколова 2011; Истомина 2013; Косицина 2013], в том числе произведений художественной литературы [Бахтин 1975, 1979; Жолковский 1975, 1996; Борев 1977], в том числе переводных текстов [Бархударов 1974; Казакова 1989; Юрочкина 2009]. Эти и многие другие исследования демонстрируют общность категориально-текстовых решений в рамках функционального стиля, жанра, «неповторимой индивидуальности автора» [Эйдинова 1991: 34]. Общий смысл воплощается и в каждом отдельном тексте, и в некотором их объединении, возникающем в силу однотипности текстообразующих факторов и компонентов.

Дополнительным к данному опыту исследований является применение категориально-текстового анализа в дифференциальных целях, как, например, в монографии «Функциональные стили в аспекте текстовых категорий» [Матвеева 1990], в которой обозначена специфика функционально-стилевого варьирования базовых текстовых категорий. Центр исследовательского внимания перемещается здесь на область

¹² Рабочим для данного исследования – в связи со спецификой материала – принято следующее определение текстотипа, данное З. Н. Волковой в монографии «Лингвистика эпического текста»: «Совокупность отдельных текстов, характеризующихся функциональным критерием коммуникативной значимости и смыслового единства, общностью сюжетно-событийной линии, а также однопорядковостью основных текстообразующих и структурных параметров (средств текстовой связи, элементов структуры, характера эпических повторов и эпических противоречий и т. д.)» [Волкова 1988: 73].

различий реализации текстовой категории при различных стилеобразующих факторах и содержательной специфики текстов. Сопоставительный подход основывается на материале двух или нескольких текстов (или однотипных групп текстов), не совпадающих в плане текстообразования.

В обобщенном виде описание любого текста через характеристику того или иного композиционно-смыслового единства (такого, как тема и тональность, текстовое пространство и текстовое время) либо через некоторый ряд таких композиций означает сопоставление либо противопоставление описываемого текста прочим / некоторым членам группы текстов, соотносительных с данным (на основании подобия строится единство, отсутствие подобия позволяет фиксировать со- и противопоставления). В любом случае – как с целью сопоставления, так и с целью противопоставления – осуществляется обнаружение общего, или *идентификация* текстов.

Факт применимости категориально-текстового анализа к задачам сопоставительного плана, а также непротиворечивость переводоведческого термина *эквивалентность* по отношению к текстовым вариантам [Al-Bustan 1993; Шадрин 2005; Natim 2006] открывают возможность применения категориально-текстовых сопоставлений к особым группам текстов. Речь идет о парах и небольших группах текстов, образуемых исходным текстом и его переводом (переводами) на другой язык. Р. О. Якобсон в этой связи говорил о возможности целостного описания отдельного стихотворения в его переводных вариантах на основании «репертуара использованных... категорий» [Якобсон 1983: 468]. Высокая степень общности исходного и переводного текстов позволяет судить о текстовой вариантности. Исходя из того, что законы текстового устройства не принадлежат избирательно каким-либо языкам, являются универсальными, можно ставить целью сопоставления двух или нескольких текстовых вариантов обнаружение меры идентичности, степени сходства и различия в реализации избранных текстовых категорий. Таким образом расширяется поле наблюдений,

позволяющих объективно решить проблему эквивалентности перевода [см.: Алексеева И. С. 2004], или меры близости переведенного текста исходному. Критериями исчисления этой меры могут и должны служить «явления, изучаемые лингвистикой текста»¹³ [Enkvist 1978: 170] – текстовые категории.

Как уже отмечалось, материал настоящего исследования – русские переводные варианты поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай», рассматриваемые как текстовая общность. Два русских переводных текста (1777 и 1976 гг.) анализируются в сопоставлении с английским оригиналом, или исходным текстом (“Paradise Lost”, 1667). Ко всем трем текстовым вариантам применяется общая методика категориально-текстового анализа. Выявление различий между текстовыми вариантами осуществляется путем последовательного сопоставления каждого ПТ с ИТ на основании способов репрезентации каждой категории, а затем – путем сопоставления переведенных текстов друг с другом.

Немаловажным фактором для сопоставительного категориального анализа переведенных текстов является их художественная природа. «Художественное слово не тождественно слову обыденной речи: с его помощью создается особая художественная действительность. В системе образного мышления каждый элемент языка, на основе ассоциативных связей, участвует в создании конкретно-чувственного образа и не может быть сведен к своему семантическому значению» [Эртнер 2011: 53–54]. Тем самым и художественный перевод, «один из самых сложных и противоречивых видов перевода» [Кульшарипова 2015: 8], по различным признакам оказывается противопоставлен всем прочим разновидностям перевода (оппозиции у В. В. Алимova: «художественный и специальный, художественный и информативный, художественный и нехудожественный» [Алимов 2010: 26]). Более того, «индивидуальное постижение переводчиком оригинала» [Алексеева Л. М. 2011а: 44] требует необычайно внимательного, и даже осторожного обращения с данным, полным противоречий явлением:

¹³ В цитатах из источников на иностранных языках перевод наш – В. Б.

«...с одной стороны, художественный перевод представляется диалогом <...>, с другой стороны, данный вид перевода является средством самовыражения и поэтому исключает ассимиляцию любого рода» [Алексеева Л. М. 2011б: 87]. Иными словами, художественный перевод, в котором буквальность не является залогом художественной правды, диалектически соединяет в себе общее и индивидуальное. Однако и объективность категориально-текстового подхода, в т. ч. как логического базиса выводов о качестве перевода, зиждется на синтезе общего (абстрактно-категориального) и частного (конкретно-текстового). Это подобие является дополнительным аргументом в пользу применимости данного подхода к выбранному материалу.

В следующем параграфе рассматривается функционирование полученной выборки ТК на материале художественного текста (ХТ) и перевода, т. е. воплощение того общего (композиции и темы ХТ, художественного хронотопа, тональности ХТ), без чего не может возникнуть индивидуально-переводческая интерпретация и без чего едва ли возможно перейти к идентификации последней.

1.2. Специфика функционирования текстовых категорий в литературно-художественном произведении

Литературно-художественный функциональный стиль, как и другие, специфичен в плане обработки композиции, темы, хронотопа, тональности речевых произведений. С целью сформировать общее основание конкретного анализа охарактеризуем специфику отражения каждой из этих категорий в художественном произведении.

Две опорные ТК в нашей выборке (композиция и тема), в отличие от хронотопа и тональности, «не имеют аналога в языке» [Одинцов 1980: 186], что объясняется обращенностью первой к строению текста, упорядоченной последовательности его частей, в конечном итоге – синтагматике элементов и фрагментов речевого произведения, а второй – к

затекстовой реальности, подлинной или вымышленной. Поэтому учебное задание «Напишите текст на тему...» или «Расскажите историю на тему...» требует продолжения, представляющего собой наименование фрагмента действительности, который, будучи назван, формирует у адресата определенную реакцию [см.: Вейзе 1978, 1983]. Воплощая эту реакцию вербально, адресат, становящийся уже автором, свободно использует любые языковые ресурсы, ограниченные до его выбора лишь выбором темы (содержательной принадлежностью ее наименования), и то относительно. Этой относительностью и руководит композиция, позволяющая, к примеру, в рассказе о свержении Сатаны с небес (поэма Дж. Мильтона «Потерянный Рай») использовать такие единицы, как *theatre* (англ. *театр*), *adamantine* (англ. *адамантовый*), *Palestine* (англ. *Палестина*) именно в такой последовательности. Если за собственно отбор в риторическом каноне отвечает этап инвенции, то за расположение отобранного в составе целого, т. е. за метафорические переносы «битва → театр», «крепкий → адамантовый»¹⁴; за порядок рассказа *эфирный театр битвы → низверженный оттуда, Сатана закован в адамантовые цепи → собеседника Сатаны, с которым тот беседует закованный, знали в Палестине под именем Вельзевула*, – отвечает диспозиция (в риторике то же, что «композиция») [Клюев 2001: 62]. Получается, что и отбор элементов целого продиктован замыслом их организации [см. Briscoe 2002: 256–257]: только после битвы, зрелищность которой подчеркивается элементом *театр*, происходит падение Сатаны и заковка его в цепи, крепость которых подчеркивается элементом *адамантовые* и т. п. Эти примеры демонстрируют гиперкатегориальность художественной композиции – «целого, создаваемого соотношением частей» [Кайда 2004: 36].

¹⁴ Об «инструментальной» функции метафоры при оформлении мысли, в т. ч. художественной, см. [Эртнер 2011: 25].

Однако в тексте, готовом продукте, весь замысел произведения невоплотим¹⁵. Появляются текстовые варианты, которые в ином наборе, комбинаторике, размещении составляющих отражают компоненты замысла, иногда мельчайшие, в угоду или ущерб другим компонентам. Каждый вариант живет своей жизнью, обрывает интерпретациями, обнаруживающими, возможно, и смыслы, которых автор не задумывал. В этой связи отметим, что с категорией композиции одного текстового варианта, а именно дошедшего до нас «Слова о полку Игореве», – варианта не только в смысле воплощения замысла, но и варианта-списка, – связано обнаружение поэтом А. Черновым принципа «серебряного сечения», или близкого к числу «π» (3,14) соотношения общего объема текста, обладающего кольцевой, круговой композицией (804 стиха), с композиционной рамкой-«диаметром» (256 стихов) Автор «Слова...», по А. Чернову, использовал это соотношение «интуитивно, неся внутри себя образ древнерусских архитектурных памятников. В те времена храм являл собой всеобъемлющий художественный идеал, оказывающий влияние на композицию и ритмику стихосложения» [цит. по: Кайда 2004: 30].

Очевидно, что частное 3,14 получается не только при делении 804 на 256, но и, например, при делении 402 на 128, 1608 на 512, 2412 на 768 и т. д. Из этого следует, что перед нами лишь один из вариантов воплощения гиперкатегории композиции, того самого «образа древнерусских архитектурных памятников», динамику которого так подчеркивает в приведенной цитате деепричастие «неся». Как только был создан, зафиксирован последний, 804-й, стих исследованного варианта «Слова...», композиция всего текста приобрела незыблемую статику, так что расчет объемного соотношения между целым текстом и композиционной рамкой осуществлялся уже не на уровне художественного замысла, но на уровне конкретного воплощения (с ведущим к композиционному замыслу выводом).

¹⁵ Представляется, что эта идея – одна из возможных интерпретаций известного афоризма Ф. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь».

Уровень конкретных маркеров категории композиции по степени абстракции, конечно, куда ниже, чем уровень композиции в динамике (гиперкатегории также могут иметь «микркатегориальные» воплощения), что делает эту категорию, вероятно, более доступной для анализа по сравнению с субъектом и перспективой. Именно в статике, в виде готового целого и представляется возможным анализировать композицию – как и целое любой текстовой категории, через отдельные ее проявления.

Многоплановость, разнотипность и разноуровневость категориальных проявлений композиции в художественном тексте делают концепции этой ТК (имеющей, пожалуй, наибольший опыт изучения) «едва ли не самыми многообразными и запутанными во всей филологической науке» [см. Одинцов 1980: 34]. Отдельно взятыми «кирпичиками» композиции могут быть «событие» [Аристотель 1984: 653; Арутюнова 1988: 200], «мотив и сюжет» [Жирмунский 1975: 434–435; Корман 2006: 321], функции того, другого и третьего; «синтаксическая форма и стилистические приемы» [Клюев 2001: 147–149; 178–261]; «точка зрения» [Успенский 1970, 1995; Тураева 1994: 111] и авторское «я» [Бахтин 1979: 322] и др. [см.: Чернец 1999, а также: Художественный текст... 2007: 24] В литературоведческих и риторических изысканиях подчеркивается взаимообусловленность, взаимозависимость, «монтаж» этих «кирпичиков» (о чем уже было сказано в связи с композицией как гиперкатегорией) [Одинцов 1980: 137]. Этой взаимообусловленностью определяется системность данной ТК: «Композиция – система смен и чередований разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в "образе автора" и его создающих» [Виноградов 1980: 181].

Определение, предложенное В. В. Виноградовым, помимо упоминания о взаимодействии гиперкатегорий композиции и субъектности («образа автора»), ценно и указанием на «кирпичик», маркер системы, имеющий лингвотекстовую природу, – форму и тип речи [см. также: Ковтунова 1982]. Иными словами, при смене типа речи (повествование / описание /

рассуждение / толкование / ...) и/или композиционно-речевой формы (монолог / диалог / полилог; конструкции с прямой речью / конструкции с косвенной речью / несобственно-прямая речь) [см.: Борисова 1995; Брандес 2004; Успенский 1995], а также при смене «речевого потока (авторская / персонажная речь)» [Художественный текст... 2007: 21–22] определяются границы композиционных блоков.

Композиционный блок – репрезентация композиции в статике, занимающая промежуточное положение между «композиционным фрагментом» (соответствующим сверхфразовому единству в синтаксисе [Арутюнова 1976]) и «композиционной частью» (объединением блоков) [Матвеева 2013: 127]. Определение композиционных маркеров-сигналов конца одного блока и начала следующего – важнейший этап лингвотекстовой идентификации объемного художественного варианта, каковой представляет собой и материал настоящей диссертации. Эта операция, позволяющая с наибольшей точностью выделить блоки – «части, элементы, свойства и функции которых взаимоопределимы со свойствами целого» [Кузнецова 1983: 18], т. е. производить далее анализ целого через анализ подобного ему частного, – такая операция получила в лингвистике текста название «контекстно-вариативное членение» [Гальперин 1981: 71; Земская 2010: 98].

Контекстно-вариативное членение исходит из универсальной, традиционно возводимой к античному риторическому канону трехчастной структуры: введения, основной части и заключения, а также примыкающих к ним отступлений [см. Клюев 2001: 63]. Введение и заключение объединяются в т. н. «композиционную рамку», что характерно не только для целого произведения (всей поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай»), но и для каждой структурной его части (каждой из двенадцати *Books*, в дореволюционных переводах *Пѣсней: Пѣснь 1-я, 2-я* и т. д., а в последнем, советском переводе 1976 г. *Книг: Книга 1-я, 2-я, ...*). Поэтому и в *Пѣсни первой*, на материале которой проведена идентификация русского варианта поэмы 1777 г., представляется возможным обнаружить отдельную

композиционную рамку: часть введения будет совпадать с введением ко всей поэме, а заключение будет образовано последней сменой композиционно-речевой формы во всей Песни. Композиционная рамка служит, таким образом, критерием завершенности и отдельности выбранного для анализа отрезка произведения, а свойства завершенности и отдельности Песни первой, в свою очередь, сигнализируют о себе через посредство выраженной, маркированной в тексте «композиционной рамки» [Акишина 1979б: 15].

Подобным же образом демонстрируется связь композиции в статическом и динамическом аспекте с другими макрокатегориями, или глобальными свойствами (см. 1.1), текста. Так, целостность обуславливает определенную текстовую конфигурацию, состоящую в наличии у текста формы, фона, структуры, «центра притяжения» (тематики и аксиоматики); эта «конфигурация» [см. Акишина 1979б: 33] и есть, по сути, композиция – повторимся, «группировка и последовательность содержательных частей текста» [Матвеева 2010: 152], частей фоновых, структурных, тематических, аксиоматических и др., которые в совокупности составляют последовательное и целое отражение авторского замысла – текст. Макрокатегория членимости манифестируется, прежде всего, через выделение композиционных частей (блоков, фрагментов), которые вместе взятые представляют собой хотя и относительно целостное, но все же членимое единство. Партитурность, или разнообразие речевых партий, поддерживается чередованием композиционных блоков, обеспечивающим смену авторской и персонажной речи (именно так и построена основная часть Песни первой поэмы «Потерянный Рай»: слова автора → монолог персонажа-1 → слова автора → ответный монолог персонажа-2 → слова автора → ответный монолог персонажа-1 → ..., см. 2.0). Связь композиции и темы в художественном тексте, отмеченная выше, столь сильна, что любой блок – с уникальной тематической реализацией и группировкой – может быть назван более точно, чем просто композиционный, – композиционно-тематическим.

Смена композиционно-тематических блоков знаменуется, как уже отмечалось, сменой формы и/или типа речи, а также сменой речевого потока, или, иными словами, сменой говорящего. Граница между блоками может быть описана как «смена наблюдательного пункта» [Золотова 1996: 284], совершаемая только при условии «подвижности позиции говорящих во времени и пространстве» [Лукин 2009: 192]. Таким образом, каждый композиционный блок и совокупность однотипных блоков характеризуется собственным, уникальным хронотопом, безусловно осознаваемым автором, а в персонажной речи и вкладываемым в сознание персонажей; смена хронотопа, как и смена любой устойчивой детали текста (в широком смысле) может гипотетически быть критерием границы между композиционными фрагментами и блоками.

Наконец, взаимосвязь композиции с тональностью описывается формулировкой «тональность – двигатель композиции» [Минибаева 2004: 83]. Согласно принципу гармонии риторического канона, все части (композиционная рамка, основная часть, отступления – при наличии) должны быть связаны и гармонически соизмеримо вводить известное и новое, рациональное и эмоциональное, позитивное и негативное. Тональная «окраска» каждого блока должна, по-видимому, отвечать пропорциям «плюса» и «минуса» в целом тексте, так что изображение только отрицательного (каковой, как кажется на первый взгляд, должна быть тональность описания и Сатаны, и его войска, и всех монологов их – основных героев Песни первой поэмы «Потерянный Рай») не может вести к положительному эффекту (его ощущение после прочтения Песни первой доказывается, по крайней мере, тем, что читатели продолжают читать поэму). Из этого следует, что стереотипно отрицательные герои в разных композиционно-тематических блоках устойчиво получают положительные характеристики, причем читатель удивительным образом не остается неудовлетворенным и из-за ломки стереотипов, испытывая сочувствие, сострадание к чертям и демонам [Аникст 1976].

Сложность описания художественной композиции объясняется, помимо отсутствия языкового аналога, еще и диффузностью самой этой ТК [Филиппов 2007]: статический и динамический ее аспекты настолько прорастают друг в друга, что, даже если исследователь задается целью рассматривать только один из них (в нашем случае – статический), без другого он обойтись не может. Как бы то ни было, в сделанном очерке мы попытались отразить оба аспекта во взаимодействии композиции с другими категориями – макро- и микроуровней. Для дальнейшего исследования наиболее важными для нас оказываются результаты взаимообусловленности композиции (по В. В. Одинцову – «каркас, на котором держится текст» [Одинцов 1980: 133]) и – не только зиждущихся на этом каркасе, но и дающих на него нагрузку – категорий темы, хронотопа, тональности, о которых речь ниже.

Для художественного текста (что сближает его с естественно-разговорным) характерны два типа тем: предметные и субъектные [см.: Сибирякова 1996]. Причины этого следует искать в доминировании субъекта-автора, с одной стороны находящегося в абсолютной позиции «над» текстом [Бахтин 1979] и вкладывающего «антропоцентр» в создаваемый текст, с другой – неспособного избежать взаимодействия этого «антропоцентра» с окружающим вещным миром [Солганик 2012: 14]. Даже имея в качестве предмета описания живого субъекта, художественный текст создает вокруг этого, основного, смыслового центра ряд других центров, предметных по своей содержательной принадлежности [Жолковский 1975, 1996; Чернухина 1977, 1984]. Каждая из тем реализуется посредством «номинационной» цепочки – «последовательности наименований одного и того же объекта» в тексте [Гак 1974: 64]. Номинационная цепочка текста, основная форма текстовой манифестации темы, поддерживается дополнительными номинациями, которые и складываются в «тематическую цепочку»

[Матвеева 1990: 21]. Тематические цепочки, переплетаясь, в свою очередь образуют «тематическое поле» целого текста [Панчук 1985: 5].

В качестве примера приведем тематическую цепочку основной субъектной темы поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай». Герой поэмы – Сатана. Номинации данного персонажа образуют основную – субъектную – цепочку Песни первой, а свойство «сила» (англ. *power*) в смысле физическом оказывается транспонировано и на оружие, и на войско, и на воинские принадлежности. Определенность «силы» создает новый смысловой центр, что позволяет включить ряд номинаций *power* в отдельную, предметную, ветвь тематической цепочки [см.: Бортников 2012б], хотя этот предмет – метонимия свойства, выходящего за пределы подчинения обладающему им субъекту. Данная логика полицентричности, парадоксально возникающей в пределах субъектоцентричного, сосредоточенного на Сатане произведения, не противоречит определению темы как смыслового ядра текста – просто это ядро характеризуется как многослойное, многосоставное, особенно сложное в широком эпическом формате «Потерянного Рая».

Для формирования темы недостаточно одной номинации. Возникает необходимость в «повторной номинации, то есть обозначении уже упомянутого объекта» [Гак 1974: 63]. «Извлекаясь заново к жизни через повтор», отдельно взятая репрезентация обогащается «новыми оттенками, связанными с дополнительно пройденным движением сюжета» [Сильман 1969: 85]. Об этих же новых оттенках писал и Ю. М. Лотман: «Удвоение слова означает не механическое удвоение понятия, а другое, новое, усложненное его содержание. "Уходит взвод в туман, туман, туман" – может быть расшифровано и с рядом других оттенков значения, но никогда не чисто количественно: *"Взвод уходит в один туман, затем в другой"» [Лотман 1994: 106].

Итак, основное свойство как отдельной тематической цепочки любого текста, так и поля темы в целом – повторяемость номинаций, делающая текст логически связным [см.: Арнольд 1978, 1990], создающая «тематическую

прогрессию» [Богданов 1993: 33]. В тексте художественном, наряду с прогрессией предметно-событийной, за счет повторяемости обязательно создается и прогрессия номинаций субъектных, в т.ч. субъектно-персонажных. Герой произведения должен быть назван многократно, даже если он совершает лишь одно деяние, – из этого положения вытекает возможность построения субъектных тематических цепочек и при анализе текстов очень малого объема.

Из сказанного логически следует, что и в переводном варианте художественного текста следует также искать цепочки предметные и цепочки субъектные. Будучи смысловым ядром произведения, категория темы и в переводе должна сохранять те же слои, те же центры предметной и субъектной ориентированности. Вероятно, в связи с этим качеством «стержня», а также в связи с наибольшей структурной разработанностью номинативного вычленения тематических репрезентаций (и наибольшим удобством их кодового отображения, о чем будет сказано при разработке сопоставительной модели в разд. 1.3.), сопоставительно-тематический этап анализа способен дать наиболее детальные и подробные результаты для установления переводной эквивалентности.

Несколько по-иному субъектоцентричность [см.: Макаров 1990; Лапп 1990; Аржанов 2008] сказывается на репрезентировании в художественном тексте категорий пространства и времени. Комплексная категория хронотопа, образуемая ими, является художественным отображением бытийных условий [Лойфман 1988, 1996; ФСС 2000], в которых существуют референты смысловых центров, слагающих тематическое ядро. Из того факта, что какой бы то ни было объект или явление невозможно помыслить вне пространства и времени, следует и невозможность художественной рецепции вне этих категорий [см.: Свидерский 1958]. Поэтому через текстовые репрезентации пространство и время, скорее, «переживаются, чем незаинтересованно мыслятся в сознании» [Лой 1978: 49], а значит, образуют триединство с духовной составляющей гиперкатегории автора. Для этого триединства в

теории интерпретации текста предложен термин «ноохронотоп» («дух» + «время» + «место») [Марова 2006; Марова 2013: 67].

Вслед за М. М. Бахтиным заметим, что субъекту вообще и субъекту творящему в особенности свойственна неравномерность в рецепции окружающего пространства и времени. И то, и другое есть длительность (по И. Р. Гальперину, впервые обозначившему эти параметры как необходимые признаки текста, «континуум»); пространство и время членится на неравные отрезки, причем важность каждого отдельного интервала не зависит от продолжительности. Субъект сам выделяет отрезки *loci temporique* в соответствии с индивидуально-личностным восприятием ситуации – тем самым, даже при отображении одного и того же объекта или периода, возникает единственность и неповторимость каждого отдельного произведения (ср. множество текстов о Петербурге или о Великой отечественной войне) даже у одного творца.

Художественное пространство как «модель мира данного автора, выраженная на языке его пространственных представлений» [Лотман 2001: 139] рождается, таким образом, на стыке пространства реального (фрагмента объективного пространства) и перцептуального, субъективного [см.: Мостепаненко 1974; Валгина 2003; Николина 2007]. К примеру, после падения в Ад мильтоновский Сатана

оглядел пустынную страну,
Тюрьму, где, как в печи, пылал огонь,
Но не светил и видимою тьмой
Вернее был, мерцавшей лишь затем,
Дабы явить глазам кромешный мрак,
Юдоль печали, царство горя, край,
Где мира и покоя нет, куда
Надежде, близкой всем, заказан путь,
Где муки без конца и лютый жар
Клокочущих, неистощимых струй

Мильтон воссоздает пространство Ада, маркируемое сигналами *пустынная страна, тюрьма, крошечный мрак, юдоль печали, царство горя, край, где мира и покоя нет* и пр. Согласно фабуле поэмы «Потерянный Рай», это пространство объективируется, существует вне воли персонажа, который туда попадает также не по своей воле. Однако Ад является нам через призму сознания Сатаны (*оглядел пустынную страну*), героя, испытывающего все сопутствующие эмоции (*печаль, горе, муки без конца*). При этом вся картина Сатаны в Аду явлена читателю через вторую, так сказать, ступень субъективации – субъективации авторской, гиперкатегориальной. В подобных сложных локативных переплетениях, взаимозависимостях и рождается текстовое пространство.

Кроме того, от присутствия говорящего сложность анализа художественного пространства возрастает в связи с размещением субъекта относительно картины [Болотнова 2001, 2007]. В роль вступает точка зрения (Б. А. Успенский), «синтаксическая перспектива» [Кожевникова 2009: 813], различающая степень участия описывающего в описываемой ситуации – субъект внутри ситуации; субъект вовне; положение субъекта не определено. Различием точек зрения обеспечивается «возможность излагать события и факты с разной степенью подробности» [Брандес 2004: 100]. В то время, как следствием различения внутреннего и внешнего положения субъекта в категории темы является смена референтно тождественных номинаций (типа *я – он; мой – его; мой – свой* и т. п.), в художественном пространстве изменения в положении субъекта приводят и к функциональной трансформации каждой отдельной репрезентации. Так, если использовать при описании пространства Ада полевой метод, предполагающий выделения ядерной и периферийной частей [Щур 1974; Березович 1995], то распределение репрезентаций, описывающих, например, пламя (*печь, светил, видимая тьма* и т. п.), между этими частями будет отличаться в зависимости

от того, наблюдается ли Ад «извне», только с позиции автора, или же «изнутри», с прибавлением ощущений персонажа и эмотивной реакцией на эти ощущения.

Аналогично пространству (текстовой локативности), художественное время, или темпоральность, образуется на стыке времени объективного, изменяющегося равномерно и однонаправленно, и субъективного (перцептуального), отражающего «реальные временные отношения в сознании» [Тураева 1979: 17] художественных субъектов – автора и героя. Время в художественном тексте может сочетать в себе равные и неравные промежутки, а может тяготеть только к тем или только к другим; движение от прошлого через настоящее к будущему может сочетаться с этим ходом в противоположенном виде. Перечисленные черты формулируются в определении художественного времени, данном З. Я. Тураевой, через следующие топологические свойства: «сложное переплетение порогов восприятия» (автора, читателя, персонажей), «ненейтральность к плотности действия» (неравномерность сегментации), «обратимость», включение «субъективного восприятия... временного опыта» [Тураева 1979: 13–30].

Из свойства обратимости следует, что если объективное время человеку неподвластно (бахтинская «находимость здесь и сейчас» – переместиться в «там» я могу, а в «раньше» нет), то через художественный мир «мы покоряем пространство и время, наполняя их, пропуская через себя обе формы бытия» [Топоров 1995: 87]. Поэтому и художественное пространство, и художественное время – категории готового продукта-текста, не рождающиеся, а уже закрепленные, реализованные в нем – признаются разновидностями, соответственно, субъективного пространства и времени [см.: Мостепаненко 1974; Роднянская 1978; Бахтин 1979; Брандес 2004; Ицкович 2007 и др.]. Формат художественного времени позволяет сделать акцент на отдельном промежутке, сколь бы быстро он ни промелькнул в объективном времени, и тем самым поставить в позицию тематического центра событие (взаимосвязь с предметно-событийной

цепочкой темы), в то время как пространство, обращаемое в тему (например, тема леса, тема вселенной, тема дома), ближе, вероятно, цепочке субъектной или предметно-субъектной (лес-герой, дом-герой и т. п.).

Осмысление времени в рамках художественности естественным образом соединяется и с эмоционально-эстетической оценкой. В приведенном примере из поэмы «Потерянный Рай» временной план «абсолютного прошлого» сдвигается, как писал Л. А. Новиков, «по оси к настоящему» [Новиков Л. А. 2007: 32], что подтверждается грамматическими формами предикатов: *оглядел, пылал, не светил, был, мерцавшей → нет, заказан, kloкочущих, неистоцимых*. Эмоциональное переживание пространства героем становится куда эффектнее, будучи помещенным во временной план настоящего, приближенное к текущему моменту.

Из изоморфности ТК локативности и темпоральности (см. разд. 1.1) следует и возможность описания категории времени полевым методом через построение ядерно-периферийной структуры. Речевые маркеры между компонентами поля, подобно пространству, распределяются по категориальной оси «прошлое → настоящее → будущее», соответственно времени общефилософскому.

В ходе анализа мы не будем создавать одно поле из текстовых полей пространства и времени для удобства рассмотрения, поскольку, в связи с объемным эпическим материалом поэмы «Потерянный Рай», имеет смысл ожидать значительного заполнения этих категориальных структур и по отдельности. Более того, в разных ХТ, описывающих одну ситуацию, вариативность полевого наполнения и полевой структуры пространства – времени в целом будет различаться соответственно той индивидуальности, о присущности которой художественному тексту говорилось выше. Укажем, что языковое (функционально-семантическое) поле для локативности и темпоральности выделяется достаточно объективно безотносительно к ряду текстов, создаваемых на данном языке; каждый художественный текст, создающий свой отдельный мир, создает и свой собственный хронотоп. В

этом соотношении языка и текста обнаруживается различие между категориями темы и хронотопа. Для первой категории в языке нет отдельного, специально ограниченного круга единиц, так что при ее идентификации исследователь вынужден полагаться лишь на композиционно-текстовую специфику и фактор повторяемости смыслов анализируемого произведения; выявление же репрезентирования второй категории осуществляется в опоре на соответствующие ЯК пространства и времени [Beaugrande 1981].

Двойственность художественного субъекта в переводе – автора и переводчика [см.: Крупнов 1976; Цвиллинг 1978; Ярцева 1980; Lubensky 2000; Zinukova 2012 и др.] – добавляет к сложности ядерно-периферийной структуры хронотопа и проблему сохранения тех или иных репрезентаций, а также их выдвигания между компонентами поля при передаче на другом языке. Различия функционально-семантических полей пространства и времени лежат, прежде всего, в морфологическом отображении каждого из компонентов этих полей. Закрепленность грамматической категории времени за глаголом оказывается фактором, обуславливающим простейшие трансформации при переводе с одного языка на другой. Такие изменения вносятся переводчиком вне зависимости от текстовой структуры, если в переводящем языке не выработана конструкция, совершенно идентичная использованной в произведении на исходном языке [см.: Грамматические вопросы перевода 2012]. Ср. следующее за описанием Ада предложение у Мильтона в оригинале и переводе¹⁶:

ИТ	ПТ-1976
Such place Eternal Justice had prepared	...Вот какой затвор

¹⁶ Здесь и далее в работе в приводимых параллельно текстовых вариантах «Потерянного Рая» используются сокращения: ИТ – исходный текст (английский вариант “Paradise Lost”, 1667, по изданию [Paradise Lost 1730]); ПТ-1777 – переведенный текст 1777 г. (вариант перевода В. П. Петрова, см. издание [Потерянный Рай 1777]); ПТ-1976 – переведенный текст 1976 г. (вариант перевода Арк. Штейнберга, см. издание [Мильтон 1976]). Указания на строки текста в каждом случае соответствуют изданию: римской цифрой обозначается номер Песни, арабской – номер стихов.

For those rebellious...

Здесь уготовал Вечный Судия

Мятежникам...

(I, 70–71)

(I, 74–76)

В русском языке нет конструкции, идентичной английскому предпрошедшему времени (Past Perfect), поэтому исходное *had prepared* трансформируется в *уготовал* с сохранением грамматической семы 'прошедшего' и потерей лексико-грамматической доли 'ранее, перед другим действием'.

Практическими подтверждениями рассуждений о времени и пространстве в художественном переводе служат многочисленные работы сопоставительного характера на весьма разнообразном материале: дневников *m-me de Genlis* и их русских переводов В. А. Жуковским [Айзикова 1988]; сонета «Бегство кентавров» Ж.-М. де Эредиа, переведенного на русский М. Волошиным и Д. Глушковым (Олероном) [Багно 1986]; «Пиковой дамы» А. С. Пушкина и ее французских переводов [Разлогова 2012, 2013] и мн. др. Имея в виду эту многочисленность, для данного теоретического раздела мы ограничимся лишь уже приведенными примерами. Дальнейшим подтверждением сказанному о хронотопе послужат практические разделы диссертационном исследовании (см. ниже, разд. 2.2.2, 2.3.2, 2.4.2, 2.5.2).

К приведенному краткому очерку художественного хронотопа следует присовокупить, что материал, отображающий текст, занимает в пространстве и времени определенный объем, подобно любому другому мыслимому объекту. Помимо бумаги, ту же функцию локативно-темпорального вместилища смысла выполняет и графическая сторона текста (по Ж. Лакану, «инстанция буквы» [Лакан 1997: 54]). В принципе это свойство характерно для любого материально выраженного знака, поскольку любое материальное выражение больше нуля и, как следствие, требует пространственно-временного бытия; однако эстетической функцией художественного текста обуславливается сама возможность осмыслить внутри текстового смысла внешнее существование произведения. Формы такого осмысления

диктуются, с одной стороны, каноном жанра и времени (обращение к Музе в античных поэмах и разговор с публикой в средневековом фарсе), с другой – общефилософской универсальной категорией интенции, реализуемой через маркеры текстовой интенциональности. Автор может намеренно играть с текстовым отображением, выстраивать текст наиболее оригинальным и – волей или неволей – запоминающимся образом (изыскания русского авангарда 1-й и 2-й «волны»). Сложное переплетение внешнего и содержательного текстового хронотопа при этом получает эффекты и в некотором смысле обратные – когда реальность не проецируется на текст, заставляя последний принять нестандартную форму, а познается через текст, как текстовая. В последнем смысле хронотоп как категория, уже выходящая за пределы произведения, актуализуется в позднейших исследованиях механизма «город как текст», начало которым положила реконструкция Петербурга по художественным текстам в трудах В. Н. Топорова [Топоров 1995]; аналогичные разработки известны по материалам так называемых «уральского» [Зырянов 2008: 83; Созина 2008], «пермского» [Абашев 2000] и даже «якутского» [Ноева 2010: 127] «текстов» [см. также: Виноградова 2010; Косицин 2010].

Категорию тональности, в силу ее сосредоточенности на субъекте, оказывается возможным считать текстовым проявлением субъективной модальности – «функционально-семантической категории, выражающей... отношение говорящего к сообщаемому» [ЛЭС 1990: 303]. Разграничение оценок на рациональные и эмоциональные [Вольф 1985] ставит, таким образом, тональность ближе к оценочности эмоциональной, маркирующей субъектоцентричные тексты художественной и публицистической принадлежности (в отличие от функционально-стилевых предметоцентричных проявлений – научных и официально-деловых) [см.: Матвеева 1988]. Поскольку субъективное отношение представляет собой отклонение от нейтрального (объективного) в положительную или отрицательную сторону, то и тональность текста описывают в терминах

«положительная» («положительно-оценочная») или «отрицательная» («отрицательно-оценочная») [см.: Разинкина 1965; Вольф 1986].

Безусловно положительной тональностью характеризуются обращения к «высокому» адресату – например, к Богу или возлюбленной¹⁷. В религиозных (художественно-религиозных) текстах такая положительная оценка часто противопоставлена отрицательно-оценочной тональности, связанной с земным субъектом – человеком. Приведем пример из псалмов Дж. Мильтона (1655) – художественного переложения Псалтыри, опыт которого составил концептуальную основу поэмы «Потерянный Рай»:

Regard the weak and fatherless,
Despatch the poor man's cause,
And raise the man in deep distress
By just and equal laws.

Defend the poor and desolate,
And rescue from the hands
Of wicked men the low estate
Of him that help demands...¹⁸

[Цит. по: Самарин 1964: 208]

Маркеры ТК тональности образуют в приведенном тексте контраст: *слабые (weak)* и *бесприютные (fatherless)* нуждаются в призрении (*regard*); *бедные (poor)*, *одинокие (desolate)* – в заботе (*despatch*), защите (*defend*) и т. д.

¹⁷ Категориальный анализ поэтического обращения к возлюбленной – обладающего таким, «безусловно положительным» зарядом тональности – см. в разд. 1.4.

¹⁸ Ср. перевод Т. Стамовой, в издании «Литературные памятники» (2006), опубликованный под заголовком «Псалом 81», а не «82»:

На вдов, убогих и сирот
С высот своих призрите.
Давайте нищим от щедрот
И правый суд творите.

Чтоб не возликовал злодей,
Ему не потакайте.
От аспидов и палачей
Невинных избавляйте [Милтон 2006: 568].

Таким образом, ядро тональности в приведенном тексте составляют маркеры, в своей языковой семантике содержащие оценочный признак: *weak, poor, fatherless, desolate* – отрицательно-оценочный; *regard, despatch, defend* (глагольный ряд) и *just, equal* (атрибутивный ряд) – признак положительно-оценочный. Отмеченное морфологическое разнообразие единиц с положительно-оценочным признаком может интерпретироваться, вероятно, через смысл разнообразия, разноликости добра, противопоставленного однозначности, однотипности зла.

На периферию поля ТК тональности попадают единицы, в языке нейтральные, однако получающие положительный или отрицательный компонент семантики в контексте (что можно назвать «наведенной семой»). Так, *deep* (*глубокий*) становится отрицательным через связь с контекстным партнером *distress* («угнетенное состояние, дистресс»); положительная семантика может наводиться на *deep*, например, при восхищении глубиной моря (или знаний). Аналогично, *laws* («законы») положительно в данном контексте при атрибутивах *just, equal* (*справедливый, правый*), однако может легко менять свою окраску в случае отрицательного отношения говорящего к чьим-либо законам (например, Волян-де-Морта или Президента РФ).

ТК тональности в своих репрезентациях сопутствует проявлениям темы и хронотопа и в то же время пронизывает их, забирается вовнутрь содержательных центров иных категориальных репрезентаций. Подобно тому, как место и время могут становиться тематическими единицами, этими единицами могут становиться и эмоции, эмоциональные оценки. Нематериальная природа последних позволяет им длиться, распространяться, поэтому единица тональности легко обращается в пространственно-временной комплекс, а художественный хронотоп часто оказывается сдвинут с позиции эмоциональной нейтральности. Дополнительную близость между хронотопом и тональностью обеспечивает полевая природа обеих категорий, а также их «текстовость» в том смысле, что текст может рассматриваться и как пространство (город-текст), и как время (эпоха-текст, эпоха-контекст), и

как эмоция (возглас-текст, текст-реакция). Системно-структурное единство художественной темы и тональности обеспечивается, как говорилось выше, сложной субъектностью литературного произведения как произведения речи (суперкатегория субъекта), а также накладываемой на предмет речи целостностью эмоции [см.: Химич 2000; Разинкина 2004].

Подобно хронотопу, текстовая категория тональности как поле имеет соответствие среди языковых (функционально-семантических) полей – связана с полем модальности [Бенвенист 1974; Eggins 2004; Барецкая 2011]. Логическим образом художественный перевод оказывается поставлен в зависимость от ресурсов переводящего языка, всегда позволяющих передать исходное эмотивное отношение только в большей или меньшей степени¹⁹ [Каде 1978, 1979; Виноградов В. С. 1978; Воскобойник 2004]. Национальный колорит при детализации состояний, реакций проявляется отнюдь не в меньшей степени, чем при сегментировании пространства или времени [Седова 2011], – степень проявления национального оказывается, по-видимому, значительно больше, поскольку речь идет об отражении языком (и создаваемым на нем текстом) впечатлений субъективных, уникальных для каждого отдельного проявления «народного духа» (термин В. Гумбольдта) [см.: Красных 2002].

Особую значимость для перевода в аспекте художественной тональности приобретает первичное понимание (по Г.-Г. Гадамеру, «проверка живущего предмнения на предмет правомерности» [Гадамер 1991: 76]) ИТ переводчиком-читателем: от эмоционально-эстетического эффекта зачастую зависит вообще факт существования перевода и доля переведенного объема по отношению к общему тексту. Впрочем, переведен ли фрагмент или же целый текст – это может диктовать эпоха, условия работы переводчика и др.; передача же репрезентаций категории тональности в задаваемом «предпониманием» векторе определяется в большей степени, чем репрезентирование тематических и пространственно-временных структур,

¹⁹ О вторичности текста перевода см. также: [Нестерова 2001; Солодянкина 2004].

коннотацией и – в конечном итоге – стилистической окраской, регистром, «слоем» (Л. В. Щерба) контекста. К. И. Чуковский в работе «Высокое искусство» (глава о стиле) приводил пример: «Если вам предложена строка: *Светловолосая девушка, отчего ты дрожишь? (Blonde Maid, was zagest du?)*, а вы переведете ее: *Рыжая девка, чего ты трясешься?* – точность вашего перевода будет парализована тем, что все четыре синонима вы заимствовали из другой группы <регистра, слоя – В. Б.>. Точно так же вы разрушите стиль переводимого текста, если возьмете строку: *Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!* – и переведете ее такими словами: *Ох, как меня давит Рюрикова фуражка!*» [Чуковский 1966: 350] «Парализованная точность» и есть снижение, а в первом примере – лишение эквивалентности по основанию категории тональности, обусловленное неверным представлением переводчика о стиле контекста.

Стилистический коннотативный элемент, впрочем, может быть снят, когда в более сложных случаях переводной тональностью управляет чистый контекст. Так, мильтоновское *prison* (англ. «тюрьма» [Англо-русский словарь 1964: 664]), по отношению к Сатане имеющее наведенную контекстом семантику ‘места заслуженного наказания’, получает в разных переводных вариантах «Потерянного Рая» разное воплощение:

ИТ: *...here their prison ordained / In utter darkness, and their portion set...*
(I, 167–168)

(Букв.: ...здесь их **тюрьма** назначена / В полной тьме, и их доля уготована...)

ПТ-1777: *...здѣсь опредѣлило для нихъ узилище во кромѣшней тьмѣ, и положило ихъ часть...* (I, 77–78)

ПТ-1976: *...среди совершенной тьмы...* (I, 76)

От хронологически отмеченного, характерного для языка XVIII в. и стиля В. П. Петрова вариантного соответствия *узилище* до полного изъятия *prison* из контекста прошло два века, однако нейтральный вариант *тюрьма* в

найденных нами переводах так и не встречается (чем доказывается наличие стилистической коннотации). Ср.:

ПТ-1843: *Тамъ, во тмѣ кромѣиной, ископана ихъ темница...*

ПТ-1895: *...они присуждены къ заключенію здѣсь въ полномъ мракѣ...*

ПТ-1901: *...мѣсто, зіяющее изъ глубочайшей тьмы.*

Ощущение всеми переводчиками дополнительной контекстной отмеченности, окрашенности единицы *тюрьма* приводит, как показывает уже данный небольшой пример, к возникновению в переводе «стилистической системы, отображающей наряду со стилем оригинала своеобразие стиля переводчика» [Алексеева И. С. 1981: 55]

Исходя из того, что «изменение модальности переводимого текста приводит к потерям двоякого характера как в семантике, так и в прагматике» [Оболенская 2010: 95], можно предполагать, что ТК тональности дает и наибольшие количественные различия ПТ и ИТ. Более широкий контекст позволяет дифференцировать коммуникативные установки авторов оригинала и перевода в отношении как героя, так и адресата текстового сообщения (читателя), на что также указывает Ю. Л. Оболенская.

Таким образом, все текстовые категории, на которых зиждется дальнейшая идентификация художественного перевода, находятся не просто в отношениях взаимосвязи, но и органического взаимопроникновения, подчеркнутого той «высокой степенью смысловой концентрации» [Карасик 2012: 259], которая отличает поэтический текст и дискурс от обиходной речи [о чем см.: Язикова 1963; Шанский 1999; Магомедова 2004 и др.].

Но эта специфика анализируемого материала требует прибавить к теоретико-лингвистическим рассуждениям и сведения теоретико-литературного характера – без последних становится невозможно любое рассмотрение языка художественной литературы.

Для исследования поэмы Дж. Мильтона немаловажна ее принадлежность эпосу, точнее – ее жанровая природа эпопеи, вбирающей в себя «такое количество характеров, обстоятельств, событий, судеб, деталей,

которое недоступно ни другим родам литературы, ни какому-нибудь иному виду искусства» [Хализев 1999: 508]. В то же время В. Г. Белинский в связи с «делением поэзии на роды и виды» указывал на несоответствие формы «Потерянного Рая» величию предмета [Белинский 1954: 36] и, как следствие, исключил это произведение из числа образцов эпопеи (в качестве последних названы лишь «Илиада» и «Одиссея») ²⁰. Статья В. Г. Белинского ценна тем, что в ней описаны черты, свойственные эпической поэзии. Кратко отметим лишь те из них, которые представляются нам связанными с текстовыми категориями темы, хронотопа, тональности.

1. В центре эпической поэмы стоит герой, который «преимущественно должен выражать своею личностью всю полноту... субстанционального духа» [Белинский 1954: 38]. Иными словами, по канону жанра в «Потерянном Рае» должна количественно (по числу репрезентаций) и качественно (по их разнообразию) выделиться одна субъектная тематическая цепочка – цепочка главного героя.

2. Пространство и время эпической поэмы, как утверждает В. Г. Белинский, будут представлять собой «непосредственную совокупность» внутреннего и внешнего, объективного и субъективного (тяготеющего к объективному изложению), «замкнутую в самой себе реальность» [Белинский 1954: 9]. На эту реальность творимой «здесь и сейчас», *hic et nunc*, песни указывает композиционная рамка, где на сцене – Поэт, стоящий вне времени и пространства поэмы, поющий «предание старины глубокой» как то, что еще произойдет на наших глазах, что происходит, как абсолют, всегда и везде (борьба добра и зла).

3. Тональность эпической поэмы связана, согласно В. Г. Белинскому, с тональностью эпического героя – «апофеозой человеческой мудрости, но в чем состоит его мудрость? В хитрости, часто грубой и плоской... И между тем эта хитрость не могла не казаться крайнею степенью возможной

²⁰ Ср.: «Подобная поэма могла б быть написана только евреем библейских времен, а не пуританином кромвелевской эпохи, когда в верование вошел уже свободный мыслительный элемент». [Белинский 1954: 38].

премудрости» [Белинский 1954: 34]. Не нужно глубоко знать творчество Мильтона, чтобы увидеть в этом описании Сатану. Дьявол в «Потерянном Рае» столь величествен и привлекателен, что рядом с ним «теряются и тускнеют все остальные персонажи поэмы» [Чамеев 1986: 88] – этот факт, лингвистически подтверждаемый именно репрезентациями ТК тональности, породил у мильтонистов [см.: Milton's Religious Verse 1956; Diekhoff 1963; Парамонова 1972; Bruce 2000] множество споров о положительном и отрицательном²¹.

Наблюдения и обобщения В. Г. Белинского могут считаться для данного исследования теоретико-литературной основой проявления анализируемых ТК не только в художественном тексте вообще, но и в выбранном для дальнейшего анализа произведении в частности. Это обосновано законом жанра эпической поэмы – законом, которому неизбежно подчинялся Милтон [см.: Кожинов 1964а, б].

Добавим, что к эпической поэзии, помимо произведений значительного объема (романов, нескольких разновидностей поэм), В. Г. Белинский относил и поэзию пастушескую, буколическую, представленную текстами куда менее объемными. Поскольку для апробации сопоставительно-категориального метода нам потребуется уже в этой главе текст небольшой протяженности, мы воспользуемся этой родовой близостью, связанной с тем, что и поэма, и «идиллия» основываются на легендарном времени, «когда люди (будто бы) были... нежны, как голубки» [Белинский 1954: 43]. В центре «идиллии», таким образом, тоже находится событие, но событие объективированного эмоционального переживания – чем определяется и тематическое (один герой + событие), и пространственное (картины природы), и эмоциональное (безусловно положительное, безусловно внешнее и однозначное) единство буколической и эпической поэзии.

Представленное выше рассмотрение специфики проявления текстовых категорий в художественном произведении, а еще более узко – в

²¹ См. об этом подробнее в разд. 2.1.

произведении-эпосе (и парадоксально близкой ему буколике) является тем общим, общеизвестным филологической науке знанием, которое с достаточно опытным основанием можно принять за ожидаемый базис выводов следующего ниже анализа. Спускаясь, однако, на следующую ступень определяющих категориально-текстовые проявления факторов, мы вернемся к вопросу о композиции, о которой можно говорить как о «механизме построения, конституирования текста» [Одинцов 1980: 44], как об «основном компоненте структуры текста» [Салимовский 2002: 37].

Композиция определяет в каждом тексте содержательное сегментирование, что позволяет выделить текстовую информацию в отдельные блоки и установить связи между этими блоками. В категориальном анализе логично оттолкнуться именно от композиционного деления текста, поскольку, как покажет описываемая ниже модель, выявление речевых проявлений (репрезентаций) неизбежно проходит на всем текстовом объеме, а при протяженности исследуемого текста, особенно характерной для эпоса, и анализ может получиться чрезмерно длинным, требующим сегментации. Взятые же по отдельности композиционные блоки не оказываются при анализе в противоречии с целостностью текста по определению – как «мотивированные замыслом автора», как предполагающие раскрытие общетекстовой идеи в целом.

Таким образом, этап рассмотрения специфики композиционного воздействия на категориальное репрезентирование логически требует перейти к построению модели анализа, а далее и к ее апробации.

1.3. Модель сопоставительного категориального анализа текстов

Основываясь на изложенном ранее, исходим из следующих положений: идентификация русских переводных вариантов относительно оригинала художественного текста может производиться на основе количественно-качественного обнаружения общего (идентичного) и различного между

ними. Диалектическое сочетание общего и отдельного, индивидуального (см. разд. 1.1) означает, что только на одном из этих начал идентификация строиться не может. В случае с конкретным вариантом – русским переводом «Потерянного Рая» 1777 г. – это положение иллюстрируется следующими общими признаками: субъектностью – предметностью художественной темы и доминантой субъекта в эпосе; уникальным индивидуальным преломлением объективного в хронотопе и мильтоновской демонстрацией этого преломления в композиционной рамке поэмы; пересечением категории темы с гиперкатегорией «образа автора» в художественной тональности и фигурой главного героя, формирующей тональность эпической поэмы. Эти функционально-стилевые и жанровые черты идентифицируют переведенный текст 1777 г. именно как художественное эпическое произведение, но не как вариант текста, т. е. указывают на «общее» без «отдельного», позволяют учесть только одно из диалектических начал. Подобно категориям высших уровней абстракции (удостоверяющим, что перед нами текст, см. разд. 1.1), служить идентификаторами эквивалентности варианта перевода данные черты неспособны, однако их – равно как и связность, целостность, членимость и др. – нельзя не учитывать в качестве «общего» при идентификации «отдельного».

В настоящем разделе на основе сформированного нами набора текстовых категорий среднего уровня абстракции выдвигается модель сопоставительного категориального анализа текста (СКАТ). Ее комплексный характер предполагает (1) категориальный анализ темы, хронотопа, тональности в каждом текстовом варианте в отдельности, а затем (2) сопоставление полученных данных. Предшествует анализу, как уже говорилось, выделение композиционных блоков в оригинале и переводе, взаимно соотносимых по содержанию.

Первый этап основывается на рассмотренной во введении категориальной концепции текста, предложенной Е. В. Сидоровым [Сидоров 1987] и примененной к текстам различных функциональных стилей в работах

Т. В. Матвеевой [1988, 1990, 1996, 2000 и др.]. Каждая выбранная категория подлежит анализу в аспекте «1) набора языковых составляющих; 2) комбинаторики языковых составляющих; 3) их размещения в тексте» [Матвеева 1990: 13–31]. На втором этапе предметом сопоставления становится каждый из этих аспектов (1, 2, 3). Тем самым выстраивается и логика этапов анализа – описание и сопоставление текстовых вариантов по категориальным репрезентациям темы, хронотопа и тональности.

Ступенью, завершающей категориальный анализ в каждом случае, становится запись репрезентации ТК в виде кода. Связано это с необходимостью упорядочения речевых маркеров категории, обнаруженных в текстовом варианте. Для кодирования применяется так называемая методика контент-анализа, используемая в других науках со служебной целью извлечь содержащуюся в документе информацию и зафиксировать ее в виде признаков (категорий анализа) [Лузина 1996; Парахонская 2004; Комарова 2012]. Г. Г. Почепцов со ссылкой на зарубежных исследователей отмечает, что «к числу преимуществ контент-анализа относят такие характеристики, как следующие:

- это ненавязчивый метод (нет взаимодействия с фоном исследования, который мог бы исказить результаты);
- это косвенный метод (выводы исходят из того, что непосредственно не наблюдается);
- он дает представление об объектах, которые исследователь непосредственно не наблюдает» [Почепцов 1998: 190].

Следствие общего требования «формализации лингвистических явлений» [Котелова 1965: 60] в языкознании – установившаяся к настоящему времени тенденция объективировать полученные данные с использованием статистических методов [см.: Головин 1971; Harald Waayen 2001; Tarvi 2004; Мухин 2010, 2011; Лапчинская 2012 и др.]. Помимо удовлетворения этому требованию, удобство метода контент-анализа состоит в том, что выбранные единицы представляются в виде условной записи, где учитываются

одновременно порядок следования и формально-семантическая принадлежность этих единиц [Контенный анализ... 1969; Богомолова 1992; Шалак 2004; Аверьянов 2009; см. также: Бортников 2012*а*, 2012*б*].

Текстовая категория темы репрезентируется, как уже отмечалось, тематическими цепочками, представляющими собой последовательности номинаций разных типов. Каждой впервые фиксируемой номинации в цепочках²² последовательно присваивается новая буква русского алфавита. Рядом с буквой, в виде нижнего индекса, ставится цифра, указывающая на тип номинации: 1 – базовая («лексическая единица в своей первичной функции» [Матвеева 1990: 22]), 2 – лексически новая по отношению к базовой, 3 – трансформ базовой номинации, 4 – субститут (местоименная замена) базовой номинации, 5 – «нулевая» номинация (имплицитное присутствие номинации). Следует заметить, что за отдельными буквами может закономерно закрепиться только одна цифра (если «номинативный ноль» встретился после номинаций **а**, **б**, **в**, **г**, то такая номинация получает обозначение **д**₅). При этом, по-видимому, можно не опасаться, что букв русского алфавита окажется недостаточно, как это бывает с разного рода параметрами кодируемых документов [Пушкина 2004; Аверьянов 2009], поскольку, при всех возможностях образного варьирования, художественная структура тяготеет к сравнительно небольшому числу номинаций, конкретно закрепленных за данным героем/событием.

Линейный характер формально-содержательного репрезентирования темы делает эту категорию, вероятно, наиболее пригодной для кодовой записи. Учеными, однако, отмечена возможность применять к данной категории и полевый подход (тогда ядром выступает основная – наиболее частотная номинация, а все дополнительные получают статус периферийных

²² Нумерация цепочек при этом производится в порядке проявления цепочек в тексте (1, 2, 3...) либо в соответствии с предметными (1) и событийными (2) ветвлениями (1.1, 1.2, ...; 2.1, 2.2, ...). В настоящей работе цепочки пронумерованы по второму принципу, причем на отдельные репрезентации в самом тексте номер предлагается наносить перед буквенным кодом (**1.1a**₁, **2.2б**₂ и т. п., см. приложение).

[Матвеева 1990]); собственно же полевые категории – локации (в т. ч. хронотопа), тональности и др. – не противоречат идее линейности, так как это единственно возможный путь развертывания текста. Эта взаимная однородность заставляет нас предполагать, что и полевые категории можно подвергнуть контент-кодированию, причем, вероятно, с более усложненной результирующей записью.

Выделение в рамках пространства и времени объективной и субъективной разновидностей подошло бы, вероятно, как параметр кодирования разных нехудожественных текстов; но в тексте художественном, как уже говорилось, реализуется субъективная разновидность данных категорий. В этих рамках фиксируются структурные подтипы художественного хронотопа. Последовательность цифр будет ниже соответствовать таким подтипам пространства и времени, как:

– хронотоп героя (1) / события (2) или не соотнесенный ни с тем, ни с другим (0);

– статичное, или точечное (1) / векторное, или динамическое (2), причем векторное прерывное (21) и непрерывное (20).

При помощи буквы же, в отличие от темы, предлагается различать локативность (Л) и темпоральность (Т)²³, а не обозначать каждую вновь появляющуюся номинацию. Дополнительную нумерацию в соответствии с принадлежностью ядру (1) / периферии (2) присвоим каждой семантической г р у п п и р о в к е (1.1, 1.2, ...; 2.1, 2.2, ...). Группировки следует выделить, вероятно, перед началом кодирования.

Контент-кодирование художественной тональности осуществляется в связи с уже упоминавшимся определением этой ТК как разновидности субъективной модальности (см., например: [Ваулина 1993; Каримова 1991; Солганик 2012 и др.]). Исследователи подчеркивают, что «значения, составляющие содержание категории субъективной модальности,

²³ Заглавные буквы призваны усилить разницу между тематическим обозначением: например, **1.1.а₁**, **2.1.л₄** – и обозначением хронотопа: **1.1.Л120**, **2.1.Т02**.

неоднородны, требуют упорядочения; многие из них не имеют прямого отношения к грамматике» [ЛЭС 1990]. Как следствие, при описании тональности текста следует, по-видимому, учитывать:

– с одной стороны, операторы, свойственные субъективной модальности: (1) эмотивные, (2) эпистемические (описывающие), (3) деонтические (предписывающие), (4) композитивные [Баранов 1993: 102]. Первые три вида операторов²⁴ очевидным образом соотносимы с такими составляющими модальности в целом, как «эмоциональность, интенсивность, волеизъявление» [Матвеева 2010: 492];

– с другой стороны – распределение этих операторов между лексическими группами языка: (1) «лексика, называющая... эмоции»; (2) «лексика, описывающая эмоции» и (3) «лексика, выражающая эмоции» [Шаховский 1987: 91].

В типологиях А. Г. Баранова и В. И. Шаховского наблюдается некоторое различие, вызванное, соответственно, разницей функционально-текстового и лексикографического подходов (так, у В. И. Шаховского нет лексики «эмотивно-композитивной», поскольку в этот класс, формируемый благодаря «эмоциональной доминанте художественной речи» [Одинцов 1980: 62], может входить в принципе любая лексическая единица). Тем не менее, нам представляется возможным соотнести эти две типологии следующим образом (Табл. 1):

²⁴ В трактовке А. Г. Баранова композитивные операторы выявляются только применительно к отношениям А↔Т (автор ↔ текст), в то время как прочие разновидности в целом соотносимы и с отношениями А↔Р (автор ↔ реципиент), Т↔Р (текст ↔ реципиент) [Баранов 1993: 98–127].

**Соотносимость типологий маркеров тональности
по А. Г. Баранову и В. И. Шаховскому**

Составляющие языковой категории модальности	Сигналы ТК эмоциональности (тональности) по А. Г. Баранову	Лексические группы по В. И. Шаховскому	Контент-индекс
эмоциональность	эмотивные	лексика, называющая эмоции	(1)
интенсивность	эпистемические (описывающие)	лексика, описывающая эмоции	(2)
волеизъявление	деонтические (предписывающие)	лексика, выражающая эмоции	(3)
–	композитивные	–	(0)

Присваивая в каждой из этих типологий каждому из описанных параметров индекс (1), (2), (3) (и 0 для композитивных) соответственно, мы, вероятно, получим ряд достаточно дифференцированных в пределах одного текста кодов. Степень различия кодовых записей обеспечит и принадлежность ядру / периферии в рамках категориального поля тональности: 1.1, 1.2, ... – ядро; 2.1, 2.2, ... – периферия. Таким образом, по внешнему виду этот ряд будет походить началом на код хронотопа, а одной цифрой в конце на код темы. Ср.: **1.1.Э1 – 1.2.Э2 – 2.1.Э3 – 2.2.Э0 – ...**, где 1.1, 1.2, ... – показатель участка поля, куда входит категориальная репрезентация; цифра после буквы «Э»²⁵ – тип эмотивной номинации по Табл. 1.

Рассмотрим ход нанесения маркеров каждой из выбранных категорий (темы, хронотопа, тональности) на небольшой текстовый фрагмент [Английская поэзия в русских переводах 1981: 178–179]:

²⁵ Буква «Т» уже была использована при кодировании темпоральности (текстового времени). Тональность можно определить и как «текстовую модальность», и как «текстовую эмотивность». Выбор буквы «Э» подчеркивает связь репрезентаций данной категории с языковым пластом эмотивно окрашенной лексики [Шаховский 1987; Бабенко 1989 и др.]

Пример разметки ТК темы²⁶

Macpherson J. | Дж. Макферсон

From “Songs of Ossian”

The Songs of Selma. Colma

It is night; – ^{1.1.a4}I am alone, ^{1.1.65}Ø
forlorn on the hill of storms. The wind is
heard ^{1.1.65}Ø in the mountain. The
torrent shrieks down the rock. No hut
receives ^{1.1.a4}me from the rain; ^{1.1.65}Ø
forlorn on the hill of winds.

Оссиан

Песнь Кольмы

Ужасна ночь, а ^{1.1.a4}я одна
Здесь ^{1.1.65}Ø на вершине одинокой.
Вокруг ^{1.1.a4}меня стихий война.
В ущелиях горы высокой
^{1.1.a4}Я слышу ветра свист глухой.
Здесь по скалам с горы крутой
Стремится вниз поток ревучий...

(Пер. Д. В. Веневитинова.)

На небольшой отрывок из «Песен Оссиана» Джеймса Макферсона в русском и английском вариантах нанесена разметка субъектной тематической цепочки (1.1). Содержательная разница в переводе и оригинале отрывка заключается, главным образом, в последнем предложении, где Д. В. Веневитинов не упомянул о «каком-либо крове» (*No hut*) и не использовал повтор *forlorn on the hill* (ср. первое и последнее предложения в приведенном отрывке). Эта разница, очевидная воспринимающему текст и по-русски, и по-английски читателю²⁷, накладывает свой отпечаток и на тематическую цепочку: процесс идентификации сталкивается с отсутствием упомянутого повтора, а значит, и с отсутствием повтора «нулевой» номинации **б₅** при атрибуте *forlorn* (букв. «потерянная», в рус. отрывке не сохранено). Тем самым теряется и кольцевая организация отрывка песни, важная для хода

²⁶ Форма представления параллельных отрывков здесь и далее в работе в разных текстовых вариантах отвечает критерию удобства анализа и нередко используется в различных работах по истории перевода. Ср., например: «Для удобства сопоставления мы будем располагать параллельные фрагменты на 3 языках слева направо» [Лунд 2011: 54].

²⁷ О специфике рецепции художественного текста английскими читателями см. [Винокурова 2005].

мысли героини: Кольма то и дело возвращается в монологе к себе и своей потерянности.

Как уже отмечалось, буква, следующая за обозначением порядкового номера цепочки 1.1, соответствует порядку следования номинаций в текстовом варианте. Номинации *я* (англ. *I*) соответствует буквенное обозначение **а**; «нулевой» номинации **Ø** (формально опущенной, но семантически подразумеваемой) – обозначение **б** и т. д.

Последняя цифра в коде – маркировка типа номинации: *я* – местоименный субститут имени героини, обозначение **4** (см. выше); «нулевая» номинация составляет особый тип, обозначаемый цифрой **5**.

Идентифицируем еще одно различие, которое становится очевидным при использовании такой разметки: пассив *The wind is heard*^{1.1.65} **Ø** *in the mountain* передан активом^{1.1.a4} **Я** *слышу ветра свист глухой*. Эта разница уже не так очевидна, поскольку не соотносится ни с сильной позицией начала, ни с сильной позицией конца. Делает ее очевидной именно разметка субъектно-тематического контента: английская пассивная конструкция вовсе не требует при себе формального выражения субъекта, поэтому он и не упомянут (формально опущен, ср. **б**₅) как ситуативно очевидный (героиня на холме одна, и слышать ветер просто больше некому).

Вспомним слова В. М. Жирмунского о том, что «элемент тематизма присущ всякой человеческой речи как таковой» и что «каждое слово, употребляемое поэтом, есть уже тема» [Жирмунский 1975: 434]. В приведенном отрывке тема *я*, конечно, не одна, тематизированным оказывается пространство (предметная цепочка). Однако для примера разметки ТК темы и доказательства применимости этой разметки уже нанесенные коды представляются достаточными; разметка текстовой категории пространства (вместе с временем) рассматривается ниже.

Пример разметки ТК пространства (Л) – времени (Т) (хронотопа)

<i>Macpherson J.</i> From “Songs of Ossian” The Songs of Selma. Colma	<i>Дж. Макферсон</i> Оссиан Песнь Кольмы
It is ^{1.1.Т120} night; – I am alone, forlorn ^{1.1.Л11} on the hill of storms.	Ужасна ^{1.1.Т120} ночь, а я одна ^{2.1.Л11} Здесь ^{1.1.Л11} на вершине одинокой... (Пер. Д. В. Веневитинова.)

Опишем маркировку наиболее обширно репрезентированной в данном отрывке категории хронотопа на примере первых двух строк.

Первый индекс в каждом коде указывает на семантическую группировку, к которой принадлежит категориальный маркер (репрезентация). Так, ядерными (1.1) в поле текстового времени, или темпоральности (Т), признаются, соответственно, взаимно идентифицируемые единицы *ночь* и *night*; в поле текстового пространства, или локативности (Л), таковыми являются *на вершине* и *on the hill* (доказательство последнего – двойной повтор ниже). Маркер же *здесь*, добавленный переводчиком, перифериен по отношению к категории пространства (обозначен 2.1), поскольку является дейктическим указателем и наполняется семантикой того, что окружает героиню, только ситуативно.

В рассматриваемом фрагменте «Песнь Кольмы» представляет собой описание окружения героини; иными словами, «Песнь» бессобытийна. Из этого следует, что и пространство, и время принадлежат герою (1), а не событию (2). Эти цифровые обозначения следуют непосредственно за буквой в каждом контент-коде: ^{1.1.Т120}ночь, ^{1.1.Л11}на вершине.

Наконец, *ночь* (*night*) длинна, затянута, она векторна (2), причем векторна непрерывно (20), и в этом динамизме, бесконечности ужас героини. Сама же героиня статична *здесь, на вершине*, поэтому пространство в данных двух строках статично (1). Эти цифры (одна или две) стоят, соответственно, в конце контент-кода – после маркера героя / события: ^{1.1.Т120}ночь, ^{1.1.Л11}на вершине.

Такая разметка делает очевидным не только добавление *здесь*, но и семантическое совпадение, идентичность маркеров ^{1.1.Т120}*ночь* – ^{1.1.Т120}*night*, ^{1.1.Л11}*на вершине* – ^{1.1.Л11}*on the hill*. Совпадение это идентифицируется на категориальном основании (Л, Т) с точки зрения группировки 1.1 – ядра ТК хронотопа и его свойств (120, 11). Таким образом, контент-код содержательной категории хронотопа выстраивается по принципу «от более частного → к более общему».

Тот же принцип используется и при кодировании тональности:

Пример разметки ТК тональности

<i>Macpherson J.</i> From “Songs of Ossian” The Songs of Selma. Colma	<i>Дж. Макферсон</i> Оссиан Песнь Кольмы
It is night; – I am ^{2.2.Э0} <u>alone</u> , ^{1.1.Э1} <u>forlorn</u> on the hill of storms. The wind is heard in the mountain. The ^{1.1.Э2} <u>torrent</u> ^{2.1.Э2} <u>shrieks</u> down the rock. ^{2.2.Э0} <u>No</u> hut ^{2.2.Э0} <u>receives</u> me from the rain; ^{1.1.Э1} <u>forlorn</u> on the hill of winds.	^{1.1.Э1} <u>Ужасна</u> ночь, а я ^{2.2.Э0} <u>одна</u> Здесь на вершине ^{2.2.Э0} <u>одинокой</u> . Вокруг меня стихий ^{2.1.Э2} <u>война</u> . В ущелиях горы высокой Я слышу ветра свист глухой. Здесь по скалам с горы крутой Стремится вниз поток ^{2.1.Э2} <u>ревучий</u> ... (Пер. Д. В. Веневитинова.)

При маркировке принято обозначение 1.1 – для собственно ядра, 2.1 – для ближайшей периферии, 2.2 – для периферии дальнейшей. Тем самым вторая цифра так же, как и первая, получает функциональное наполнение, иконическую связь с «удаленностью от ядра». Как видно, прямая оценка содержится в русском варианте только в единице ^{1.1.Э1}*ужасна*, добавлением переводчика (Э1 – эмотив); в английском оригинале, помимо эмотива (тж. код Э1) ^{1.1.Э1}*forlorn*, к ядру относится еще и ^{1.1.Э2}*torrent*, куда больший интенсив (Э2 – интенсив), чем рус. *поток*. В ближайшую периферию попадают интенсивы ^{2.1.Э2}*война* в непрямом значении, а также атрибут ^{2.1.Э2}*ревучий* (в англ. – предикат ^{2.1.Э2}*shrieks*, букв. «ревет»); принадлежность этих репрезентаций к интенсивам обозначается (как и при ^{1.1.Э2}*torrent*) как Э2. Дальнейшая периферия (2.2) представлена парой образующих кольцо композитивов ^{2.2.Э0}*одна* – ^{2.2.Э0}*одинокой* (англ. лишь ^{2.2.Э0}*alone*), а также – на

пропущенном русском переводчиком участке – парой композитивов с наведенной семантикой «ужаса» (^{2.2.Э0}*No hut* ^{2.2.Э0}*receives*).

Подобные комментарии, разъясняющие значение каждого кода, в дальнейшем анализе были бы в столь подробном виде неуместны и тяжеловесны. Поэтому мы будем пользоваться описанными кодами при категориальном анализе маркеров всех трех анализируемых категорий, по возможности избегая таких комментариев и предполагая, что введенные в данном параграфе обозначения понятны без разъяснения.

Иллюстрацию нанесения контент-кодов на русский и английский текстовые варианты мы завершим замечанием о том, что на один вариант, разумеется, можно нанести коды всех трех исследуемых ТК без какого-либо противоречия (ср. ниже *shrieks* – о «потоке»: одновременно *стремится* и *ревет*):

Пример одновременной разметки ТК темы, хронотопа, тональности²⁸

<i>Macpherson J.</i> From “Songs of Ossian” The Songs of Selma. Colma	<i>Дж. Макферсон</i> Оссиан Песнь Кольмы
It is ^{1.1.Т120} night; – ^{1.1.а4} I am ^{2.2.Э0} alone, ^{1.1.65} Ø ^{1.1.Э1} forlorn ^{1.1.Л11} on the hill of storms. The wind is heard ^{1.1.65} Ø ^{1.1.Л11} in the mountain. The ^{1.1.Э2} torrent ^{1.2.Л120+2.1.Э2} shrieks ^{1.2.Л120} down ^{1.1.Л11} the rock. ^{2.2.Э0} No ^{1.2.Л11} hut ^{2.2.Э0} receives ^{1.1.а4} me from the rain; ^{1.1.65} Ø ^{1.1.Э1} forlorn ^{1.1.Л11} on the hill of winds.	^{1.1.Э1} Ужасна ^{1.1.Т120} ночь, а ^{1.1.а4} я ^{2.2.Э0} одна ^{2.1.Л11} Здесь ^{1.1.65} Ø ^{1.1.Л11} на вершине ^{2.2.Э0} одинокой. ^{2.1.Л11} Вокруг ^{1.1.а4} меня стихий ^{2.1.Э2} война. ^{1.1.Л11} В ущелиях горы высокой ^{1.1.а4} Я слышу ветра свист глухой. ^{2.1.Л11} Здесь ^{1.1.Л11} по скалам ^{1.1.Л11} с горы крутой ^{1.2.Л120} Стремится ^{1.2.Л120} вниз ^{1.1.Л11} поток ^{2.1.Э2} ревучий... (Пер. Д. В. Веневитинова.)

²⁸ Повторимся еще раз, что данный пример призван лишь проиллюстрировать маркировку текстовых категорий и едва ли способен претендовать на исчерпывающую картину категориально-текстовых репрезентаций в «Песни Кольмы» Джеймса Макферсона, служащей демонстрационным материалом, но не предметом нашего анализа.

Аспекты набора, комбинаторики и размещения всех трех категорий обеспечивают и возможность количественной идентификации путем расчета эквивалентности, значительно облегчаемого при использовании введенных кодов. Продемонстрируем на примере из «Песни Кольмы» ход такого расчета.

Начнем с эквивалентности по категории темы. Запишем коды выделенной тематической цепочки 1.1 (см. разметку выше) друг под другом в русском и английском вариантах, пронумеровав звенья слева направо:

Таблица 2

**Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1
в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана»**

№ звена п/п ²⁹	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
Вариант											
«Поэмы Оссиана»	a₄	–	б₅	–	a₄	–	a₄				
“Songs of Ossian”	a₄	–	б₅		–		б₅	–	a₄	–	б₅

С целью упорядочения модели [Черняховская 1989] введем понятия *эквивалентность набора*; *эквивалентность комбинаторики*; *эквивалентность размещения*. Расчет эквивалентности набора (Табл. 5, см. ниже) производится путем вычисления отношения количества совпадающих звеньев в заданном варианте к общему количеству звеньев в этом варианте (в нашем случае – русскоязычном): $\frac{2}{4} = 0,5$. Представляется более удобным выражать эту долю в процентном виде (50%). Заметим, что, если бы, наоборот, требовалось вычислить эквивалентность английского варианта русскому, она составила бы лишь 40% в аспекте набора (совпадают 2 звена из 5, а не из 4).

Таким образом, в числовом соответствии каждому из звеньев (1), (2), (3), (4) можно сопоставить 1, если звено имеет совпадающее с ним

²⁹ Здесь и далее номера репрезентаций по порядку в «шапке» расчетной контент-таблицы расставляются только для русскоязычного варианта, идентифицируемого относительно английского.

соответствие в наборе варианта, и 0, если соответствия вообще нет либо если оно передано иным образом. Добавим эти индексы в Табл. 2:

Таблица 3

**Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1
в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана» с числовой
индексацией набора**

№ звена п/п Вариант	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
«Поэмы Оссиана»	a₄	–	b₅	–	a₄	–	a₄				
“Songs of Ossian”	a₄	–	b₅		–		b₅	–	a₄	–	b₅
Индекс идентификации (ИИ)³⁰ набора	1		1		0		0				

Эквивалентность комбинаторики в цепочке определяется только для имеющих соответствие членов (в нашем случае – это звенья №№ 1, 2 и 4) через сочетаемость с ближайшими членами – соседними репрезентациями; при этом звено может быть эквивалентным оригиналу, если оба соседних с ним члена совпадают с «соседями» сопоставляемого звена в цепочке ИТ; полуэквивалентным, если совпадает только одно соседнее звено; и неэквивалентным, если оба звена в окружении не совпадают. При этом инициальное (начальное) и финальное (конечное) звенья могут быть только эквивалентными либо неэквивалентными как имеющие лишь одного «соседа».

Пусть эквивалентное звено имеет числовое соответствие 1 (таковым является только звено № 1), а полуэквивалентное соответствует 0,5 (это звено № 2, у которого левый «сосед» совпадает с английским, а правый нет, а также № 4, у которого в «соседях» есть совпадение **a₄**, стоящее в разных вариантах по разные стороны от звена (4)). Неэквивалентное соответствует 0

³⁰ ИИ – индексы идентификации – расставляются только для репрезентаций темы в русском варианте, т. е. в столбцах (1), (2), (3), (4). При этом **полу жирным** выделяются «априорные» нули – нули отсутствия английского соответствия, иначе (в терминах теории трансформаций) нули переводческих добавлений.

(это звено № 3). Запишем эти соответствия в Табл. 2, аналогично эквивалентности набора усовершенствовав ее (Табл. 4):

Таблица 4

**Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1
в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана» с числовой
индексацией комбинаторики**

№ звена п/п Вариант	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
«Поэмы Оссиана»	a ₄	–	b ₅	–	a ₄	–	a ₄				
“Songs of Ossian”	a ₄	–	b ₅		–		b ₅	–	a ₄	–	b ₅
ИИ комбинаторики ³¹	1		0,5		0		0,5				

Расчет эквивалентности комбинаторики производится путем вычисления отношения суммы этих числовых соответствий к общему числу звеньев данного варианта: $\frac{1+0,5+0+0,5}{4} = \frac{2}{4} = 0,5$. В процентном отношении эквивалентность комбинаторики вычисляется, аналогично эквивалентности набора, как отклонение от 100% и в данном случае составляет 50%.

Наконец, эквивалентность размещения статистически рассчитывается для каждого звена, имеющего соответствие в наборе (в нашем случае – для №№ 1, 2 и 4), по тому, занимает ли оно ту же по силе / слабости позицию в одном варианте, что и в другом. Сильной признается только позиция начала либо конца структурной единицы: стихотворной строки, катрена (и, соответственно, предложения, ПП в составе СП, оборота и пр., т. е. перед и после разрыва строки и/или знака препинания, если это не знак в середине однородного ряда)³². Здесь следует добавить, что, если набор

³¹ Расставляются только для репрезентаций темы в русском варианте, т. е. в столбцах (1), (2), (3), (4). При этом **полужирным** выделяются «априорные» нули – нули отсутствия английского соответствия, иначе (в терминах теории трансформаций) нули переводческих добавлений.

³² При расчете эквивалентности по размещению не учитываются ритмические (иктовые) позиции категориальных репрезентаций, поскольку модель СКАТ далее апробируется на

и комбинаторика способны влиять друг на друга, то размещение как бы стоит отдельно от них и – кроме случаев нулевого соответствия, т. е. переводческого добавления [см.: Рецкер 1974; Гарбовский 1982] – едва ли испытывает влияние первых двух характеристик. «Новым типом человека становится не раб вещей, а человек расстановки» [Коноваленко 2012: 83].

Но вернемся к приведенному выше отрывку из «Песен Оссиана». К разметке звеньев (1), (2) и (4) и их английских соответствий добавим указание на сильную (**сил.**) или слабую (**слб.**) позицию:

Контентная разметка темы с сильными / слабыми позициями в вариантах «Песни Кольмы» Дж. Макферсона

<i>Macpherson J.</i>	<i>Дж. Макферсон</i>
From “Songs of Ossian”	Оссиан
The Songs of Selma. Colma	Песнь Кольмы
It is night; – ^{1.1.a4 (сил.)} I am alone, ^{1.1.65 (сил.)} <u>Ø</u> forlorn on the hill of storms. The wind is heard ^{1.1.65 (слб.)} <u>Ø</u> in the mountain. The torrent shrieks down the rock. No hut receives ^{1.1.a4} <u>me</u> from the rain; ^{1.1.65} <u>Ø</u> forlorn on the hill of winds.	Ужасна ночь, а ^{1.1.a4 (слб.)} <u>я</u> одна Здесь ^{1.1.65 (слб.)} <u>Ø</u> на вершине одинокой. Вокруг ^{1.1.a4} <u>меня</u> стихий война. В ущелиях горы высокой ^{1.1.a4 (сил.)} <u>Я</u> слышу ветра свист глухой. Здесь по скалам с горы крутой Стремится вниз поток ревучий... (Пер. Д. В. Веневитинова.)

Как видно, в русском варианте оба первых звена попадают в середину стихотворной строки, так что позиция *я* и *Ø* слабая, и лишь второе *я* (звено № 4) находится в позиции сильной. В английском же варианте *I* (звено № 1) стоит в начале ПП (сразу после знаков препинания), *Ø* (звено № 2) попадает в начало оборота, вводимого *forlorn*, т. е. оба первых звена сильные, а звено «нулевое» (то самое, не выраженное в английском пассиве соответствие русскому активному *я* № 4), наоборот, поставлено в позицию слабую.

прозаическом переводе, где структура чередования ударных / безударных слогов не рассматривалась. Аспект ритма прозаического текста освещен, например, в работах [Дозорец 1972; Григорьев 1979; Арнольд 1990].

Усовершенствуем Табл. 2 путем указания на силу / слабость позиции совпадающих звеньев. По совпадению (совпадает – «1», не совпадает – «0») получаем индексы идентификации размещения (Табл. 5):

Таблица 5

**Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1
в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана» с числовой
индексацией размещения**

№ звена п/п Вариант	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
«Поэмы Оссиана»	a ₄ (слб.)	–	б ₅ (слб.)	–	a ₄	–	a ₄ (сил.)				
“Songs of Ossian”	a ₄ (сил.)	–	б ₅ (сил.)		–		б ₅ (слб.)	–	a ₄	–	б ₅
ИИ размещения ³³	0		0		0		0				

Расчет эквивалентности размещения производится аналогично расчетам набора и комбинаторики: вычисляется отношение суммы числовых эквивалентов к общему числу звеньев $\frac{0+0+0+0}{4} = 0$ (0%). Заключение вытекает и из рассуждений, сделанных после идентификации позиций тематических звеньев: совпадающих по силе / слабости звеньев в цепочке нет.

Три приведенных параметрических расчета позволяют вычислить эквивалентность русскоязычного отрывка по категории темы путем усреднения трех полученных процентных соотношений: $(50+50+0)/3 = 33,33\%$. Назовем полученную величину усредненной эквивалентностью по текстовой категории³⁴.

³³ Расставляются только для репрезентаций темы в русском варианте, т. е. в столбцах (1), (2), (3), (4). При этом **полужирным** выделяются «априорные» нули – нули отсутствия английского соответствия, иначе (в терминах теории трансформаций) нули переводческих добавлений.

³⁴ Зная усредненную эквивалентность по каждой текстовой категории (\bar{x}), исследователь может, по-видимому, рассчитывать в каждом отдельном случае и отклонение от нее как дисперсию – например, по формуле Б. Н. Головина, примененной к языковым явлениям:

Возможность этого усреднения указывает и на возможность одновременного усовершенствования Табл. 2 на основании Табл. 3, 4, 5. Объединим все числовые индексы набора, комбинаторики и размещения построчно:

Таблица 6

**Трехаспектное взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1) в русском и английском вариантах
«Поэмы Оссиана»**

№ звена п/п	(1)	–	(2)	–	(3)	–	(4)				
Вариант											
Русский	a₄	–	b₅	–	a₄	–	a₄				
Английский	a₄	–	b₅		–		b₅	–	a₄	–	b₅
ИИ набора	1		1		0		0				
ИИ комбинаторики	1		0,5		0		0,5				
ИИ размещения	0		0		0		0				

Табл. 6 делает наглядным, в частности, тот факт, что звено, не имеющее совпадения в идентифицирующем варианте с идентифицируемым, по всем трем параметрам получает автоматическое соответствие, равное нулю.

Мы будем пользоваться Табл. 6 в качестве основной формы для внесения числовых соответствий и в других текстовых категориях.

Ход расчета эквивалентности по категориям хронотопа и тональности производится по той же схеме; однако если в ТК темы каждая цепочка рассчитывается отдельно и затем результат усредняется, то в этих, полевых по принципу организации категориях ядро и периферия в отдельные группы не выделяются. В таблицу, таким образом, попадают все категориальные репрезентации, в контент-коде которых совпадает буква (Л – локативность, Т – темпоральность либо Э – эмотивность, эмотивная тональность).

$\frac{\sum (x_i - \bar{x})}{k}$, где x_i – любое(ые) числовое(ые) значение(я) эквивалентности в конкретном(ых) случае(ях), \bar{x} – усредненная эквивалентность, k – число выборок [Головин 1971: 13].

Продемонстрируем ход такого расчета для ТК тональности. Для удобства расчета воспользуемся вышеприведенной формой Табл. 6:

Таблица 7

**Взаимное соответствие кодов ТК тональности
в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана»:
аспекты набора, комбинаторики, размещения**

№ п/п Вариант	(1)	(2)		(3)	(4)		(5)		
Русский	1.1Э1	2.2Э0	–	2.2Э0	2.1Э2	–	2.1Э2	–	–
Английский	–	2.2Э0	1.1Э1	–	–	1.1Э2	2.1Э2	2.2Э0	2.2Э0
ИИ набора ³⁵	0	1		0	0		1		
ИИ комбина- торики	0	0,5		0	0		0		
ИИ разме- щения (рус. – англ.) ³⁶	0	1 (сил. –сил.)		0	0		0 (сил. – слб.)		

Как показывает Табл. 7, эквивалентность набора по ТК тональности составляет 40% ($\frac{2}{5}$), комбинаторики – 10% ($\frac{0,5}{5}$), размещения – 20% ($\frac{1}{5}$).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{40+10+20}{3} = 23,33\%$.

Приведенные примеры расчетов, конечно, остаются далекими от окончательных выводов, которые представляется возможным получить только при идентификации целого текста (см. 1.4 и главу 2). Однако порядок чисел 33,33% и 23,33% уже позволяет, вероятно, предполагать значительное художественное своеобразие перевода Д. В. Веневитинова, а следовательно, и творческую индивидуальность переводчика «Песен Оссиана» Дж. Макферсона.

³⁵ Расставляются только для репрезентаций тональности в русском варианте, т. е. в столбцах (1), (2), (3), (4), (5). Полу жирным выделены нули у маркеров, не получивших межвариантного соответствия, иначе (в терминах теории трансформаций) нули переводческих добавлений.

³⁶ В таблицах приложения это примечание – доказательство совпадения / несовпадения размещения – опущено в связи с нехваткой места (см.)

На рассмотренном фрагменте видно, что ряд предварительных заключений по содержанию категориальных репрезентаций производится и без контент-кодирования; приведенная методика, сочетающая в себе структурно-лингвистические и статистические компоненты [Ревзин 1977], призвана не стать во главу сопоставительно-категориальной модели, но лишь систематизировать и наглядно представить данные, по которым определяются параметры набора, комбинаторики, размещения. Кодирование составляет, как уже было показано, начальную стадию сопоставительного (второго) этапа реализации модели: после получения кодов, отображающих сопоставляемые варианты в их категориальной специфике, исследователь переходит непосредственно к наложению и сопоставлению соответствующих условных записей.

Разработанная модель сопоставительно-категориального анализа текстов (далее также СКАТ), предполагает следующие этапы:

0. (подготовительный этап) Выделение взаимно соответствующих репрезентативных композиционных блоков каждого из текстовых вариантов.
1. Выявление речевой экспликации категорий темы, хронотопа, тональности в рамках выделенных композиционных блоков.
2. Кодирование речевых сигналов выделенных категорий во всех композиционных блоках.
3. Сопоставительный количественный анализ полученных кодировок.
4. Функционально-текстовая интерпретация полученных статистических данных по каждой текстовой категории.

Представляется уместным завершить описание модели указанием на предполагаемые преимущества планируемого сопоставительно-категориального анализа текстов: 1) опору на композиционную структуру как основу, объединяющую все варианты выбранного текста; 2) возможность речевой идентификации авторской интенции как дифференциальной особенности автора и переводчика (и, как следствие, соотнесение

переводчика с выделяемой в литературоведении категорией автора);
3) измерение эквивалентности любого переводного варианта оригиналу как степени взаимного соответствия содержательно-категориальных репрезентаций.

1.4. Апробация модели сопоставительного категориального анализа текстов

В данном разделе работы демонстрируется апробация описанной выше модели на материале малого лирического текста – буколической идиллии К. Марло “The Passionate Shepherd to His Love” [Marlowe 1981: 72] в двух переводных вариантах: РПТ-1 «Влюбленный пастух – своей возлюбленной» (В. Рогов) [Марло 1977: 501] и РПТ-2 «Страстный пастух – своей возлюбленной» (И. Жданов) [Марло 1981: 73]. Функционально-жанровая близость такого выбора основному тексту работы – поэме Дж. Мильтона «Потерянный Рай» в русскоязычном варианте 1777 г. – была обоснована выше (разд. 1.2.).

Сразу оговоримся, что за «количественно-качественным» сопоставлением переводов отнюдь не лежит оценка одного художественного перевода в пользу или не в пользу другого (на что может наводить прилагательное «качественный») [см.: Цвиллинг 1978; Мошкович 2014]. «Сравнивая разные переводы одной и той же поэмы, мы исходим из того, что каждый перевод – концепция и, значит, отдельная система (концептуальность – один из первостепенных признаков современного перевода). Тут последовательно проводится идея невзаимоисключаемости различных систем переводов: различия переводов идут не по принципу: хуже – лучше; тут ни в коем случае не качественные различия, а различия характеров, исключаящие поспешные и праздные предпочтения одного перевода другому» [Цыбулевский 1980: 9].

Учитывая сказанное, обратимся к элегии Кристофера Марло.

Сюжет выбранного текста незамысловат: пастух, рефреном повторяющий призыв *приди ко мне*, мечтает о свидании с любимой. С точки зрения композиции текст делится на три блока: I – мечта о прибытии возлюбленной (катрены 1, 2); II – мечта о преподнесении ей различных даров (катрены 3, 4, 5); III – мечта о совместном переживании радостей на лоне природы (катрен 6). Оформление последнего четверостишия в отдельный композиционный блок поддерживается графически – отделением при помощи точек в ИТ и РПТ-2:

	РПТ-1 (В. Рогов) <i>Влюбленный пастух – своей возлюбленной</i>	РПТ-2 (И. Жданов) <i>Страстный пастух – своей возлюбленной</i>	ИТ <i>The Passionate Shepherd to His Love</i>
1	О, стань возлюбленной моей,	Приди, любимая моя!	Come live with me and be my Love,
2	Живи со мной среди полей!	С тобой вкушу блаженство я.	And we will all the pleasures prove
3	Всем наслаждаться будем мы,	Открыты нам полей простор,	That hills and valleys, dale and field,
4	Чем славны доли и холмы.	Леса, долины, кручи гор.	And all the craggy mountains yield.
5	Увидишь ты со мной тогда,	Мы сядем у прибрежных скал,	There will we sit upon the rocks
6	Как пастухи пасут стада	Где птицы дивный мадригал	And see the shepherds feed their flocks,
7	У мелких речек, возле скал,	Слагают в честь уснувших вод	By shallow rivers, to whose falls
8	Где слышен птичий мадригал.	И где пастух стада пасет.	Melodious birds sing madrigals.
9	Постель из роз тебе сложу,	Приди! Я плащ украшу твой	There will I make thee a bed of roses
10	Букетов тысячу свяжу,	Зеленой миртовой листвой,	And a thousand fragrant posies.
11	Сплету передник из травы	Цветы вплету я в шелк волос	A cap of flowers, and the kirtle,
12	С узором миртовой листвы.	И ложе сделаю из роз.	Embroider'd all with leaves of myrtle.
13	Тончайшей шерсти на наряд	Тончайший я сотку наряд	A gown made of the finest wool,
14	Тебе овечки подарят.	Из шерсти маленьких ягнят.	Which from our pretty lambs we pull,
15	Дам башмачки тебе зимой,	Зажгу на башмаках твоих	Fair lined slippers for the cold,
16	К ним – по застежке золотой.	Огонь застежек золотых.	With buckles of the purest gold.
17	Еще тебе я приберег	Дам пояс мягкий из плюща,	A belt of straw and ivy buds
18	С янтарной пряжкой поясок.	Янтарь для пуговиц плаща.	With coral clasps and amber studs:
19	Коль мило то душе твоей,	С тобой познаю счастье я,	And if these pleasures may thee move,
20	То стань возлюбленной моей.	Приди, любимая моя!	Come live with me and be my Love.

21	Тебе в погожие деньки	Для нас весною у реки	The shepherd swains shall dance and sing
22	Споют и спляшут пастушки.	Споют и спляшут пастушки.	For thy delight each May-morning:
23	Коль есть отрада в жизни сей,	Волненье сердца не тая,	If these delights thy mind may move,
24	То стань возлюбленной моей.	Приди, любимая моя!	Then live with me and be my Love.

Несмотря на то, что в РПТ-1 блок III не имеет графического отделения (вероятно, фактор другого издания), содержательно этот блок поддержан переводчиком В. Роговым даже сильнее, чем И. Ждановым [см.: Бортников 2013]. В целом в обоих переводах соблюдено формальное членение на шесть катренов, так что все три композиционных блока имеют равный объем репрезентации во всех трех текстах. Совпадение по основанию содержания композиции, по логике механизма «прибытие → дарение → торжество объединения», прослеживаемое в обоих переводах достаточно прозрачно, аксиоматически предполагает содержательные совпадения и по каждой из «макрокатегорий», «категорий-свойств».

Обратимся к идентификации обоих переводных вариантов (относительно друг друга) на основе категорий, заданных в модели СКАТ.

1.4.1. Идентификация категории темы. В соответствии с жанром буколического послания субъектные цепочки (1), к которым причисляются номинации адресанта и адресата текста, выдвигаются на первый план (по отдельности выделим «я» – 1.1. и «ты» – 1.2., а также обобщенную цепочку «мы» – 1.3.). Предметные цепочки (2), в свою очередь, делятся на два типа: предметно-событийные (на нашем материале полностью связанные с темой природы) – 2.1. и персонально-предметные, связанные с номинацией «третьих лиц» – 2.2. (в элегии Марло это *пастухи*, англ. *shepherds*). Таким образом, сопоставление русских переводов В. Рогова и И. Жданова с оригиналом стихотворения К. Марло ведется по нескольким тематическим линиям. Субъектными цепочками взаимно соединены все композиционные блоки стихотворения.

Сплошная выборка цепочек адресанта и адресата в русских переводах выбранной элегии дает следующий исход, или «искусственный текст» [Аверьянов 2009: 54], в виде буквенно-цифрового контента:

(1.1. – Адресант)

Пастух – своей – моей – мной – мной – ø – ø – ø – ø – я – моей – моей
(РПТ-1)

Пастух – своей – моя – я – я – я – ø – я – ø – ø – ø – я – моя – моя
(РПТ-2)

Shepherd – his – me – my – I – ø – ø – ø – ø – me – my – me – my (ИТ)

(1.2. – Адресат)

Своей возлюбленной – ø – возлюбленной моей – ø – ты – тебе – ø – ø – тебе – тебе – ø – тебе – твоей – ø – возлюбленной моей – тебе – ø – возлюбленной моей (РПТ-1)

Своей возлюбленной – ø – любимая моя – тобой – ø – твой – ø – ø – твоих – ø – тобою – ø – любимая моя – ø – ø – любимая моя (РПТ-2)

His Love – ø – ø – my Love – thee – ø – ø – thee – ø – ø – my Love – thy – thy – ø – ø – my Love (ИТ)

В типологическом разнообразии цепочек 1.1 и 1.2 наблюдается различие: в цепочке адресанта доминируют местоимения (больше половины во всех трех текстовых вариантах цепочки 1.1: 6 из 11 в РПТ-1; 9 из 12 в РПТ-2; 8 из 13 в ИТ), в то время как в цепочке адресата преобладают нулевые номинации – во всех трех вариантах (7 из 18 в РПТ-1; 8 из 16 в РПТ-2; 8 из 16 в ИТ), в то время как местоименных номинаций насчитывается только 15 (из 50). Нетрудно заметить количественную близость звеньев цепочки РПТ-2 к ИТ в отличие от РПТ-1 – это видно и по цепочке 1.1, но особенно четко по цепочке 1.2 – 50%-ное содержание «нулевых» номинаций в цепочках. Объяснение преобладания «нулей» в цепочке 1.2 следует искать, вероятно, в переплетениях с предметно-тематической цепочкой – особенно частью II.

Цепочка адресата заметно длиннее и разнообразнее цепочки адресанта. Если себя говорящий номинирует только через местоимения и нулевые

номинации (что позволяет переводчикам передать цепочку ИТ с точностью до повторяющихся звеньев), то в цепочке обращений к любимой то и дело проявляется стремление указать на эмотивную рецепцию адресанта – испытываемое чувство любви. Отсюда то самое *my Love*, которое звучит рефреном в 1, 5 и 6 катренах и которое дало пищу переводческим трансформациям. Однако разнообразие проявляется и через экспликацию притяжательных местоимений: если в цепочке 1.1 *я* присваивает себе только *возлюбленную* (из чего следует, что местоименная часть номинации **моя** *возлюбленная* есть пересечение, переплетение микротем [Курьянова 1982]), то в цепочке 1.2 *твоими* названы сразу несколько объектов: в РПТ-1 – *душа*, в РПТ-2 – *башмаки*, а в ИТ устаревшее, высокое *thy* относится к восторгу (*delight*), что не сохранено ни одним из переводчиков. Отметим, что и исходное *ты* (*thee*) в современном английском является устаревшим, стилистически высоким, каковым считалось, по-видимому, уже во времена Марло (*you* к концу среднеангл. периода уже вытеснило из обихода *thee*).

С учетом описанных в разд. 1.3 принципов контент-кодирования цепочки адресанта и адресата послания К. Марло имеют следующий вид:

(1.1)

$a_1 - b_4 - b'_4 - v_4 - v_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - v_4 - b'_4 - b'_4$ (РПТ-1)

$a_1 - b_4 - b'_4 - v_4 - v_4 - v_4 - \Gamma_5 - v_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - v_4 - b'_4 - b'_4$ (РПТ-2)

$a_1 - b_4 - v_4 - b'_4 - v_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - v_4 - b'_4 - v_4 - b'_4$ (ИТ)

(1.2)

$a_1 - \Gamma_5 - b_3 - \Gamma_5 - v_4 - v_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - v_4 - v_4 - \Gamma_5 - v_4 - d_4 - \Gamma_5 - b_3 - v_4 - \Gamma_5 - b_3$ (РПТ-1)

$a_1 - \Gamma_5 - b_2 - v_4 - \Gamma_5 - d_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - d_4 - \Gamma_5 - v_4 - \Gamma_5 - b_2 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - b_2$ (РПТ-2)

$a_1 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - a'_1 - v_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - v_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - a'_1 - d_4 - d_4 - \Gamma_5 - \Gamma_5 - a'_1$ (ИТ)

Цепочка 1.3, условно отделенная нами от первых двух как объединяющая участников коммуникации, имеет содержательную

возможность экспликации только в первых двух катренах, поскольку акт дарения, коему посвящены следующие затем композиционные блоки, подразумевает передачу некоего материального объекта адресантом адресату и, как следствие, невозможность объединения одного с другим. Вид цепочки 1.3 таков:

<i>мы</i> (РПТ-1)	→	a₄ (РПТ-1)
<i>нам – мы – нас</i> (РПТ-2)	→	a₄ – a₄ – a₄ (РПТ-2)
<i>we – we – ø – our – we</i> (ИТ)	→	a₄ – a₄ – r₅ – b₄ – a₄ (ИТ)

Номинация *мы* – субститут с типологической точки зрения и основная номинация с точки зрения организации тематической цепочки (собственно, номинация *мы* и заставляет выделить цепочку 1.3 вместо, так сказать, «корамификации» – совместного ветвления – 1.1 и 1.2) обозначена как **a₄**. Ни в переводах, ни в ИТ *настух* не объединяется с *возлюбленной* под каким-либо номинативным, лексически новым наименованием (типа *настухи*, или *дриады*, или *лесной король и королева*, ср. аналогичные трансформации в пьесах Шекспира или поэмах Спенсера). Приведенная цепочка демонстрирует качественную и количественную близость РПТ-2 к исходному тексту (сопоставительно с РПТ-1): если не считать нулевой номинации и субститута *our* (*наш*), цепочки идентичны³⁷.

Кодировочная инструкция всех цепочек приводится в приложении А; туда же помещены сопоставительные таблицы А.1.1, А.1.2, А.1.3 (куда более обширные, чем в случае с отрывком в разд. 1.3), построенные по образцу Табл. 6,. В основном тексте работы мы приведем лишь результирующие числа, полученные при количественной идентификации обоих русскоязычных переводов элегии Марло:

³⁷ За счет цепочки 1.3, что немаловажно, РПТ-2 обходит РПТ-1 по усредненно-эквивалентному значению (Табл. 10).

**Усредненные показатели эквивалентности тематических цепочек
в вариантах В. Рогова и И. Жданова (согласно приложению А)**

Текстовой вариант	Усредненная эквивалентность по цепочке			УЭ по всем цепочкам
	1.1	1.2	1.3	
РПТ-1	50%	53,7%	33,33%	45,67%
РПТ-2	48,8%	44,44%	50%	47,73%

Как видно из Табл. 8, субъектная цепочка в любом из своих ветвлений демонстрирует не превышающую 50% близость русских переводов английскому оригиналу. Объясняется это, весьма невысокое, значение тяготением переводчиков и к формальной (стиховой), и к содержательной точности (эквиметричности и эквивалентности). Базовые номинации в тексте малого объема тяготеют к единичной репрезентации и в РПТ не дают значительных расхождений, поэтому отличительные особенности в содержании каждого ПТ касаются, скорее, номинаций других типов – «нулевых» в аспекте размещения и местоименных (местоименно-притяжательных) в аспекте комбинаторики. При различении антропоцепочек следует отметить увеличение эгоцентричности РПТ-1 сопоставительно с большей «материальностью» РПТ-2 – этот первичный вывод требует подтверждения на материале, соответственно, категорий тональности и хронотопа.

Предметная тематическая цепочка 2.1 обобщенно может быть обозначена как «природа», что хорошо согласуется с жанром буколического послания³⁸. Номинации *природа* (как меронима целого по отношению к частным компонентам) в тексте мы не обнаруживаем, поэтому цепочка 2.1

³⁸ В своем строении оба ветвления предметной тематической цепочки 2 (2.1 – «природа», 2.2 – «пастушки») представляют собой однородные ряды лексически новых номинаций, поэтому количественное исчисление эквивалентности и для 2.1, и для 2.2 осуществлено без кодирования – путем простого подсчета совпадений.

отличается в своем строении отсутствием не только нулевых номинаций, но и базовой номинации. Семантическое ветвление темы обусловлено композиционно-тематическим развитием текста: наблюдаемые в воображении объекты природы (*поля, доли/долины, горы – холмы, стада, скалы*); воображаемые дары пастуха возлюбленной (*розы, цветы, шерсть, янтарный – янтарь*); объединение с природой (*пастушки ~ the shepherd swains*). Из 10 номинаций первого блока ИТ 7 представлено в РПТ-1 и 9 в РПТ-2; из 11-ти номинаций второго блока 8 находим в РПТ-1 и 7 в РПТ-2; единственная номинация третьего блока сохранена обоими переводчиками (что дает довольно близкие количественные показатели эквивалентности: $\frac{16}{22} \approx 0,7273$, или 72,73%, для РПТ-1; $\frac{17}{22} \approx 0,7727$, или 77,27%, для РПТ-2, вновь с перевесом в сторону последнего).

Качество композиционного стержня в тематической цепочке 2.2 обеспечивается повтором единственной персонально-предметной номинации *пастухи – пастушки ~ shepherds*. Названная номинация представлена в блоках I и III:

*Увидишь ты со мной тогда,
Как **пастухи** пасут стада... (ст. 5 – 6)
...Тебе в погожие деньки
Споют и спляшут **пастушки** (ст. 21 – 22).*

Кроме того, данная пара увязывает это внутритекстовое единство с заглавием, включающим в себя номинацию *пастух ~ shepherd*, в котором эта номинация является адресантной (пастух – лирический герой послания). Так демонстрируется кольцевой принцип композиционной организации на уровне содержания, формально поддерживаемый отмеченным выше рефреном катренов 1, 5, 6 (стихи 1, 20 и 24).

Функциональная общность тематических цепочек 1 и 2 обнаруживается в том, что они обе, ветвясь в каждом композиционном блоке, тем самым скрепляют, «сшивают» воедино всю текстовую ткань. В качестве

вывода уместно также заметить, что наибольшие различия между тематическими цепочками русских переводов заключаются в наполнении предметной («природной») цепочки и в распределении нулевых номинаций (что обуславливается в том числе строем русского предложения).

1.4.2. Идентификация категории хронотопа. Жанром буколического послания определяется, с одной стороны, детализация картин природы, с другой – темпоральное единство, с нею связанное. Интегративная координата времени способствует тому, что все сегменты окружающей природы оказываются спаяны в одну идеальную данность, предназначенную постоянно длиться в будущем. Так обнаруживает себя бахтинская «неразрывность» текстового пространства и времени, которую нельзя не учитывать внутри этой комплексной категории [Бахтин 1975: 235].

В заглавии ИТ стихотворения К. Марло хронотоп задан предлогом *to* (соответствующим русскому *к* с пространственным значением). И в РПТ-1, и в РПТ-2 между номинациями адресанта и адресата послания опущен глагол *говорит* (*обращается к ..., взывает к ...*):

РПТ-1 *Влюбленный пастух – своей возлюбленной*

РПТ-2 *Страстный пастух – своей возлюбленной*

Исследуемая элегия, следовательно, понимается как сообщение, передаваемое в пространстве и времени (с логической точки зрения, тире можно заменить на стрелку вправо).

Мысль о дистанции между пастухом и возлюбленной подкрепляется рефреном-призывом, умозрительно сокращающим эту дистанцию. В ст. 1, 20, 24 РПТ-2 читаем: *Приди, любимая моя!* (выделено нами. – В.Б.) – значительно более близкое ИТ (*Come live with me...*, букв. *Приди жить со мною...*), чем *О, стань возлюбленной моей!..* в РПТ-1. Кроме того, восклицанием *Приди!* (ст. 9, чего нет в ИТ) переводчик-2 открыл блок (II), анафорически подкрепив композиционное значение этого восклицания (об анафоре см.: [Бюлер 2000]). Можно сделать вывод о различии композиционной функции хронотопа в призыве. Тем не менее, ирреальный

план грамматического будущего времени остается неизменным во всех сопоставляемых текстах

Грамматический план будущего подчеркивается глагольным рядом, следующим за императивом рефрена: *наслаждаться будем – вкушу блаженство, увидишь – сядем* (блок I); *сложу, свяжу, сплету – украшу, вплету, сделаю; подарят, дам – сотку, зажгу, дам* (блок II); *споят и спляшут – споят и спляшут* (блок III). Так создается «будущее постоянное» время текста, причем переводчику не требуется ставить в соответствующую форму каждый глагол. «Нулевая трансформация», т. е. неизменность исходной грамматической структуры [Гак 2001: 21–25], позволяет задать в придаточном настоящем время для фактов, которые уже существуют и, подчиненные будущему времени управляющего глагола, лишь ждут часа своей актуализации:

РПТ-1	РПТ-2	ИТ
<i>Увидишь</i> ты со мной тогда,	Мы <i>сядем</i> у прибрежных скал,	There <i>will we sit</i> upon the rocks
Как пастухи <i>пасут</i> стада	Где птицы дивный мадригал	And see the shepherds <i>feed</i> their flocks,
У мелких речек, возле скал,	<i>Слагают</i> в честь уснувших вод	By shallow rivers, to whose falls
Где <i>слышен</i> птичий мадригал.	И где пастух стада <i>пасет</i> .	Melodious birds <i>sing</i> madrigals.

Об экзистенциальной пресуппозиции (Г. Фреге, см. [Изенберг 1978]) можно говорить применительно не только к субъекту *мы*, но и ко всем уже ждущим их прихода объектам (*птицы, речки, пастухи*), эта пресуппозиция «уже-наличия» и отображается через настоящее время. В блоке (I) РПТ-2 дает даже одно прошедшее (*уснувших*), по сути являющееся смысловым развитием «узких рек» (*shallow rivers*) в ИТ: «опасным не является то, что спит» (переход в настоящее), «когда мы придем, уснувшие речки не проснутся под дрящущий мадригал птиц» (переход в будущее). «Будущее постоянное» тем самым не отрицается, а, наоборот, подчеркивается в своей длительности.

Темпоральность остается заключенной в пределы глагольного ряда и в блоке обещаний-посулов (II), однако схема «будущее – небудущее время», заданная Марло в оригинале (где будущее выражено только одним *will make*), в обоих русских переводах преобразуется в обильный ряд глаголов будущего времени по механизму конкретизации (в соответствии с чрезвычайно общим значением глагола *make*), так что подчиненное «небудущее» (*embroider'd, made, linèd* – обороты с причастиями прошедшего времени) оказывается опущено. Впрочем, в РПТ-1 грамматическое прошедшее все же оказалось поставлено в основной ряд (*приберег*), по смыслу – с той же семантикой «подготовленности к будущему приходу». Итак, время первых двух блоков есть субъектное «будущее постоянное», объединяющее различные объекты природы в плане восприятия. Продолжает это время длиться и в блоке III, где различные конкретные действия (*споют, спляшут*) вливаются в полифонию континуума.

«Будущее постоянное» поддерживается лексической единицей *зимой* (РПТ-1, в РПТ-2 отсутствует, в ИТ – *for the cold*, «на холод»). Единственный, пожалуй, закреплённый в обоих РПТ случай полной лексикализации времени в ст. 22 исходного текста – *each May-morning* (букв. *каждое майское утро*) – дает также основания для различения двух исследуемых переводов: *в погожие деньки* (РПТ-1) – *весною* (РПТ-2). По описанным в 1.3 правилам зададим контентные соответствия текстового времени:

	РПТ-1	РПТ-2	ИТ
Блок II	<i>зимой</i>	∅	<i>for the cold</i>
Блок III	<i>в погожие деньки</i>	<i>весною</i>	<i>each May-morning, –</i>

т. е.

1.1T₁₁ – 1.1T₁₂₁ (РПТ-1)

1.1T₁₂₁ (РПТ-2)

1.1T₁₂₁ – 1.1T₁₂₀ (ИТ)

Разница в наборе, видимая и без контент-кода (опущение первого компонента в РПТ-2), на фоне общего сходства комбинаторики

подкрепляется семантической разницей статичности (*зимой*) – динамичности (*for the cold*), прерывности (однократности, «разом данности» (Ю. С. Степанов): *в погожие деньки, весной*) – непрерывности, цикличности (*each May-morning* – «*каждое* утро»). Все – фактически обе, но разновариантные – единицы отнесены к категориальному ядру темпоральности; периферию поля по критерию частотности составляют описанные выше глагольные репрезентации грамматического будущего времени.

С точки зрения размещения в тексте взаимно соответствующие обстоятельства синтаксически инвертируются обоими переводчиками в иктовую позицию 21-го стиха (т. е. первого стиха в блоке III, гипотетически более значимого, чем стих второй, № 22). Таким образом, по этому параметру оба перевода идентифицируются как взаимно эквивалентные, но неэквивалентные оригиналу.

Сколь бы ни было трудно судить об эквивалентности переводов на основании столь небольшого числа лексических репрезентаций, рискнем отметить, что статистический критерий говорит в пользу РПТ-1. Это демонстрирует Табл. 9 (не вошедшая в приложение А):

Таблица 9

Идентификация русских переводов элегии К. Марло относительно ИТ на основании параметров категории темпоральности³⁹

	Набор	Комбинаторика	Размещение в тексте	УЭ
РПТ-1	100%	100%	0%	66,67%
РПТ-2	50%	100%	0%	50%

³⁹ Характер чисел в таблице (в основном «круглые», делимость на 5 и 10) объясняется всё тем же малым количеством репрезентаций собственно текстовой темпоральности в тексте коде.

Как показывает Табл. 9, УЭ РПТ-1 превышает 50% и, как следствие, оказывается выше, чем УЭ РПТ-2 (чего нельзя сказать о тематических компонентах).

Взаимная эквивалентность у обоих РПТ составляет 90%, это выше обеих усредненных эквивалентностей по сравнению с оригиналом – во-первых, из-за совпадения второго звена $1.1T_{121}$ (параметрическое совпадение в наборе составит 50%); во-вторых, из-за взаимной эквивалентности текстового размещения (100%).

Итак, текстовое различие двух переводов в выражении темпоральности касается лишь одной репрезентации в блоке (III), и совсем отчасти блока (II). В основном темпоральность представленного малого текста поддерживается средствами грамматическими – периферией поля, не включенной в код контента и значительно упростившей статистический расчет эквивалентности. Не применяя значительных грамматических трансформаций, оба переводчика сходным образом передают не только «будущее постоянное» (увеличивая число глаголов в блоке II), но и формы настоящего (по смыслу настояще-будущего) и прошедшего (также подчиненного будущему) времени.

Набор лексических сигналов локативности в выбранном тексте естественным образом предметен. Предметная тема (природа) обусловлена жанром буколического послания. Если континуальность элегии обусловлена единством времени, то составные части этого континуума суть компоненты пространственные. Детализация картин в композиционном блоке I в РПТ-1 дает ряд из 6 природных составляющих (*поля, доли, холмы, стада, реки, скалы*), а в РПТ-2 – из 7 (*поля, леса, долины, кручи гор, скалы, воды, стада*). Различия двух рядов проявляются, во-первых, через набор (в РПТ-2 есть *леса*, отсутствующие и в РПТ-1, и в ИТ, а также *кручи гор* – что ближе исходному *craggy mountains*, чем *холмы*), а во-вторых, через размещение (*стада* в РПТ-2, вынесенные в конец блока I, оказались приложены к *скалам* и *рекам*, что прямо противоположно ИТ:

And see the shepherds feed their flocks,

By shallow rivers, to whose falls...)

Выделенные различия переводов указывают и на два важнейших пространственных сегмента блока (I), различающиеся позицией наблюдателя. Обозрение *полей, лесов, долин, гор* (1-й катрен) географически расширено по сравнению с более близким положением лирического героя по отношению к называемым объектам – *скалы, воды, стада* – во 2-м катрене (зависимым, как отмечено выше, от *мы сядем – there will we sit*). Описание становится семантически более узким, пространство общегеографическое превращается в конкретно-географическое. В аспекте этой оппозиции более эквивалентным оказывается тот перевод, который ближе ИТ по количеству единиц обеих групп (в нашем случае это РПТ-2). Однако расположение (размещение) точек оказывается «на географической карте» РПТ-2 иным: у переводчика-2 *скалы* получают логическое сближение с *речками* (у *прибрежных скал*) – тем самым создается единство фона вокруг пасущих стада пастухов. Комбинируя природные детали, переводчик как бы движется по окружности и затем приближается к центру – в отличие от ИТ и РПТ-1, где взор проходит по диаметру мнимого круга, от края через центр к другому краю.

Аспект размещения локативных лексем указывает на парное членение однородного ряда в более широкой части природных картин (катрен 1):

That hills and valleys, dale and field,

And all the craggy mountains yield (ст. 3, 4)

Характерный синтаксический параллелизм *O and O, O and O, and O* между парными репрезентациями (членение ряда не отражено ни в одном из двух переводов) в РПТ-2 оказался передан в виде асиндетона – пропуска уже 3 (а не 2) союзов: «...полей *простор*, / *Леса, долины, кручи гор*» (*O, O, O, O*). В РПТ-1 же переводчик (вынесший слово *поля* в позицию рифмующегося с рефреном икта, ст. 2) сохранил в пределах фигуры размещения всего два из 5

компонентов (*долы и холмы*), на примере которых едва ли можно говорить о бессоюзии, многосоюзии или параллелизме.

Однако комбинаторика и размещение данного однородного ряда в РПТ-1 и РПТ-2 имеют и значительное сходство. Состоит оно в том, что детализация точечного пространства в обоих переводах Марло (в ИТ компонентов в наборе не 6 и не 7, а 9) претерпела две трансформации по механизму обобщения: близкие *valleys* и *dale* в обоих РПТ получают генерализованное соответствие *долины*, а меронимы *rivers* и *falls* (букв. *реки* и *водопады, перепады*) в РПТ-1 сохранены как *речки*, а в РПТ-2 – как *воды* (с описанным выше признаком *уснувшие*). Впрочем, такое сходство не скрывает того, что И. Жданов создает все же более эквивалентный ИТ композиционный блок I, чем В. Рогов – это касается и элементов набора, и размещения. Различие двух переводов в пользу РПТ-1 состоит только в параметре комбинаторики (где *речки* не получили членения на *прибрежную зону скал и воды*, как это случилось в РПТ-2), от чего несколько изменился ход обозрения отдельных точек картины.

Если не учитывать рассмотренное в качестве рефрена *Приди!* в ст. 9 РПТ-2, композиционный блок II всех трех вариантов текста содержит набор единиц, составляющих семантические группы «действия-обещания» (*сложу – сделаю, сплету – вплету* и т. д.) и «предметы-обещания» (*постель из роз – ложе из роз, шерсть – шерсть, поясок – пояс* и др.). Лексемы обеих групп имеют опосредованную связь с категорией локативности: с точки зрения семантических долей каждая единица связана с организацией пространства вокруг пришедшей возлюбленной – организацией природной, ведь и *листва мирта*, и *шерсть овец*, и даже *золотые застежки с янтарными пряжками* суть порождения природного локуса. Кроме того, все объекты с опосредованной пространственностью выходят за пределы реальности, помещаются в план времени идеальный, желаемый⁴⁰.

⁴⁰ Это обилие репрезентации, требующее от исследователя кодирования едва ли не каждой составляющей буколической элегии – ибо все полнозначные составляющие определяют

Сопоставительно-категориальный анализ двух переводов малого текста в аспекте хронотопа дает следующие выводы:

1) в переводных текстах наблюдается жесткое воспроизведение общей схемы хронотопа в оригинальном тексте, а все выявляемые различия лежат в рамках этой схемы;

2) текстовое пространство наиболее полно оказалось воссоздано переводчиком-2 по параметру набора репрезентаций, а переводчиком-1 – по параметру размещения сигналов текстового пространства. По параметру комбинаторики ближе оригиналу то РПТ-2 (в блоках I и II), то РПТ-1 в блоке III (за счет отсутствия репрезентации *у реки*).

3) текстовое время позволяет сделать вывод о создании эффекта динамичности в рецепции переводчика РПТ-2, в то время как РПТ-1 оказывается более статичным и общим.

Ирреальный «пастуший» континуум, кроме того, помещен в зону безусловно положительной тональности.

1.4.3. Идентификация категории тональности. В типично полевой, отображающей субъективную модальность текста категории тональности эксплицируется «психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [СЭС 2003: 549]. Для буколического послания, заглавие которого указывает на участников коммуникативного акта, наиболее важна, по-видимому, позиция по отношению к адресату – безусловно положительная, поскольку адресат характеризуется по чувству, которое испытывает к нему *страстный* (РПТ-2), или *влюбленный* (РПТ-1), адресант. Вариант эквивалента *passionate*, предлагаемый переводчиком-2, несет экспрессивную коннотацию (указывает на значительную интенсивность проявляемого чувства. Тем самым и всё послание *страстного* пастуха получает эмоциональную интенсификацию, весь текст перестает быть нейтральным.

пространственную картину – и позволяет воспользоваться механизмом контент-кодирования только применительно к категории времени, выраженной не столь обширно.

Рефрен как особый композиционный элемент повторяет заголовочную номинацию с корнем *-люб(л)-* (РПТ-1 – */стань/ возлюбленной*, РПТ-2 – *любимая*, ИТ – *Love*), однозначно обозначающую нескрываемое чувство к адресату. Отметим, что попытка возвышения при выборе эквивалента *Love* (в четыре раза более короткого по числу слогов в оригинале и потому определяющего возможность сохранения других единиц в структуре рефрена) осуществлена уже переводчиком-1 (*воз-*), однако компонент действия при этом свелся к «гибриду глагола и связки» *стать* [Виноградов 1947: 475] (англ. *be* – чистая связка), в отличие от полнозначного акционального [см.: Золотова 1982] глагола *приди* в РПТ-2 (размещающего адресата послания в пейзажном пространстве).

В то время, как хронотопический компонент рефрена имел в ИТ свои модификации (*Come live*, ст. 1 → *live*, ст. 20, 24), в отличие от русских переводов, предлагающих тождество рефренной формулы во всех трех позициях, компонент структурно-эмоциональный сохраняет единство в каждой позиции и в английском оригинале. Таким образом, троекратная эпифора *my Love* вкупе с заголовочной концовкой *his Love* дает основание отнести эту номинацию к ядру поля тональности в вариантах исследуемого текста. Помимо этой репрезентации, в ядро поля войдет и *passionate* (*страстный / влюбленный*) как имеющее ту же категориальную эмотивную сему «любовь».

Дальнейший сопоставительный анализ осуществляется на всем текстовом материале через элементы поля тональности. Это связано с безусловно положительным планом целого произведения⁴¹, на который работают и лексические, и все прочие средства (см. разд. 1.2). Выделенные ранее композиционные блоки при полевом подходе нерелевантны, однако сохраняют роль ориентира при осмыслении вычленяемых элементов.

⁴¹ Это обстоятельство выхода тональности за пределы текстовой категории среднего уровня, сближения ее с гиперкатегориями (см. разд. 1.2) позволило исследователю в данном, апробационном, разделе – так же, как и в случае с локативностью – опустить нерелевантный для таких случаев процесс кодирования [см. также: Бортников 2013].

Приядерную зону исследуемого поля составят единицы, которыми передаются эмоции, связанные с отношением участников коммуникативного акта к природе – т. е. к фону ситуации общения. Субъектная референция этого безусловно положительного отношения в каждом случае зависит от содержательного наполнения композиционного блока. Так, если по мысли юноши его возлюбленная откликнется на призыв *приди* (блок I), эмоция, согласно мечтаниям, станет общей: *наслаждаться будем мы* (РПТ-1); в акте же «дарения-обещания» (II) находим уважение к эмоциям адресата: *коль мило то душе твоей* (РПТ-1). Формально эти два случая в ИТ характерно совпадают в *pleasures* (ст. 2, 23), что в РПТ-2 дало сопровождающие референ структуры:

С тобой вкушу блаженство я (ст. 2) → *С тобой познаю счастье я* (ст. 23)

Обе структуры образуют вектор объединения чувств (чем скрепляется хронотопическое возвращение к сказанному вначале, выражаемое референным кольцом ст. 1 и 20), однако *блаженство* («*полное, невозмутимое* счастье, наслаждение» [ТСРЯ 2008: 48]) – единица, наделенная экспрессивной коннотацией интенсивности эмоциональной рецепции, – сохраняет в себе и ту генерализованность, которая отличала общий обзор природы в катрене 1 от конкретизированного ее изображения в блоке II. Таким образом, эквивалентность РПТ-2 исходному тексту в выражении приядерной зоны поля тональности устанавливается не только через лексическое соответствие *pleasures* (потерянное в РПТ-1), но и через уровень, называемый В. Н. Комиссаровым «описанием ситуации» (а в РПТ-1 – только через «уровень структуры ситуации», а именно через субъектную составляющую) [Комиссаров 2001: 55], т. е. степень эквивалентности РПТ-2 следует признать более высокой¹¹:

Ст.	РПТ-1	РПТ-2
1	О, стань <i>возлюбленной моей</i> ,	Приди, <i>любимая моя!</i>
2	Живи со мной среди полей!	С тобой <i>вкушу блаженство я.</i>
3	Всем <i>наслаждаться</i> будем мы,	<i>Открыты</i> нам полей <i>простор</i> ,
4	Чем <i>славны</i> доли и холмы. <...>	Леса, долины, кручи гор. <...>
13	<i>Тончайшей</i> шерсти на <i>наряд</i>	<i>Тончайший</i> я сотку <i>наряд</i>
14	Тебе <i>овечки</i> подарят.	Из шерсти <i>маленьких ягнят.</i>
15	Дам <i>башмачки</i> тебе зимой,	<i>Зажгу</i> на башмаках твоих
16	К ним – по застёжке <i>золотой.</i>	<i>Огонь</i> застёжек <i>золотых.</i>
17	Еще тебе я <i>приберег</i>	Дам пояс <i>мягкий</i> из плюща,
18	С <i>янтарной</i> пряжкой <i>поясок.</i>	<i>Янтарь</i> для пуговиц плаща.
19	Коль <i>мило</i> то <i>душе</i> твоей,	С тобой <i>познаю счастье я,</i>
20	То стань <i>возлюбленной моей.</i>	Приди, <i>любимая моя!</i>

Размещение репрезентаций описанной приядерной зоны характеризуется соседством с рефреном не только в кольце стихов 1 – 20, но и в рефренном «замке» блока III, где “pleasures” переходит в “delights” (и то, и другое в переводном словаре дано как «наслаждение» [Мюллер 2005: 593, 201], но по внутренней форме последнее как отглагольное существительное, вероятно, интенсивнее первого – образованного по модели латинского причастия будущего времени со значением долженствования [см. тж.: Gajda 2014]). Этот переход не нашел отражения в РПТ-1 (где дважды повторяется *мило*), зато в РПТ-2 *познаю счастье я* трансформируется в *волненье сердца не тая* (ст. 23). Если сравнивать *волненье* («сильная тревога, душевное беспокойство» [ТСРЯ 2008: 107]) с единицами *блаженство* и *счастье*, обнаруживается близость экспрессивной коннотации у репрезентаций *вкусить блаженство* и *таить волненье* – выражением приядерной зоны категории тональности вновь демонстрируется возвращение блока III к

блоку I (интенсификация эмоций сопровождается расширением конкретизированного хронотопа).

В позицию относительного соседства с рефреном попадают оценочные признаки описываемых объектов – природных элементов в блоках I и III, а также «материальных посулов» в блоке II. Это периферийные репрезентации рассматриваемой полевой категории, поскольку положительная оценка наводится на каждый объект через призму позитива в отношении к адресату (ядро поля) и в испытываемой коллективно с адресатом эмоции (приядерная зона). В блоке I периферийный набор составляют репрезентации *славны (долы и холмы)* в РПТ-1, *открыт простор (полей), дивный мадригал* в РПТ-2; в блоке II – все атрибуты подарков (*тончайшая шерсть – тончайший наряд; поясок – пояс мягкий* и т. д.). Как видно, семантика уменьшительности имеет разный статус в зависимости от особенностей денотата (категориальная – *наряд*; коннотативная – *мягкий*; категориальная и коннотативная – *тончайшая, поясок*). В дальнейшую периферию поля оказываются включены все элементы послания, до сих пор не включенные ни в одну из упомянутых зон ядра – периферии.

Таким образом, более динамичный переводной текст И. Жданова (РПТ-2) оказывается эквивалентно ближе ИТ в аспекте набора, размещения и комбинаторики ядерных и приядерных репрезентаций, соотносимых с полем категории тональности.

Сосредоточенный, скорее, на формальном соответствии оригиналу, переводчик-1 В. Рогов сохраняет значительное число категориальных эмотивных сем. Однако при этом коннотативным наслоениям в блоке II уже не остается места.

Предположение о возможности категориально идентифицировать и сопоставлять варианты перевода подтверждается, поскольку проведенный анализ позволяет сделать поэтапные заключения о степени эквивалентности каждого из двух РПТ. Каждый этап анализа (в аспекте категории темы; хронотопа; тональности) дает выводы, справедливость которых

подтверждается, а в частностях нередко и опровергается анализом других категориальных репрезентаций.

Выводы

1. Текстовая категория, будучи знаковым образованием, соприродна целому тексту своей многоэлементностью и композиционностью. Реализация текстовых категорий видоизменяется в пределах системы функциональных стилей речи и жанров-текстотипов, при этом она относительно устойчива в рамках каждого из них. На этом основании логично приложение категориально-текстовой концепции и в области переводоведения – к особому текстотипу: группе из исходного текста и его переводов.

2. Текстовая категория может использоваться в качестве инструмента идентификации, целью которой является установление эквивалентности переведенных текстов их оригиналу. Особенностью такого рода идентификации является сопоставительное оперирование не отдельными речевыми элементами, а их речевыми композициями, несущими в себе крупный компонент содержания текста.

3. В силу невозможности сопоставления исходного и переведенного текста по всем категориально-текстовым параметрам, выявлен категориальный минимум сопоставления и определены взаимосвязи отобранных категорий. Данные действия результированы в понятии модели сопоставительного категориального анализа текстов (СКАТ).

4. В состав модели СКАТ включены четыре текстовые категории. Одна из них – структурная категория композиции – служит как вспомогательная, позволяющая делить текст на относительно целостные содержательные составляющие. Три другие – категории темы, хронотопа и тональности – используются как прямой объект качественной и количественной идентификации вариантов текста. Крупные тексты подвергаются категориальной идентификации на отдельных участках повышенной композиционной значимости.

5. Апробация модели СКАТ, осуществленная на материале короткого художественного текста, продемонстрировала разрешающие возможности предложенного подхода, позволяющего сделать выводы о степени и характере эквивалентности перевода исходному тексту.

6. Применение контент-анализа речевой репрезентации позволяет получить объективно-статистические данные о степени эквивалентности вариантов текста. Контент-анализ применим ко всем трем составляющим категориально-текстовой репрезентации: набору, комбинаторике и размещению речевых сигналов категории.

Глава 2. Категориально-текстовая идентификация русских вариантов поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» (Песнь первая)

Апробация модели сопоставительного категориального анализа текстов, завершившая предыдущую главу, позволяет охарактеризовать идентификацию вариантов художественного текста как процесс установления не только сходства, меры совпадений, но и различий. Последние неизбежно обнаруживаются как при количественных подсчетах – вычислении меры взаимного соответствия тематических цепочек (разд. 1.4.1), так и при качественном описании категорий хронотопа и тональности (разд. 1.4.2, 1.4.3), содержательное наполнение которых в переводных (русских) вариантах неизбежно зависит от выбора переводчиком языковых ресурсов и от их группировки в речи [Reiss 2000; Levý 2000]. Эквивалентность как соотносительная характеристика вариантов «включает в себя два типа отношений: отношения сходства и отношения оппозиции» [Земская 2010: 104], а идентификация как процесс определения степени эквивалентности диалектична: отталкиваясь от цели установить сходство, идентификатор демонстрирует и различие текстовых вариантов. Это свойство человеческой природы в целом – видеть сходное через разное и наоборот – применительно к множеству русских переводов (РПТ), идентифицируемых относительно английского оригинала (ИТ), замечательно тем, что, например, установление сходства в каждой из пар РПТ-1 – ИТ и РПТ-2 – ИТ позволяет установить различия и между русскими вариантами РПТ-1 и РПТ-2 и т. п. – иными словами, позволяет идентифицировать каждый текстовый вариант на фоне другого (других).

Перед данной главой стоят следующие практические задачи идентификации:

1. Разбить исходный английский (оригинальный) текст поэмы Мильтона “Paradise Lost” (1667) и основные идентифицируемые русские варианты этого текста (переводы 1777 г. и 1976 г.) на взаимно

соответствующие композиционные блоки. На основе сильных / слабых позиций в тексте определить репрезентативные блоки целого текста (текстового варианта).

2. Выявить репрезентации каждой текстовой категории из набора (тема, хронотоп, тональность) во всех трех текстовых вариантах.

3. Сопоставить категориальные репрезентации оригинала с их русскоязычными вариантными соответствиями.

4. На основе полученных путем сопоставления пар (или их отсутствия) идентифицировать репертуар сигналов каждой текстовой категории в аспектах набора, комбинаторики, размещения в тексте.

2.1. Композиция Песни первой как структурная основа дальнейшей идентификации переводных вариантов

Напомним, что в качестве основного материала идентификации в данной главе выбрано произведение Дж. Мильтона (John Milton) “Paradise Lost”. Основным идентифицируемым относительно оригинала русским переводом послужил первый печатный, т. е. не рукописный, «Потерянный Рай» В. П. Петрова [Потерянный Рай 1777]. Дополнительно относительно оригинала идентифицирован наиболее известный, советский «Потерянный Рая» Арк. Штейнберга [Мильтон 1976]. В частных случаях идентификации использованы, кроме того, и другие русскоязычные варианты поэмы [Потерянный Рай 1843, 1895, 1901] (см. введение).

Признавая за разноязычными художественными вариантами возможность образования содержательного инварианта как произведения в литературоведческом смысле [Барт 1980], начнем идентификацию выбранного варианта поэмы «Потерянный Рай» – русского перевода 1777 г. – с описания того «абсолютно сходного», инвариантного, чем задается любой вариант. Эти общие черты всех переводов поэмы Дж. Мильтона на все языки, как и оригинала, не требуют идентификации: знание этих черт вытекает из

знания про и з в е д е н и я «Потерянный Рай», из восприятия его читателем, а не вскрытия «аналитическим ножом» исследователя.

К таким чертам относится, во-первых, сюжетно-фабульная специфика поэмы. Рассказ о грехопадении Адама и Евы, о потере первыми людьми Рая, занимающий в Библии несколько десятков строк (Откр. IV, 1–7), в эпическом воплощении Мильтона вырос по объему в несколько сот раз. Замысел поэта состоял, конечно, не в демонстрации одной «исходной сюжетной ситуации» [Мельникова 2012: 157] с вкушением запретного плода. Следствие стремления изобразить «космически великие события» [Самарин 1964: 307] – и описание свержения Сатаны с небес, и повествование о сотворении мира, и рассказ о будущем человечества (получение Знания после свершившегося греха). «Потерянный Рай», таким образом, реализует замысел всеохватный, замысел изображения всей небесной и земной истории. Едва ли можно представить себе задачу более глобальную по размаху, когда бы то ни было решавшуюся художественной литературой. Даже античные поэмы, по широте повествования подобные мильтоновской («Илиада», «Одиссея», «Энеида») уступают «Потерянному Раю» по охвату веков и тысячелетий (ср. поэму Гесиода «Труды и дни», вероятно столь же глобальную по описываемому времени, но ограниченную по пространству и куда менее обширную по объему). В английской литературе, что отмечено рядом исследователей [An Essay on the Life and Works of John Milton 1868; Bruce 2000; Butler 2013], трудно вообще сопоставить произведение Мильтона с каким бы то было другим произведением.

Причины масштабности замысла видят в биографии поэта, в исторических событиях, пришедшихся на его жизнь⁴². 1-й этап биографии – «Служение I», служение своему государству: на этот этап приходится

⁴² Нижеследующий реферативный обзор дан с опорой на основные отечественные и зарубежные труды по мильтонистике: [An Essay on the Life and Works of John Milton 1868; Milton's Religious Verse 1956; Diekhoff 1963; Самарин 1964; Чамеев 1986; Павлова 1997; Bruce 2000; Тетерина 2004; Шашкова 2006; Соколова 2011; Горбунов 2012; Butler 2013; Swann 2014 и др.].

гражданская война в Англии (1644–1649), свержение монархии, десятилетняя диктатура Кромвеля, когда Мильтон занимал ответственный государственный пост «латинского секретаря», т. е. секретаря по международной переписке. Даже ослепнув от непрерывной работы, будущий автор «Потерянного Рая» не оставлял своего поста, диктовал письма секретарям и помощникам. На этом этапе Мильтон-литератор – это пламенный публицист, автор трактатов, речей, памфлетов, а также ряда малых лирических текстов (например, псалмов, см. пример в разд. 1.2) [см. также: SeBoyar 1929; Аникст 1976].

Самые знаменитые (и самые объемные) произведения Мильтона были созданы после крупнейшего поворота в жизни поэта – реставрации монархии в 1660-е гг. Наступает 2-й этап биографии – этап «Служения II», служения искусству. Слепой, гонимый роялистами, но так и не смирившийся с новой властью⁴³, Мильтон создает, диктует секретарям три основные поэмы: «Потерянный Рай» (1667), «Возвращенный Рай» (1669), «Самсон-борец» (1671). Первая из них, она же самая объемная, и стала наиболее известным творением, ассоциируемым с именем Джона Мильтона, а в грандиозной фигуре Сатаны – «апофеозе восстания» (В. Г. Белинский), не смиряющегося с падением, воскресающего и воскрешающего прочих падших ангелов, стали узнавать и самого поэта, падшего, но непокорившегося [см.: Чамеев 1986].

От проведения подобных параллелей – наблюдаемых в отечественном литературоведении в целом ряде трудов, в т. ч. учебно-научных (С. Д. Артамонов, Г. В. Аникин, А. А. Аникст) [обзор см.: Самарин 1987] – Р. М. Самарин справедливо предостерегает и читателя, и интерпретатора. Об этом же пишет в новейшей монографии А. Н. Горбунов: «Пережив горькое разочарование в деле английской революции, защитником которой он был на протяжении многих лет, Милтон вовсе не утратил веры в Бога. Потерять ее

⁴³ Именно этот поворот, по-видимому, обеспечил Мильтону столь положительную оценку советской критики, интерпретировавшей его фигуру как непримиримого борца, «рожденного одной из великих революционных битв прошлого и потому во многом интересного для нашего героического века» [Самарин 1964: 16].

для него значило бы потерять себя» [Горбунов 2012: 121]. И мильтоновский Сатана тоже остается творением Бога, продолжает служить его целям, хотя и считает, что после падения будет их лишь разрушать. Глубоко религиозный человек, Мильтон, конечно, не мог позиционировать себя самого ни как идущий против Господа крушитель-революционер, ни как соблазнитель человеческого рода.

Интерпретация сюжета поэмы в историческом и биографическом аспекте (восстание ангелов ~ английская революция, Мильтон ~ Сатана и т. п.) не способна, таким образом, в полной мере отразить художественную специфику «Потерянного Рая». Остается, так сказать, «подводная часть» айсберга произведения [см. Milton's Religious Verse 1956: 173] – это «космизм эпического сюжета», рожденный «тем чувством историзма, тем широким взглядом на судьбы человечества, который сложился в Мильтоне-борце за английскую республику; эта борьба представлялась поэту только одним из эпизодов многовековой битвы за будущее человечества» [Самарин 1964: 239]. В этой же скрытой, требующей уже лингвистического анализа части – и тайна Сатаны, «зажившего в поэме собственной жизнью и взбунтовавшегося не только против Творца Вселенной, но и против замысла своего истинного творца, автора» [Чамеев 1986: 89], вносящего, если можно так выразиться, в повествование неповторимую тональность; и собирательный образ падших ангелов, чья тематическая цепочка – как будет видно ниже – разнообразнее даже самого Сатаны; и воплощение образа автора – фигура Поэта, пытающегося в своем рассказе объять пространственно-временное необъятное [см.: Milton's Religious Verse 1956].

В повествовании Мильтон, в отличие от библейского рассказа, не идет вслед за хронологией. Всеохватность поэмы обеспечивается ее темпоральной организацией, в своем роде «рамочной» – событиями до и после потери рая (Эдема) первыми людьми. Эта потеря обрамляется еще одной потерей рая (собственно небесного) Сатаной, и именно со свержения Сатаны с небес начинается поэма. Проигрыш дьявола, желание отомстить за поражение – эти

мотивы находятся с событием искушения Евы в причинно-следственных отношениях.

Пространство и время не получили бы в поэме выхода к абсолюту, к всеобщей истории, если бы Мильтон не ввел в повествование и события до падения Сатаны: сотворение мира и всего сущего, битву на небесах. Все эти события введены в темпоральный план «до», в рассказы ангелов Адаму (даны композиционно через «рассказ в рассказе»). Общее композиционное решение замысла Мильтона – двенадцать *Книг (Books)*, из которых восемь (примерно две трети объема) посвящены именно композиционно-темпоральной составляющей «до» вкушения, так что само событие потребления запретного плода происходит лишь в 9-й, самой длинной, Книге. Темпоральный план «после» (земная история всего человечества), сколь бы длинным он ни казался, вновь композиционно оформлен в виде «рассказа в рассказе» ангела Адаму и занимает менее трети поэмы – это еще раз доказывает примат абсолютного, божественного, Высшего в поэме Мильтона над земным и адским.

В 1771–75 гг. Василий Петрович Петров, титулярный советник, переводчик при Кабинете ея императорского величества Екатерины II, был послан в Англию, где и начал создавать прозаический перевод трех песен – *Books* «Потерянного Рая». «"Скучась рифмами в Вергилии, отдыхаю я прозой в Мильтоне, – писал Петров в посвящении книги П. И. Репнину. – И где пристойнее могу я утопить все суеты мира, бременяющего меня яко смертного, как не в Мильтоновом аде? С сим песнопевцем приятнее странствовать по преисподней, нежели с другими по Елисию"» [цит. по: Кочеткова 1999: 427].

Перевод был напечатан в 1777 г. под заглавием «Потерянный Рай: поэма I. Мильтона» с подзаголовком «Переведено с аглинскаго». Это издание стало первым печатным переводом поэмы на русском языке; по одному из экземпляров 1777 г., найденному нами в фонде Российской

национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)⁴⁴, и приводится в данной работе Песнь первая. Важность Песни первой для всей поэмы подчеркивается не только начальным положением этого раздела (содержащей краткий обзор всех основных событий «Потерянного Рая»), т. е. не только композиционной программой всего произведения, задаваемой в начале, но и содержащейся в этой Песни потерей Рая Сатаной, потерей не менее космических масштабов, чем основное событие поэмы (место в Книге IX, до которого переводчик В. П. Петров так и не добрался). Помимо изложенных оснований, фактором выбора Песни первой в качестве материала настоящего исследования послужило отсутствие переизданий варианта 1777 г. и, как следствие, не только уникальность найденного экземпляра, но и «незаслуженная забытость старого переводчика» (Л. Гинзбург) [цит. по: Стафутина 2005: 416].

Каждую из *Books* Мильтон предваряет кратким пересказом (*The Argument*) того, что будет в ней происходить. Издание 1777 г. не содержит переводов *The Argument* ни к одной из трех песен. Поэтому эта, особая композиционная часть аннотативного типа подробно в нашей работе не анализируется. Мы используем ее лишь с вспомогательной целью – для «предпереводческого анализа» [Брандес 2011; Дубовицкая 2013] Песни первой и дальнейшего выделения в ней композиционных блоков. Приведем *The Argument* Песни первой в пер. 1976 г. (служащем в данной работе дополнительным материалом идентификации):

Книга Первая сначала излагает вкратце тему произведения: преслушание Человека, вследствие чего он утратил Рай – обиталище своё; затем указывается причина падения: Змий, вернее – Сатана в облике Змия, восставший против Бога, вовлек в мятеж бесчисленные легионы Ангелов, но был по Божьему повелению низринут с Небес вместе со всеми полчищами бунтовщиков в Преисподнюю. Упомянув об этих событиях, поэма незамедлительно переходит к основному действию, представляя Сатану и его Ангелов в

⁴⁴ Упоминание об этом экземпляре находим в «Словаре русских писателей XVIII в.»: «Перевод П<етрова – В. Б.>. был довольно удачен и долго сохранял свое значение для знакомства рус. читателей с поэмой Мильтона. Экземпляр книги с пометами П<етрова> находился у И. И. Дмитриева и был передан им П. А. Вяземскому в 1836 (РНБ, шифр: 18.153.2.304)» [Кочеткова 1999: 427].

Аду. Следует описание Ада, размещающегося отнюдь не в центре Земли (небо и Земля, предположительно, еще не сотворены, и следовательно, над ними еще не тяготеет проклятье), но в области тьмы кромешной, точнее – Хаоса. Сатана со своими Ангелами лежит в кипящем озере, униженный, поверженный, но вскоре, очнувшись от потрясения, призывает соратника, первого после себя по рангу и достоинству. Они беседуют о несчастном положении своем. Сатана пробуждает все легионы, до сих пор так же находившиеся в оцепенении и беспамятстве. Неисчислимые, они поднимаются, строятся в боевые порядки; главные их вожди носят имена идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседствующих странах. Сатана обращается к соратникам, утешает их надеждою на отвоевание Небес и сообщает о новом мире и новом роде существ, которые, как гласят старинные пророчества и предания Небесного Царства, должны быть сотворены; Ангелы же, согласно мнению многих древних Отцов, созданы задолго до появления видимых существ. Дабы обмыслить это пророчество и определить дальнейшие действия, Сатана повелевает собрать общий совет. Соратники соглашаются с ним. Из бездны мрака возникает Пандемониум – чертог Сатаны. Адские вельможи восседают там и совещаются [Мильтон 1976: 24–25].

Текстовой вариант 1777 г. содержит абзацное членение, немало помогающее выделению композиционных блоков и делающее категорию композиции иконическим знаком [Аймермахер 1998; Лукин 2003]. Это членение, почти во всех случаях соответствующее отступам и интервалам в английском оригинале, позволяет предполагать, что переводчик сохраняет «жесткий каркас» композиции (В. В. Одинцов), тем самым оставаясь в пределах варианта произведения, не переходя границу между переводом и переложением.

Проверим наше предположение относительно устойчивости и сохраняемости композиционных блоков и композиции в целом. Выделим композиционные блоки в соответствии с абзацным членением русского варианта 1777 г., дробя их на фрагменты в случаях смены точки зрения – авторской позиции [Успенский 1995] (см. тж. разд. 1.2, 1.3). Название каждому блоку присвоим посредством соотнесения с «простейшими единицами композиции» по В. В. Кожинув («повествование, описание, диалог, монолог и т. п.» [Кожинув 1964е: 434]):

**Контекстно-вариативное членение Песни первой «Потерянного Рая»
(по строкам трех исследуемых текстовых вариантов)**

Композиционный блок	Вариантно-текстовое соответствие (номера строк)		
	ПТ-1777 (прозаич.)	ИТ (стихотв.)	ПТ-1976 (стихотв.)
I. Повествовательно-описательное вступление	1–17* 18–27	1–26	1–28
II. Переход к предмету поэмы и описание падения Сатаны	28–91	27–83	29–90
III. Первый монолог Сатаны (к Вельзевулу)	92–139	84–124	91–136
IV. Описание обоих говорящих (слова автора)	140–143	125–127	137–139
V. 1-й ответный монолог Вельзевула к Сатане	144–173	128–155	140–167
VIa. Слова автора	174–175	156	168
VIб. Второй монолог Сатаны (к Вельзевулу)	175–213	157–191	169–204
VII. Описание Сатаны и его полета	214–268	192–241	205–257
VIIIa. Третий монолог Сатаны (к Вельзевулу)	269–301	242–270	258–287
VIIIб. [вкрапление слов автора – между VII и VIII]	269–270	243	259
IXa. Слова автора	302–303	271–272	288–289
IXб. 2-й ответный монолог Вельзевула к Сатане	303–315	272–282	289–299
Xa. Описание падшего войска Сатаны	316–351	283–315	300–334
Xб. Четвертый монолог Сатаны (к павшему войску)	351–368	315–330	335–352
XI. Описание поднимающегося войска Сатаны	369–410	331–375	353–399
XII. Описание идущих чинов начальников	411–566	376–521	400–587

Композиционный блок	Вариантно-текстовое соответствие (номера строк)		
	ПТ-1777 (прозаич.)	ИТ (стихотв.)	ПТ-1976 (стихотв.)
XIII. Описание Сатаны среди чиновников	567–673	522–621	588–722
XIVa. Пятый монолог Сатаны (к поднявшемуся войску)	674–720	622–662	723–777
XIVб. [вкрапление слов автора – между XIII и XIV]	674	—	—
XV. Описание общего «ответа» войска	721–728	663–669	778–784
XVI. Повествование о строительстве дворца	729–814	670–751	785–892
XVII. Сбор в Пандемониуме (повествование + описание)	815–865	752–798	892–946

***Примечание.** Абзацный отступ в ст. 18, поддержанный ПТ-1777, ПТ-1895 и ПТ-1976, в оригинале (а также в ПТ-1835) Мильтоном не выделен; ряд абзацных сбоев в переводах 1895 и 1976 гг. заставляет говорить о том, что количественной доминантой здесь можно пренебречь в пользу качественной: оба первых абзаца образуют всё же один композиционный блок вступления, сочетающий античный и христианский каноны [см. Шашкова 2006].

Чередование точек зрения представлено 16 переходами (на 17 блоков) от поэта к персонажу и обратно. В пяти блоках переход точки зрения не вызвал дополнительного абзацного выделения (в этих случаях блок делится на фрагменты, помеченные буквами *a* и *b*). Поэтому в тексте есть и случаи абзацного членения, не вызываемого сменой точки зрения (блоки I – II; XI – XII – XIII; XV – XVI – XVII), причем во всех случаях «добавочно» делятся на абзацы слова автора. Итак, смена точки зрения связана с выделением композиционных блоков неабсолютно, хотя обуславливает это выделение в 68,75% случаев (11 из 16).

Хотя смещение строк (“shift of lining” [Popović 1970: 80]) в переводах неизбежно приводит к довольно большой суммарной разнице, подсчет строк / стихов в каждом блоке показывает взаимную количественную близость всех ПТ и поддерживает мысль о невозможности изъятия «кирпичиков» из общего текстового «строения» при переводе, высказанную в общей теории композиции (см. разд. 1.2):

Таблица 11

**Контекстно-вариативное членение Песни первой «Потерянного Рая»
(по количеству строк трех исследуемых текстовых вариантов)**

Композиционный блок	Вариантно-текстовое соответствие (количество строк)		
	ПТ-1777 (прозаич.)	ИТ (стихотв.)	ПТ-1976 (стихотв.)
I. Повествовательно-описательное вступление	27	26	28
II. Переход к предмету поэмы и описание падения Сатаны	64	57	62
III. Первый монолог Сатаны (к Вельзевулу)	48	41	46
IV. Описание обоих говорящих (слова автора)	4	3	3
V. 1-й ответный монолог Вельзевула к Сатане	30	28	28
VIa. Слова автора	2	1	1
VIб. Второй монолог Сатаны (к Вельзевулу)	38	35	36
VII. Описание Сатаны и его полета	55	50	53
VIIIa. Третий монолог Сатаны (к Вельзевулу)	33	28,5	30
VIIIб. [вкрапление слов автора – между VII и VIII]	1	0,5	0,5
IXa. Слова автора	1	1,5	0,5
IXб. 2-й ответный монолог Вельзевула к Сатане	12	10,5	11

Композиционный блок	Вариантно-текстовое соответствие (количество строк)		
	ПТ-1777 (прозаич.)	ИТ (стихотв.)	ПТ-1976 (стихотв.)
Ха. Описание падшего войска Сатаны	36	32,5	35
Хб. Четвертый монолог Сатаны (к павшему войску)	17	15,5	18
XI. Описание поднимающегося войска Сатаны	42	45	47
XII. Описание идущих чиновачальников	156	146	188
XIII. Описание Сатаны среди чиновачальников	107	100	135
XIVа. Пятый монолог Сатаны (к поднявшемуся войску)	46,5	41	56
XIVб. [вкрапление слов автора – между XIII и XIV]	0,5	—	—
XV. Описание общего «ответа» войска	8	7	7
XVI. Повествование о строительстве дворца	86	82	106,5
XVII. Сбор в Пандемониуме (повествование + описание)	51	47	54,5
Итого	865	798	946

В композиции Песни первой нами замечены следующие особенности.

1. Точка зрения автора не меняется между первыми двумя блоками (тремя, если верить абзацному членению ПТ-1777) и между последними тремя (XV, XVI, XVII) блоками. «Авторские» блоки, доминирующие над «персонажными» качественно, доминируют и количественно – 627 / 865 =

0,726 (72,6%) и $237 / 865 = 0,274$ (27,4%) соответственно⁴⁵. Сказанное позволяет определить блоки I – II и XV – XVI – XVII как **композиционную рамку** Песни первой. Кроме того, в зоне авторской речи находятся повествовательные элементы, идентифицируемые как «описания», сосредоточенные на «полюсах» рассматриваемой Песни (в самом начале и в самом конце). Блоки же с мнимой повествовательностью, например XII, на самом деле обращены к «персоналиям» падших духов, к истории последних, поэтому относятся также к доминирующему типу описания, в результате чего и действия в Песни первой не происходит [Самарин 1964; Чамеев 1986].

2. В Песни первой обнаруживается, кроме того, и внутренняя «рамка» монологов Сатаны, вовнутрь которой помещены еще два монолога Вельзевула (третья рамка). Внутренние рамки куда объемнее внешней, где свой монолог произносит «поющий Песнь» поэт, призывающий в помощь небесные силы.

Итак, в опоре на композицию возможно произвести контекстно-вариативное членение Песни первой – а именно выделить гомогенные (однородные) и негомогенные части текста (например, по основанию точки зрения, смен речевых партий персонажей и т. д.). Предельной негомогенностью, даже некоторой противопоставленностью (см. разд. 1.2), обладают авторская и персонажная речь: «Для успешного филологического исследования необходимо четкое разграничение авторской речи и речи персонажа» [Чижевская 1986: 3]. Из вышесказанного следует, что гомогенными частями в Песни первой следует признать, во-первых, зону авторской речи (с композиционной рамкой); во-вторых, монологи Сатаны; и, в-третьих, монологи Вельзевула.

Выпишем в Табл. 12 объем перечисленных, наиболее значимых, частей:

⁴⁵ Расчет произведен для ПТ-1777. В каждом случае смены точки зрения один и тот же «спорный» стих (ср. ст. 175, 269, 303 и 674 в ПТ-1777) отнесен к автору и персонажу как 50% к 50%.

**Композиционные части Песни первой «Потерянного Рая»
и составляющие их блоки**

Композиционная часть	Составляющие блоки
Зона авторской речи (всего – 644 строки), в т. ч. композиционная рамка	Композиционная рамка: I (27 ст.), II (64 ст.), XV (8 ст.), XVI (86 ст.), XVII (51 ст.); блоки-описания: IV (4 ст.), VII (55 ст.), Ха (36 ст.), XI (42 ст.), XII (156 ст.), XIII (107 ст.)
Монологи Сатаны (всего – 184 строки)	III (48 ст.), VIб (39 ст.), VIIIа (33 ст.), Xб (18 ст.), XIVа (46 ст.)
Монологи Вельзевула (всего – 53 строки)	V (40 ст.), IXб (13 ст.)

Остальные, не входящие ни в одну из композиционных частей блоки (VIа, VIIIб, IXа, XIVб) являются маркерами переходов между точками зрения и по длине не превышают одной прозаической строки каждый.

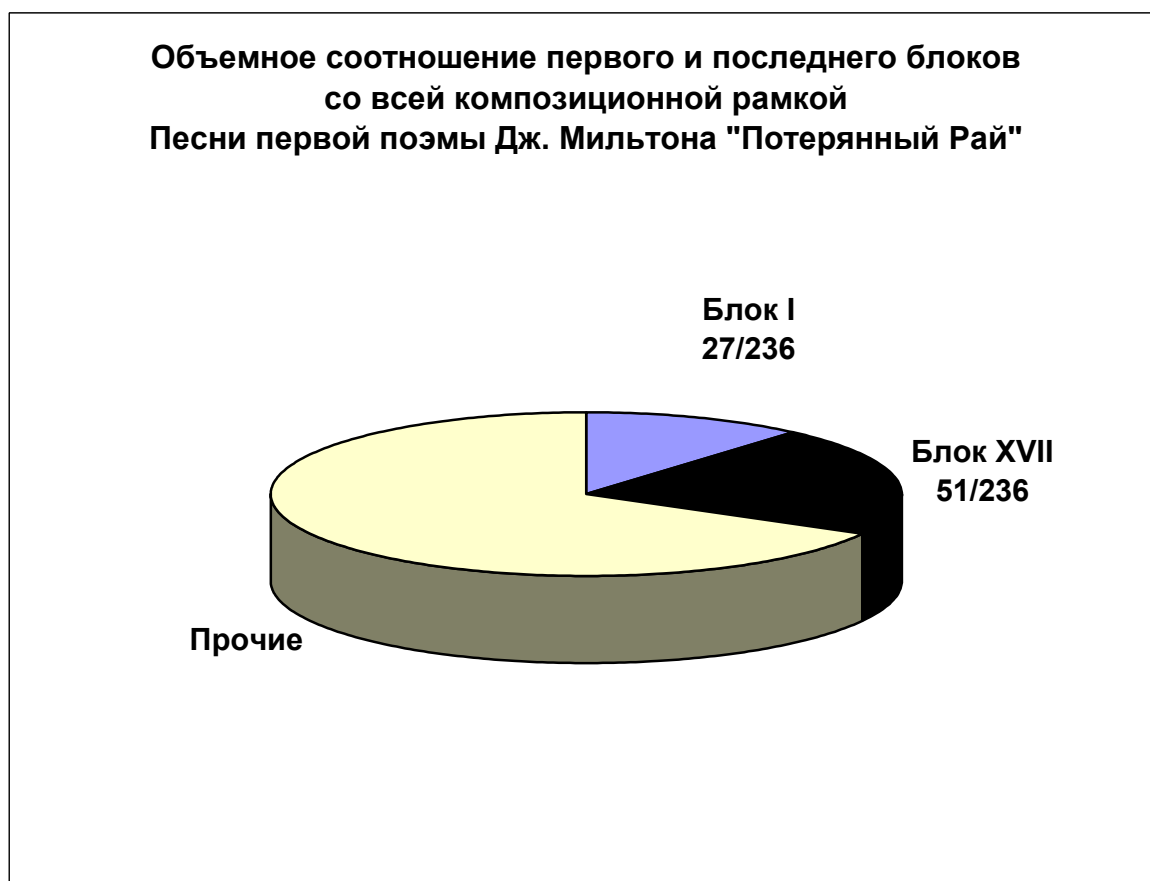
Соотношение выделенных участков по объему дает объективную статистическую возможность репрезентативной выборки наиболее значимых для анализа композиционных блоков. Иными словами, в каждой композиционной части имеет смысл анализировать не все блоки, а лишь те, которые пропорциональны по объему блокам, занимающим сильнейшие позиции текста (т. е. абсолютно сильные позиции всей Песни первой).

В текстово сильных позициях начала и конца [см.: Ионова 2003] Песни первой стоят блоки первый и последний (I и XVII), составляющие композиционную рамку. Между тем, функциональная роль этих блоков неравнозначна. Блок I служит не просто вступлением к Песни первой, это вступление ко всей поэме, созданное по канонам древнего текста (о чем речь ниже). Этой ролью не обладает блок XVII, содержательно «закрывающий» Песнь первую, однако «сцепленный» с первым блоком Песни второй (блок I композиционно «сцеплен» со всей поэмой в целом). Итак, позицию блока I

представляется обоснованным считать абсолютно сильной как во всей поэме, так и, в частности, в Песни первой, а равно и в композиционной части рамки.

Для выявления других «сильных» блоков воспользуемся объемным соотношением блока I со всей композиционной рамкой (27 из 236 строк).

Соотношение 27/236 можно представить в виде такой диаграммы:

Представим себе такую же диаграмму, изображенную для каждой из композиционных частей. Наиболее близки по объемной доле $27/236 \approx 0,1144$ следующие сильные блоки:

– в композиционной части описаний (всего 408 строк) – **блок XI** (42 ст., $42/408 \approx 0,1029$, среднее отклонение по объему $\approx 0,0115$);

– в композиционной части монологов Сатаны – **блок VIб** (39 ст., $39/184 \approx 0,2120$, среднее отклонение по объему $\approx 0,0998$);

– в композиционной части монологов Вельзевула – **блок IXб** (13 ст., $13/53 \approx 0,2453$, среднее отклонение по объему $\approx 0,0292$).

Ниже, в разделах 2.2, 2.3, 2.4, эти блоки в порядке появления их в поэме и будут подвергнуты наиболее подробному сопоставительному категориальному анализу. Представляется, что целое Песни первой можно смоделировать на основе комплексного анализа данных блоков в их взаимосвязи со всеми остальными, не попавшими в выборку, – подобно тому, как текстовая система всей поэмы моделируется в ходе наиболее подробного анализа одного ее структурного раздела (Песни), «как Кювье по мельчайшей косточке восстанавливал громадных животных» [Акишина 1979а: 3].

Таким образом, на базе категории композиции художественного текста возможно структурирование идейно-тематического содержания целого текста. Формальное построение текста соответствует смысловой структуре. Композиция отражает содержательную инвариантность произведения, что делает невозможным изъятие либо перестановку значимых содержательных блоков при создании перевода. Двусторонняя интеграция «форма ~ содержание» композиции делает возможной репрезентативную выборку, столь важную при анализе объемных вариантно-текстовых массивов.

По итогам нашего рассмотрения композиции Песни первой стало возможным отобрать для более подробного анализа наиболее репрезентативные композиционные блоки целого текста:

- I (повествовательно-описательное вступление);
- VIб (второй монолог Сатаны к Вельзевулу);
- IXб (ответный монолог Вельзевула к Сатане).

Отобранные блоки сопоставимы по объему, причем объем каждого из них составляет примерно равную долю относительно текстового целого. Отбор основан на критериях (1) группировки композиционных блоков по содержательному основанию в более крупные единицы, которые обозначены нами как «части»; (2) сильной / слабой позиции ведущих композиционных блоков в пределах соответствующих частей; (3) объемного соотношения каждого отдельного блока с соответствующим, более крупным, содержательным участком, а также минимальной погрешности отклонения в

пределах этого соотношения. Кроме того, отобранные блоки достаточно пропорционально распределяются в пределах Песни первой (I, VIб, IXб из общего числа 17).

Дальнейшая идентификация перевода 1777 г. будет произведена по ходу анализа данных блоков.

2.2. Категориальная идентификация варианта 1777 г. в композиционном блоке вступления

2.2.1. Идентификация темы. Тематическое разнообразие вступительного композиционного блока, как уже было отмечено, связано с тем, что на сцене еще не явлен главный герой Песни первой – Сатана. Вступление к эпической поэме выполняет, по канону, две функции: обращение к высшим силам и краткое освещение предмета всего повествования. При этом «Песнь» мыслится как творимый на наших глазах, а не созданный заранее текст. Иначе говоря, тем фактом, что «пропеваемое» обращение к высшим силам за помощью мыслится как коммуникативный акт «воспевания» (ср. акт «послания» у Марлоу), определяются и две основные цепочки вступления:

(1) цепочка нарратора⁴⁶, распадающаяся на упоминаемого первым адресата (1.1. Муза → Святой Дух → Бог), а по сути – «со-нарратора», обращение к которому «с призывом "воспеть" избранный аэдом предмет» стало традиционным с поэм Гомера [Медведева 2014: 9], и на поэта-адресанта (1.2), скромное воплощение «образа автора» [Виноградов 1980; Малов 1992], появляющееся лишь в 13-м стихе ПТ-1777 и, соответственно, в

⁴⁶ Термин «нарратор» здесь представляется технически более верным, чем «повествователь», поскольку повествование как тип речи в Песни первой отсутствует; а кроме того, «нарратор» не требует дифференцировать «повествователя» и «рассказчика» [Корман 2006] и «является сугубо функциональным, т.е. ...обозначает носителя функции повествования безотносительно к каким бы то ни было типологическим признакам» [Шмид 2008: 68], как то: адресант / адресат в диалогическом повествовании, повествователь / рассказчик и др.

ст. 12-м ИТ, почти сразу же «прячущегося» за свою «песню», отдающего последней возможность собственного движения. Цепочка (1) и ее ветвления сопоставимы субъектной цепочке (1) в элегии К. Марло (см. разд. 1.4.) в смысле актива (1.1) – пассива (1.2), однако противопоставимы ей же по критерию соотношения адресанта (у Марло 1.1 – пастух, у Мильтона 1.2 – поэт) и адресата (у Марло 1.2 – возлюбленная, у Мильтона, наоборот, 1.1 – Муза).

(2) предметная цепочка поэмы, имеющая ветвь предметно-событийную (2.1): *преслушание, вкушение, смерть* и т.п. – и ветвь предметно-персонажную (2.2), точнее – ветвь собирательного «объекта», до известной степени пассивного, а именно человека в собирательном смысле, с кем все эти события происходят. Предметная цепочка имеет в принципе те же ветвления, что и в элегии К. Марло (см. разд. 1.4).

В соответствии с данными описаниями цепочка (1) со всеми ее ветвлениями относится к субъектному типу, а цепочка (2) – к типу предметному, хотя и в той, и в другой присутствуют репрезентации со значением «человек».

Цепочки в блоке вступления ПТ-1777 представлены следующим набором:

(1.1)

Богочеловек – Ø – Муза – яже – тебе – Ø – божия – ты – Ты – Душе – иже – ты – ты – Ø – Ø – Ø – Ø – Ø – Ø – Ø – провидение – Ø – Господни

(1.2)

Ø – моей – песни – которая – Ø – Ø – мя – моя – мой – Ø – Ø

(2.1)

преслушание – вкушение – смерть – бедствия – потеряние – восставив – возвратил

(2.2)

человека – Ø – наши – Ø – нас – Ø – семья – человеки

Модификации каждой цепочки, соответственно логике вступления, отражают динамику развития всех предметов и внешних субъектов в ходе целого произведения. «Приглашенный» нарратор и адресат обращения (цепочка 1.1) не просто эволюционирует из Музы (ст. 6–17) в Св. Духа (ст. 18 и далее), – чем, как отмечалось выше, даже обуславливается в ряде переводов выделение дополнительного абзаца. Святой Дух как инстанция Бога неизбежно вводит в цепочку и единицы *Богочеловек, божия, провидение, Господни*, с точки зрения комбинаторики пронизывающие, «прошивающие» всю цепочку (ст. 5 в самом начале; ст. 12 – между Музой и Духом; ст. 26 и 27 в конце цепочки). В дальнейшем, уже в основной части «наррации», эти номинации призваны выполнить функцию перехода к полюсу противоположного Сатане абсолюта.

Цепочка 1.2 метонимически отображает переход между *я* и *песней* [ср. пример *I prefer cable* в Yule 2006: 108], причем песня, логически не существующая без поющего, концентрируется своими двумя репрезентациями «внутри» цепочки поэта – по набору куда более редкой, чем цепочка 1.1.

В этой структуре не может не вызвать вопроса соотношение между поэтом (1.2) и человечеством (2.2): не составляют ли оба субъекта одну цепочку? «Потерянный Рай» как в оригинале, так и в переводах содержит репрезентации *наши* (ст. 4, *our* в ИТ), *нас* (ст. 5, *us* в ИТ). Ответ на этот вопрос дает, по-видимому, взаимное размещение цепочек. Поэт отчетливо сознает себя частью человечества, поэтому *я* выделяется только в ст. 13, и то в русском переводе 1.2 начинается с «нулевой» номинации, в то время как вся цепочка 2.2, за исключением последнего звена *человеки* (последнее слово всего блока вступления в ст. 27, образует кольцо с первым членом цепочки), размещена в ст. 1 – 9.

Наконец, предметная (событийная) цепочка 2.1, единственная предикатная по своему набору, модифицируется семантическим переходом «потеря → возвращение», переходом – применительно к раю – глобальным и

системообразующим в эпическом творчестве Мильтона [Мильтон 2001; см. также: Самарин 1964; Чамеев 1986]. Первые пять звеньев цепочки связаны с поэмой «Потерянный Рай», причем базовое звено (d_1) *потеряние* поставлено в сильную позицию конца; далее лишь два звена, связанных с возвращением рая, и вновь базовая номинация (e_1) *возвратил* в конце. Цепочка, помимо параллелизма, приобретает и иконичность в том смысле, что «Возвращенный Рай», неоконченная поэма длиной в четыре песни, по объему составляет примерно одну треть «Потерянного Рая» ($2 : 5 \approx 1 : 3$).

Поскольку «потеря → возвращение» есть переход от одной противоположности к другой, от $-x$ («не-икс») к x («икс») или наоборот, эта модификация при дальнейшем контент-кодировании не получала отображения в виде «штриха». Штрихами на следующих ниже обозначениях цепочек будут помечены:

1.1 – номинации Св. Духа ($z'4, d'5, ж'2$ и т. п.) как итога «эволюции» Музы, а отдельно, двумя штрихами, номинации Бога (как номинативные модификации уже Св. Духа, а не Музы: $a''2, e''2, z''2, u''2$);

1.2 – номинации *песни* ($v'2$ и $z'4$) как модификации голоса я поэта;

2.2 – номинации *мы* ($v'4$ и $b'5$) как номинативные модификации человека, человечества.

Применяя параметры кодирования, описанные в разд. 1.3, и учитывая сказанное выше о модификациях субъектных и предметных цепочек, получаем следующие «тематические прогрессии» [Богданов 1993: 33] для идентифицируемого русского варианта поэмы и идентифицирующего его английского оригинала (см. таблицы приложений Б.1.1 (1); Б.1.2 (1); Б.2.1 (1); Б.2.2 (1)):

(1.1)

$a''_3 - b''_5 - v_1 - \Gamma_4 - d_4 - b_5 - a''_3 - d_4 - d'_4 - e'_2 - \Gamma'_4 - d'_4 - d'_4 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - ж''_2 - b'_5 - z''_2$ (ПТ-1777)

$a''_2 - b''_5 - v_1 - \Gamma_4 - d_4 - b_5 - a''_2 - d_4 - d'_4 - e'_2 - \Gamma'_4 - d'_4 - d'_4 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - б'_5 - ж''_2 - z''_1$ (ИТ)

(1.2)

$a_5 - \bar{b}_4 - v'_2 - \Gamma'_4 - a'_5 - a_5 - d_1 - \bar{b}_4 - \bar{b}_4 - a_5 - a_5$ (ПТ-1777)

$d_1 - \bar{b}_4 - v'_2 - \Gamma'_4 - e'_4 - a_5 - d_1 - d_1 - a_5 - a_5 - d_1 - a_5$ (ИТ)

(2.1)

$a_2 - \bar{b}_2 - v_2 - \Gamma_2 - d_1 - e_3 - e_1$ (ПТ-1777)

$a_2 - \bar{b}_2 - v_2 - \Gamma_2 - d_1 - e_3 - e_1$ (ИТ)

(2.2)

$a_1 - \bar{b}_5 - v_4 - \bar{b}_5 - v_4 - \bar{b}_5 - \Gamma_2 - a_1$ (ПТ-1777)

$a_1 - v_4 - \bar{b}_5 - v_4 - \Gamma_2 - a_1$ (ИТ)

Формальная строгость В. Петрова-переводчика, о которой говорилось уже при рассмотрении композиционного деления ПТ-1777 относительно с ИТ, не изменяет автору основного исследуемого текстового варианта и в передаче тематических цепочек. На ряде участков – например, в ст. 1–4, 6, 8, 9, 17 и др. – перевод вообще может характеризоваться как пословный, эквилинеарный оригиналу. Ср.:

ИТ	ПТ-1777
Of ^{2.2a1} Man's first	Перьвое ^{2.1.a2} преслушаніе
^{2.1.a2} disobedience, and the ^{2.2.a1} fruit	^{2.2.a1} человѣка, и плодь онаго
Of that forbidden tree whose	запрещеннаго древа, котораго ^{2.2.65} Ø
mortal ^{2.1.62} taste	тлетворное ^{2.1.62} вкусеніе внесло
Brought ^{2.1.b2} death into the	^{2.1.b2} смерть во мірь... (I, 1–3)
World... (I, 1–3)	

Семантическое добавление одной «нулевой» номинацией \bar{b}_5 в цепочке 2.2, которое связано с отглагольным *вкушение*, логически сохраняющим при себе субъект в отличие от английского *taste*, не вносит формального расхождения в текстовые варианты; синтаксические различия, связанные с инверсией *перьвое преслушаніе человѣка – of Man's first disobedience*, обусловлены грамматическим различием глаголов в ПЯ и ИЯ по основанию переходности / непереходности: *воспой преслушание и плод – sing of*

disobedience and (of) the fruit (букв. «пой о...»). Похожим случаем является, например, обусловленная глагольным управлением переводческая трансформация в ст. 13: *призываю ты въ помощь моей дерзновенной пѣсни* – *invoke thy aid to my adventurous song* (букв. «зову твою помощь к моей дерзновенной песни»). Ряд этих и подобных им синтаксических отклонений ниже рассматриваться не будет, поскольку прямого влияния на уровне текстовых репрезентаций эти трансформации не оказывают.

Систематических отклонений от ИТ в формальном строении цепочек нами замечено лишь два: это, во-первых, увеличение в варианте 1777 г. нулевых номинаций (ср. два добавленных **б'5** в 16-й и 22-й позиции⁴⁷ от начала цепочки 1.1; два добавочных **б5** во 2-й и 6-й позициях от начала 2.2) и, во-вторых, тяготение к опущению *я* (звено **д1**, сильная позиция цепочки 1.2), встречающегося у В. П. Петрова только однажды против четырех словоупотреблений в ИТ (*I, me, me, I*). С первым случаем связан и переход тематического «нулевого» звена **б'5** между цепочками 1.2 ИТ и 1.1 ПТ, что соответствует «альтернативной интерпретации» [Lederer 1994: 24] переводчиком В. П. Петровым синтаксической конструкции:

ПТ-1777	ИТ
<p>...what is low ^{1.2.a5}Ø ^{1.2.б'5}Ø raise and ^{1.2.б'5}Ø support; That, to the highth of this great argument, ^{1.2.д1}I I may assert Eternal ^{1.1.ж'2}Providence, And ^{1.2.a5}Ø justify the ways of ^{1.1.з'2}God to ^{2.2.a1}men.</p> <p style="text-align: right;">(I, 23–26)</p>	<p>... ^{1.1.б'5}Ø возвыси ^{1.2.б4}мой niskій талантъ и ^{1.1.б'5}Ø поддержи ^{1.2.a5}Ø; да по достоинству сего великаго вещесловія ^{1.2.a5}Ø возмогу защитить въчное ^{1.1.ж'2}провидѣніе, и ^{1.1.б'5}Ø оправдишь пути ^{1.1.з'2}Господни предъ ^{2.2.a1}человѣки.</p> <p style="text-align: right;">(I, 24–27)</p>

⁴⁷ Сопоставление ПТ и ИТ указывает именно на эти позиции, а не на 14, 15, 17, 18, 19 или 20. Это означает, что набор «нулевых» номинаций еще усиливается в цепочке 1.1 ПТ-1777 в начале и конце целого скопления, т. е. в сильных позициях не текста и не отдельной цепочки, но однородного набора.

Кажущиеся очевидными однородные отношения между сказуемыми *may assert* и *justify* при субъекте 1.2 I («я») оспорены в варианте 1777 г.: *justify* (~ *оправдишь*) интерпретируется как однородное к идущим ранее *raise* и *support* (~ *возвыси* и *поддержи*) [см.: Diekhoff 1963], т. е. как соотнесенное с субъектом *Святой дух* – модификацией *Музы* в цепочке 1.1. При этом *justify*, императив в такой интерпретации, передан по-русски индикативом: (№ 19 в 1.1) ^{1.1.6⁵} О *возвыси* → (№ 20) ^{1.1.6⁵} О *поддержи* → (№ 22) ^{1.1.6⁵} О *оправдишь* – вероятно, дань точке с запятой (ст. 25), перенесенной из оригинала. Ни в одном из дальнейших нам известных переводов данного субъектного перехода не наблюдалось.

Таким образом, блок вступления ПТ-1777 идентифицируется относительно стихотворного оригинала как событийно тождественный (цепочка 2.1), тяготеющий к усилению субъектности за счет нулевых номинаций.

2.2.2. Идентификация хронотопа. Осмысление поэтом-адресантом дистанции между им и Вышним «со-нарратором» определяет специфику пространственно-временных отношений в блоке вступления: чрезвычайно слабо выраженное настоящее творимой «здесь и сейчас» Песни (глагольные формы *призываю, устремляется, предпочитаеши*), синтаксически управляющее опять же нечастыми формами прошедшего, соотносимыми с отдельными субъектами либо событиями (*вкушеніе внесло, Богочеловѣкъ – возставивъ, возвратиль*), статистически и содержательно оказывается подчинено пространству, описываемому как «мировое, вселенское». Всеохватность обуславливается, помимо обращения за помощью к божественным сущностям, творящим «откуда им угодно» (логический ряд *или..., или...*), еще и тем, что уже в заглавии поэмы содержится номинация *Рай* – в пространственный ряд первого композиционного блока включены и соответствующие синонимы, связанные с центральным событием потери (о синонимических рядах и их связи с разными ТК см.: [Покровская 2008]). Пространственно-временной синтез определяется, с одной стороны,

видением в «мире» первоначала, неизмѣримой бездны, связанной с производительной силой Святого Духа, – примененной в прошлом, но проецируемой на настоящее, так сказать, творимое (как бездна была согрета и «сотворена многоплодна», так Песнь создается свыше, заполняя пространство своего отсутствия). С другой стороны, сама Песнь активно встраивается в настоящее своего творения, *необычайнымъ полетомъ устремляется воспарить превыше Аонійскія горы*, так что обоюдное обозначение ЛТ (локативность – темпоральность) присваивается в контент-коде, в первую очередь, именно этому обозначению перемещения⁴⁸.

Текстовое пространство представлено в блоке вступления следующими группировками репрезентаций [см. Бортников 2012б: 214]:

– «геокомпоненты» (*во мѣрь, Едема, небесная, на священномъ верхѣ Хорива <или> Синая, небо, земля, изъ бездны, Сіонскій холмъ, Силоамскій потокъ, превыше Аонійскія горы, надъ неизмѣримой бездною*);

– «предметы и объекты», занимающие определенное пространство, т. е. содержащие, как и в случае с элегией Марло, как бы наведенную пространственную семантику (*древа, жилище, близъ прорекалища, храмамъ*);

– репрезентации, содержательно соотносимые с «внутренним пространством» (*сердце, пути, niskій, души*);

– «пространственные действия», «перемещения» (*внесло, протекавшій, оттолѣ <призываю>, полетомъ устремляется воспарить, неприкосновенныя, разпростерши, крила, возвыси*), наиболее близкие пересечениям с той же группировкой темпоральных репрезентаций.

Первые две группы противопоставляются вторым двум по признаку наличия / отсутствия предметности, что позволяет соотнести первые с зоной

⁴⁸ Хотя с точки зрения грамматики текста темпоральные семы можно, безусловно, усматривать и в действиях субъектов-нарраторов: *Богочеловѣкъ... возвратилъ блаженное жилище; <Св. Дух> носился над неизмеримой бездною, согревая оную и творя...* – и в действиях отдельных пространственных объектов: *Силоамскій потокъ, протекавшій близъ прорекалища божія*. Предлагаемый ниже вариант распределения репрезентаций не считается абсолютно истинным и единственно возможным, в частности, ввиду семантической диффузности ТК локативности – темпоральности.

ядра (1) поля локативности, вторые – с зоной периферии (2). При этом «геокомпоненты» описываются как собственно ядро (1.1), поскольку представляют собой категориальную семантику в наиболее чистом виде; «предметы и объекты» – как приядерная зона (1.2); «внутреннее пространство» соотносится с зоной ближайшей периферии (2.1); группировка «действий» составит периферию дальнейшую (2.2), где пространственные семы выступают идентификаторами реализуемого действия-перемещения. Наиболее диффузной представляется в этой типологии граница между приядерной зоной и ближайшей периферией, поскольку «внутреннее пространство» предполагает наличие «предметов и объектов» типа *сердце* и *душа*, чья собственная пространственность подкрепляется возможностью, например, в русском языке сочетаний *положа руку на сердце, поэт в душе* [ТСРЯ 2008: 572, 159] и др. Статистический критерий распределения единиц между группами (1.1 – 12; 1.2 – 4; 2.1 – 4; 2.2 – 8) указывает на количественную массивность ядра, что может ставить под вопрос правомерность построения данного поля [Щур 1974]; эта «доминанта» [Попкова 2007: 5] «геокомпонентов» компенсируется ниже, в дальнейших композиционных блоках – что вполне логично для действия, которое сконцентрируется в одной точке Ада.

По основанию набора локативов перевод 1777 г. идентифицируется как эквивалентно недостаточный, однако количественно лишь незначительно уступающий оригиналу (сохранено 27 из 29 единиц, или 93,1 %, см. табл. Б.3.1 (1)). Замена с сохранением пространственности (т. е. не отображающейся в количественных данных) обнаруживается по отношению к *Seat* (I, 5, ‘something you can sit on’ [MED 2007: 1339]⁴⁹, т. е. ‘сиденье’ [Мюллер 2005], ‘место, предмет, на котором сидят, на который садятся’ [МАС, т. 4, с. 90]: в ПТ-1777 находим соответствие *жилище* – ‘место обитания, проживания кого-л.’ [Сл. XVIII, вып. 7: 137], то есть ‘то, где можно жить’. В интерпретации переводчика сохранена сема ‘пространства’, а

⁴⁹ Курсив во всех словарных толкованиях наш. – В.Б.

замена касается семы 'действия / существования'. Данной единицей определяется различие параметрической эквивалентности набора ПТ-1777 относительно ИТ: *Seat – Рай* соотносится с группой 1.1 ядра «геокомпонентов»; *жилище* же – с 1.2, т.е. приядерными «пространственными» объектами.

Оба компонента в наборе, не нашедшие локативного соответствия в переводе, связаны с зоной категориальной периферии. Пространственной семы лишено, во-первых, соответствие *with no middle flight* (букв. «отнюдь не *срединным* полетом», «отнюдь не полетом *средней высоты*» [Мюллер 2005]) – в контексте Песни первой локатив, связанный именно с преодолением дистанции между Поэтом и Музой:

ИТ	ПТ-1777
<p>...to my adventurous song, That with no <i>middle flight</i> intends to soar... (I, 13–14)</p>	<p>...моей дерзновенной пѣсни, которая <i>необычайнымъ</i> полетомъ устремляется воспарить... (I, 13–15)</p>

Данная замена – редкость для В. П. Петрова, чье тяготение к пословной близости оригиналу, отмеченное выше, можно проследить и в данном отрывке.

Еще одну замену обнаруживаем, во-вторых, уже в обращении к Св. Духу:

ИТ	ПТ-1777
<p>...what <i>in me</i> is dark Illumine, what is low <u>Q</u> raise and support... (I, 22–23)</p>	<p>просвѣти мракъ души моя, возвыси мой <i>нискій талантъ</i> и поддержи... (I, 23–24)</p>

Это обращение, завершающее собой блок вступления, характеризуется концентрацией уже «внутреннего пространства» (группы 2.1). Субъект *me* («во мне») выступает в то же время вместилищем *мрака* (*dark*) и *низости* (*low*). В параллельной конструкции, подчеркивающей контраст субъектов

«Я» и «Святой Дух» (букв. «что *во мне* темно – освети, что низко *<во мне>* – подними и поддержи», т. е. оформление по принципу протозевгмы), возникает достаточно редкая для категории пространства нулевая номинация (именно в месте *<во мне>*). То, что представляют собой оба члена зевгмы в варианте 1777 г.: *in te* передано как *души моя*; нулевая номинация компенсирована в виде *мой нискій талантъ* (контраст «возвысь» – «низкое») – можно описать как результат переводческой стратегии концентрации пространства, очерчивания его границ в более конкретном виде (*душа, низкий* вместо «внутренний мир вообще»), стратегии оплотнения и тем самым еще большей интериоризации внутреннего пространства.

Комбинаторные различия локативов касаются внутренней (внутри словосочетания) перестановки *наподобіе голубя разпротершии могущественныя крила...* (ПТ, I, 21–22) – *with mighty wings outspread, / Dove-like...* (ИТ, I, 20–21), объясняемой синтаксическими различиями двух языков, в частности – характерным для английского языка оборотом «сложное дополнение» (Complex Object). Данный случай следует рассматривать и в аспекте размещения, поскольку действие *разпротершии* занимает сильную позицию конца английского стиха и слабую в середине русской синтагмы. Тот факт, что такое ослабление, несмотря на прозаическую форму русского текста, происходит в варианте 1777 г. отнюдь не часто, демонстрирует аналогичный случай ослабления позиции эквивалента действия путем, кажется, постановки в середину синтагмы:

ИТ	ПТ-1777
<p>...and Siloa's brook that <i>flowed</i> / Fast by the oracle of God... (I, 11–12)</p>	<p>...и Силоамскій потокъ, / <i>протекавшій</i> близъ прорекалища божія... (I, 11–12)</p>

Синтаксически в ПТ-1777 глагольная форма, конечно, передана позицией начала причастного оборота, что отчасти компенсирует ее ослабленность функцией постпозитивного определения. Важно, однако, что

протекавший оказалось помещено в издании перевода 1777 г. в начале строки 12 (у Мильтона – конец стиха 11)! Усилению позиции поспособствовал так называемый «теататив» (Н. Д. Марова), внешняя наблюдаемая форма текста, не зависевшая уже от воли переводчика, обеспеченная самим расположением текста на странице.

Другие случаи комбинаторно-разместительных трансформаций приводились нами и выше, ср. выдвигание глаголов *просвети*, *возвысь* относительно локативов *душа*, *талант*, образование кольца *возвыси – талант – поддержи* и т. п. Как видно, основные трансформации локативов во всех трех аспектах рассмотрения касаются периферийных зон поля текстового пространства; ядро и приядерная зона сохраняют стабильность в переводе – стабильность предсказуемую, поскольку доминанту ядра составили топонимы, один из наиболее стабильных классов слов в переводе, однако и стабильность обусловленную текстом, предметно-объектной зоной «вместилищ» (*жилище*, *прорекалище*, *храмы* и др.).

Текстовое время блока вступления репрезентируется группами единиц, подводимыми под типологию локативов, связанными с последними и, по-видимому, зависящими от последних:

1.1 – ядро	[«геокомпоненты»] →	группа «начала» (<i>въ началѣ</i>)
1.2 – приядерная зона	[«предметы и объекты»] →	группа «первичности» (<i>первое, первый, исперва былъ присуць</i>)
2.1 – ближайшая периферия	[«внутреннее пространство»] →	группа «внутреннего времени» (<i>вѣчное</i>)
2.2 – дальнейшая периферия	«действия, перемещения, смены состояния»	(<i>дондеже, возникли, полетом устремляется, неприкосновенныя понынѣ</i>)

Скудная репрезентированность временной семантики в чистом проявлении дает возможность выписать в каждую рубрику все обнаруженные единицы. Количественно данная структура уже обеспечивает выравнивание ядра всей комплексной категории хронотопа относительно периферии взятых вместе пространства и времени: идентифицируя как ядро именно группу «начала», а не группу «первичность» (ср. семантическую производность *первый* от *один*: в 1-м знач. (с вариантом *перьв-*) ‘Числ. порядк. к *один*’ [Сл. XVIII, вып. 19: 26] и лишь в 3-м знач. ‘такой, который *прежде других* совершает какое-л. действие или такой, который *прежде других* подвергается какому-л. действию’⁵⁰ [Там же, вып. 19: 27], т. е. сема ‘времени’ вторична по отношению к семе ‘количества по порядку’), мы помещаем в ядро темпоральности данного блока лишь одну репрезентацию. С другой стороны, время планируемого действия, закладываемого вступлением, описывается как «первоначальное», в синтезе групп 1.1 и 1.2, что доказывается, в частности, размещением первой репрезентации *перьвое* в абсолютно сильной позиции начала всей поэмы. Ту же сильную позицию в ИТ «съедает» предлог *of* управления глагола *петь* (*sing*): *Of* (чем?) ..., *of* (чем?) ..., *of* (чем?) ... *Sing, Heavenly Muse* (I, 6).

Идентифицируя вариант 1777 г. как перевод в аспекте темпоральности первого композиционного блока (стабильно высокая УЭ $\approx 80,56\%$, см. табл. Б.3.2(1)) отметим, прежде всего, стабильность передачи дериватами *перьв-* исходного *first* (I, 1 – *преслушанье*, I, 8 – *настырь*, I, 20 – *Св. Дух исперьва былъ присущь*, англ. *first, first, from the first*). Отмечаются также хронологически маркированные эквиваленты: *дондеже* – англ. *till* (стилистически нейтральное); *неприкосновенныя понынѣ* – *unattempted yet* (также немаркированное). Таким образом, описываемое время осознается именно как «первобытное», архаическое, и потому высокое. Архаические элементы можно наблюдать и у Мильтона, ср. форму *wast present* вместо

⁵⁰ Выделено нами. – В. Б.

совр. *was*; поэтому единицы типа *дондеже*, *вещесловіе* могут квалифицироваться как компенсаторы архаики оригинала.

2.2.3. Идентификация тональности. Дистанция, характеризующая пространственно-временную разделенность субъектов наррации именно сверху вниз, а не слева справа (разделенность по высоте, а не в длину), задает и безусловно «высокую» тональность, связанную с «высокими» субъектами и повествованием (*блаженное, священномъ, правое и чистое*), контрастную тональности «низкой», характеризующей самого повествователя (*дерзновенная пѣснь, мрак души, нискій талантъ*) и человечество вообще (цепочка событий, помещенная в зону «отрицательной модальности» [Асташова 2013: 19]: *преслушание – вкушение – смерть – бедствия – потеряние* до смены субъекта с «низшего» на «высшего», а далее положительная окраска: *восставив – возвратил*). Таким образом, в блоке вступления явно выделяются две группы репрезентаций тональности: группа «качеств» (положительных / отрицательных) и группа «событий» (также положительных / отрицательных). Ядерный компонент в этой типологии следует искать, по-видимому, среди качеств, выражающих модальную семантику в наиболее чистом виде (обозначим их цифрой 1 как ядерные⁵¹); прочие качества составят приядерную зону и периферию ближайшую (2.1), тогда как события окажутся атрибутированы с периферией дальнейшей (2.2).

Поскольку все перечисленные качества, соотносимые с «высокой» (и потому положительно маркированной) тональностью, содержат в структуре своей семантики либо сему-интенсив (ср. *блаженный – ‘в высшей степени благополучный, счастливый’* [Сл. XVIII, вып. 2: 57]; *священный – ‘чрезвычайно почетный и исключительный по важности’* [ТСРЯ 2008: 568]), либо сему волеизъявления (наводимую контекстом: *Но наипаче Ты, о Душе! иже всѣмъ храмамъ предпочитаеши правое и чистое сердце...*, I, 18–19), то

⁵¹ Обозначения 1, 2 по аналогии с категорией хронотопа: 1.1 – ядро; 1.2 – приядерная зона; 2.1 – ближайшая периферия (ср. иконичность кода, отражающую переходность: 1.2 ~ 2.1); 2.2 (2.3, 2.4, ...) – периферия дальнейшая.

единственной бесспорно ядерной репрезентацией категории тональности в ПТ-1777 следует признать качество *мракъ* (*души моя*, I, 23). Это верифицируется устойчивым сочетанием *мрак невежества* (у С. И. Ожегова – ‘некультурность’ с пометой «высок.» [Ожегов 2012: 304]), на которое ассоциативно наводит вариант передачи английского *what in me is dark* (букв. «[то,] что во мне темное»). Как видно, именно в этом месте перевод содержит грамматическую трансформацию, тем самым ядро поля тональности идентифицируется как абсолютно не совпадающее с английским. В ИТ *dark* («темное») синтаксически параллельно *low* («низкое»), ср.:

<p>ИТ</p> <p>...<u>what</u>^{1.2.}<u>in me is dark</u> / <u>Illumine</u>,</p> <p><u>what is</u>^{1.2.}<u>low</u> <u>raise and support</u>...</p> <p>(I, 21–22)⁵²</p>	<p>Букв. <Выполнен нами. – В. Б.></p> <p>«[то,] что^{1.2.} во мне <u>темное</u>, <u>освети</u>,</p> <p>[то,] что^{1.2.} <u>низкое</u> – <u>подъемли и</u></p> <p><u>поддержи</u>...»⁵³</p>
--	--

Обобщенность, абстрактность референта (в отличие *мракъ души*), а также контекстная зависимость от глагола, несущего антонимическое изменение состояния (качества), выводят обе выделенные единицы в зону ближней периферии. Впрочем, оригинал Песни первой содержит «чистые эмотивы» *woe* (I, 3, букв. «горе») и *delight* (I, 11, букв. «восхищать, приводить в восторг»), которые и составляют ядро поля тональности в английском оригинале.

Трансформации коснулись обеих этих единиц в идентифицируемом переводе поэмы: *woe*, ‘a feeling of sadness’ = «чувство грусти, горечи» [MED 2007: 1717], передано как *бѣдствіе* – «состояние, положение, исполненное бед, опасности, страданий» [Сл. XVIII, вып. 1: 158], а *delight* (рус.

⁵² Подчеркивание в цитатах здесь и далее соответствует синтаксической традиции: сказуемое подчеркивается двойной чертой, дополнение – штриховой.

⁵³ Ср. вариант 1976 г., где параллелизм также, как и в ПТ-1777, оказался разрушен, однако ядро оказалось заполнено не только лексемой *тьма* (~ *мрак*), но и добавленным антонимом:

*Исполни светом тьму мою, возвысь
Всё брненное во мне...*

(I, 24–25)

«восхищать»), ‘to give someone a lot of enjoyment and pleasure’ = «давать кому-л. много наслаждения, удовольствия», – как *угодень* (*угодный* – ‘соответствующей чьей-л. воле’ [ТСРЯ 2008: 659]). Типологичность этих замен в категориальном ядре тональности разных переводов – вопрос, разрешаемый только при сопоставительно-категориальной идентификации нескольких вариантов поэмы (см. разд. 2.5).

Различия ядерных структур полей тональности английского оригинала и русских переводов определяются на фоне значительной общности периферии ПТ-1777 и ИТ. Идентификация набора позволяет отметить два случая передачи эмотивно нейтральной лексемы посредством эмотивно маркированной (из 17 единиц периферии это лишь 11,76% отклонений), оба случая касаются периферии ближайшей, т. е. единиц со значением «качество»: (1) *священный верьхъ Хорива или Синая* соответствует *the secret top of Oreb, or of Sinai* (I, 6–7); а (2) *дерзновенной пѣсни, которая необычайнымъ полетомъ устремляется* – *my adventurous song / That with no middle flight intends to soar*, редчайший случай перехода единицы из периферии поля пространства (*no middle* – букв. «отнюдь не средний») на периферию поля тональности. В обоих случаях переводчик фиксирует наводимую контекстом оценочность [см.: Бархударов 1984; Ермолович 1984]: словарные значения *secret*, букв. «тайный», и *no middle*, «не средний», не содержат оценочно маркированных сем, однако общая, «безусловно высокая», тональность наводит на качества объектов *верьхъ* («вершина горы» – собственно ядро локативности) и *пѣсня* (тематическое ядро, одна из основных номинационных цепочек) соответствующую маркировку. Оба случая можно, по-видимому, рассматривать как прием логического развития и тем самым соотносить с отклонениями по параметру комбинаторики.

К комбинаторным же отклонениям относится, по-видимому, передача *delight [thee] more* в виде [тебе] *паче угодень*, замечательный случай компенсации «высокого» английского *thee* (чаще используемого при

обращении к Богу – «Ты») также хронологически отмеченной лексемой *паче* («более»).

Даже при более низких процентах усредненной эквивалентности хронотопа (82,76% и 80,56%, табл. Б.3.1 – Б.3.2) и тональности (68,25%, табл. Б.3.3) по сравнению с композицией и темой (максимальное значение УЭ ≈ 90,48%, табл. Б.2.1), при всем «вертикальном» снижении эквивалентности от набора к комбинаторике и размещению точность не оставила переводчика XVIII в. при передаче размещения ТК тональности. Сохраняются как слабые текстовые позиции качеств *mighty wings* (*могущественныя крила*), так и сильные: *what is low raise and support* (ПТ-1777: *возвыси мой niskий талант и поддержи*, однородный ряд перестроен комбинаторно, но с сохранением размещения второго члена в сильной позиции конца речевого звена).

2.3. Категориальная идентификация варианта 1777 г. в композиционном блоке второго монолога Сатаны к Вельзевулу

Действие Песни первой после вступления претерпевает значительную тематическую и хронотопическую конкретизацию, описанную в “The Argument” так: “Which action passed over, the Poem hastes into the midst of things; presenting *Satan, with his Angels, now fallen into Hell*” (букв. «После этого действия поэма устремляется в середину событий⁵⁴, представляя *Сатану с его Ангелами, теперь упавших в Ад*»). В репрезентации текстовых категорий предсказуемы следующие изменения:

– расширение числа персонажных тематических цепочек при общем сокращении, и даже уходе, цепочек событийных;

– смена пространства с суперального на инфернальное при сохранении этой оппозиции⁵⁵ в пределах целого хронотопа, поскольку пространственно

⁵⁴ Ср. лат. *in medias res*.

⁵⁵ Напомним, эта оппозиция имела место и в блоке вступления, но в виде двух противоположностей, которые предназначено охватить целому действию, т. е., по Т.Г. Хазагерову, в виде амфитезы («и вышнее, и нижнее»), а не антитезы («или вышнее, или нижнее»).

«высшее» неизменно закрепляется за временным планом прошлого (и, возможно, «мечтаемого» будущего), а пространству Ада, «низшему», отводится план настоящего времени – «настоящего художественного»;

– эмоционально-оценочная маркированность этой оппозиции, помещение того, что было на Небесах, в тональность положительную, а того, что случилось и что происходит в момент действия, – в тональность отрицательную. Поле тональности, как нетрудно предположить, значительно четче проявлено в словах персонажей по сравнению со словами автора: «эмоциогенные факторы являются движущими рычагами общения» [Жельвис 1990: 9].

Второму монологу Сатаны, помимо первого, предшествует, собственно, сцена падения (II), содержащая основной событийный ряд, а также некоторые вкрапления слов автора (IV, VIa), незначительные по объему.

2.3.1. Идентификация темы. Композиционный блок второго монолога, в нашей нумерации получивший идентификационный номер VIб, помимо цепочки Бога (напомним, 1.1), поддерживается оформившимися еще в блоке падения (II) субъектными тематическими цепочками Сатаны (1.3), всех падших Ангелов (1.4), Вельзевула (1.5). Взаимная нетождественность референтов последних трех цепочек связана с отношениями включения говорящих субъектов в число «падших» (но не «говорящих») – включения возможного, поскольку субъекты 1.3 и 1.5 то мыслят себя составной частью коллективного субъекта 1.4, то противопоставляют себя остальным, составляющим этот коллективный субъект, а также с отношениями контрадикторности Господа (1.1) каждому из Адских «корреферентов» (1.3, 1.4, 1.5) и всем им вместе взятым (1.4). Это позволяет указать на некоторую некорректность присвоения номеров одного порядка данным цепочкам. Нам всё же видится продуктивность такого индексирования – во-первых, кроме Сатаны и Вельзевула объективно есть и еще «толпа», а значит, «мы» уже не везде тождественно «мы вдвоем», т. е. «мы» не есть ветвление 1.3 и 1.5, а

субъектная цепочка с отдельным референтом; во-вторых, поскольку не всегда понятно, «мы» Сатаны или Вельзевула есть «мы» их обоих или «мы» всех, то имеет смысл ввести индекс «штрих», как это было сделано с модификациями Музы (1.1) и поэта (1.2) в блоке вступления. Если в случае с первыми двумя цепочками «штрих» отражал качественный субъект-субъектный переход, то в цепочках 1.3, 1.4, 1.5 такая индексация будет отражать лишь субъект-объектный переход точки зрения (повествователь говорит об Ангелах в 3-м лице, Сатана и Вельзевул, причисляя себя к ним, употребляют 1-е лицо – «мы», а обращаясь к «прочим», говорят «вы» – 2-е лицо).

Систему номинаций в этих цепочках, соответственно точкам зрения, можно изобразить в следующем виде⁵⁶:

	«без штриха»	«один штрих»	«два штриха»
1.3	<i>Сатана</i> = ^{в4} <i>он</i>	→ ^{в4} <i>я</i> (Сатана о себе – в своих монологах)	→ ^{в4} <i>ты</i> (Вельзевул к Сатане)
1.4	<i>Ангелы</i> = ^{е4} <i>они</i>	→ ^{е4} <i>мы</i> (Сатана / Вельзевул о себе – в своих монологах)	→ ^{е4} <i>вы</i> (Сатана к прочим)
1.5	<i>Вельзевул</i> = ^{д4} <i>он</i>	→ ^{д4} <i>ты</i> (Сатана к Вельзевулу)	→ ^{д4} <i>я</i> (Вельзевул о себе – в своих монологах)

Такая разметка позволяет учесть, помимо системы точек зрения, и линию (порядок) их композиционного проявления [см.: Салмина 1991; Припадчев 2006]: в блоке (II) падения (говорящий – повествователь) оба появляются в третьем лице; в блоке (III) монолога Сатаны проявлено *я* (Сатана) и *ты* (Вельзевул); блоку (V), где говорящий – Вельзевул, наоборот, соответствует *я* Вельзевула и *ты* Сатаны.

Рассмотрим цепочки композиционного блока VIб – второго монолога главного героя, построенные с учетом сделанных замечаний.

⁵⁶ Эта же система «штрихов» использована в таблицах приложений В.1.1 – В.1.5 (см.).

(1.3)

\mathbf{B}'_4 (ПТ-1777)

\mathbf{B}'_4 (ИТ)

Совпадение по единичному проявлению делает цепочку номинаций Сатаны абсолютно эквивалентной между ПТ-1777 и ИТ (табл. В.1.3, УЭ = 100%).

Цепочка Ангелов («мы») в монологе Сатаны, напротив, представлена значительно более обширным рядом номинаций:

(1.4)

$\mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4$ (ПТ-1777)

$\mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{J}_2 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5$ (ИТ)

$\mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{a}_1 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{e}'_4 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5 - \mathbf{z}_5$ (ПТ-1976)

Множество номинаций состоит из близкого во всех текстовых вариантах набора членов ($\mathbf{мы} - \mathbf{e}'_4$, «нулевая» – \mathbf{z}_5). Количественное различие (28 в ПТ-1777, 23 в ИТ, 21 в ПТ-1976) подкрепляется лишь одним существенным качественным: единственная номинация несубститутного типа *powers* (\mathbf{J}_2 , впервые в составе цепочки в первом монологе Сатаны [см. Бортников 2012], строка 145 ПТ-1777 – *силы*) передана в ПТ-1777 *вои* ($\mathbf{н}_3$, трансформ по отношению к *воинство ангелов*), а в ПТ-1976 – *войска* (\mathbf{a}_1 , повторяющаяся заголовочная номинация рассматриваемой цепочки во всем варианте 1976 г.). Незначительность качественного различия цепочек делает тематический набор цепочки 1.4 зависящим от количественной близости ИТ. Именно фактор количественного следования исходной цепочке позволяет на этот раз идентифицировать ПТ-1976 (21 звено) как более близкий ИТ (23

звена) по сравнению с ПТ-1777 (28 звеньев), ср. в процентном соотношении набора 61,9% и 57,14% соответственно (табл. В.1.4 (2), (1)).

Рассмотрим, в каком же месте ПТ-1777 происходит столь значительное усиление субъектности, что делает эквивалентность прозаического варианта поэмы – в целом, как уже говорилось, варианта весьма точного – ниже даже эквивалентности варианта стихотворного. Грамматическая трансформация в одном месте (англ. букв. «что может быть успешным», I, 166; рус. *въ чѣмъ мы не рѣдко будемъ благоуспѣшны*, I, 185–186) привела к появлению целого ряда дополнительных «нулевых» номинаций в позициях №№ 9, 10, 11 от начала ПТ-1777, соотносимых с безличными позициями ИТ. Ср.:

ИТ	Букв. (подстрочник)	ПТ-1777
And out of good still 1.4.35 <u>Ø</u> to find ⁵⁷ means of evil; Which ofttimes may succeed so as perhaps Shall grieve him, if I fail not, and disturb His inmost counsels from their destined aim.	И из добра так же находить средства зла, <i>Что</i> часто может быть успешным, поскольку, возможно, Огорчит его, если я не ошибаюсь, и помешает Его внутренним мыслям [достичь] конечной цели.	и изъ добра всегда ^{1.4.35} <u>Ø</u> обрѣтать ¹² средствѣя ко злу, въ чѣмъ ^{1.4.e'4} <i>мы</i> не рѣдко будемъ благоуспѣшны, чаятельно, даже до возмож- ности ^{1.4.35} <u>Ø</u> оскорблять его, если я не погрѣшаю, и ^{1.4.35} <u>Ø</u> разстроить сокровеннѣйшіе его умыслы, ^{1.4.35} <u>Ø</u> не допуская оня до предложенныя мѣты.
(I, 165–169)		(I, 184–189)

Несколько бóльшая «пышность» (К. Чуковский) монолога Сатаны в переводе сопоставительно с оригиналом, видная не только по формальному

⁵⁷ Номинация 35 – позиция № 7 от начала цепочки ИТ и ПТ-1777 (см. табл. В.1.4).

увеличению объема, но и по содержательной (лексической) архаизации даже для языка XVIII века (ср. с буквальным переводом: *средствія, чаятельно, до мѣты* = до цели и др.), сопутствует говорящему. В примере отражен уникальный для всей поэмы случай удлинения переводчиком тематической цепочки сразу на четыре (!) звена. Тем самым комбинаторно усиливается коллективная субъектность, так сказать, «голос» коллективного субъекта *мы* (от лица которого фактически и произносится монолог) – что логически продолжает тенденцию к субъектному усилению, отмечаемую не только во вступлении (см. разд. 2.2), но и во всех других монологах Сатаны в варианте ПТ-1777.

С точки зрения размещения наиболее интересный случай перевода представляет последняя в монологе конструкция. Говорящий Сатана как искусный оратор завершает свою речь призывом⁵⁸, что отображено в последнем примере, призывом собрать всех и держать совет (*совет*, англ. *consult*, – тематическое событийное слово Песни второй). Предмет будущего совещания раскрыт градационным рядом⁵⁹: [*да совѣщаемъ*, т. е. «посовещаемся», *коимъ образомъ*] *повредити, наградить (уронъ), избыть (настоящія напасти)*, а далее

какое подкрѣпленіе ^{1.4.35} Ø *можемъ получить отъ надежды, естли не отъ нея, что вложитъ* ^{1.4.e'4} **намъ** *во умъ отчаяніе* (I, 211–213).

Цепочка целого композиционного блока заканчивается местоимением, которому предшествует «нуль», в отличие от оригинала, где последние две позиции «закрываются» комбинацией «*мы* + нуль» (вместо «нуль + *мы*»⁶⁰):

What reinforcement ^{1.4.e'4} *we* may gain from hope,
If not what resolution ^{1.4.35} Ø from despair.

(I, 190–191)

⁵⁸ О призыве как речевой стратегии и тактике см. [Борисова 2001; Ланских 2008].

⁵⁹ О градации и ее связи с содержательной стороной текстовых категорий см.: [Яхнович 1991; Шкурина 2003; Щербаков 2004].

⁶⁰ Фактически – переводческая инверсия, которую можно интерпретировать как хиазм.

Комбинаторная перестановка в ПТ-1777 на размещение «нулевой» номинации (сильная / слабая позиция которой представляется вообще неочевидной из-за формальной невыраженности) в нашей интерпретации не повлияла (обе равно слабые во всех трех вариантах). Однако параллелизм либо хиазм (обратный параллелизм) как синтаксические фигуры перевода могут, вероятно, служить дополнительным фактором качественной идентификации, позволяющем установить «тропеическую эквивалентность» (А. В. Федоров) текстовых вариантов [Купина 1975: 290].

Таким образом, ПТ-1777 поддерживает общую сосредоточенность на субъекте сопоставительно с обоими другими вариантами, на фоне этой тенденции – субъектное сближение двух переводов («нули» в предпоследней позиции) и диалектическое дифференцирование по субъекту, занимающему сильную позицию конца цепочки в композиционном блоке.

2.3.2. Идентификация хронотопа. Поскольку упавшими в Ад уже была произведена, так сказать, рекогносцировка местности – в основном, пространство Ада становилось тематической зоной во II-м композиционном блоке, – то категория пространства, уже получившего значительную объективацию в интерпретации обоих героев, не позволяет идентифицировать значительных отклонений в блоке второго монолога Сатаны (эквивалентность по набору более 90% в обоих русских вариантах, комбинаторика и размещение, с чуть меньшими показателями, идентифицируют ПТ-1777 как в среднем эквивалентный ИТ на 82,76%).

Выделение ядерных и периферийных сигналов в структуре ТК пространства и времени напоминает маркировку, использованную нами выше, при анализе блока вступления:

1.1 (ядро) – наименования собственно пространственных объектов: *врата неба, стремнина небесь, сквозь глубину, равнину, волнь*; собственно временная единица *о случаѣ*;

1.2 (приядерная зона) – атрибутивы, характеризаторы с семой 'пространство': *вихрями, крылатый, жилище* (перен. характеризатор к

ядерной единице *равнину: жилище дум*); атрибутивы с семой 'время': *настоящія*;

2.1 (ближайшая периферия) – «внутреннее пространство и время» (см. разд. 2.1): *падшій (Херувимъ), высокая (воля); теперь, во вѣки, не редко, всегда* (в ирреально-модальном контексте *всегда обретать средства ко злу*);

2.2 (дальнейшая периферия) – дейктические единицы, а также пространственно-временные сигналы со значением 'движение, перемещение' – зона пересечения пространственного и временного полей: *вспять, по насъ, падущихъ, трясущихъ, простремся на оную, обитати тамо, собратъ* и др.

Оппозиция *падшій Херувимъ* (обращение к Вельзевулу) – **высокая воля** (Господа) находит полностью эквивалентные соответствия в ИТ и, в принципе, исчерпывает первую часть монолога, посвященную проблеме Добра и Зла в деяниях падших ангелов (категория тональности). Пространственность обретается лишь в части второй, заключительной, – в призыве собратъся на *равнине, жилище отчаянныхъ думъ непричастное свѣта* (I, 202–203), ср. англ. *plain* и *seat*. В соответствии *seat* → *жилище* видно уже парадигматическое подтверждение переводческой замены (ср. с референцией «Рай», I, 4 – см. выше разд. 2.2), где переводчик В. П. Петров (1777 г.) проявляет характерную стабильность.

Различие в наборе полей локативности обнаруживает лишь одна единица *yon* («вон тот»), дейктический указатель, соотносимый с зоной периферии, – опущенная, а точнее замененная, переводчиком при передаче *Seest thou yon dreary plain* (I, 180) → *Видиши оную страшную пустую и плачевную равнину* (I, 200 – 202). Неуместность варианта *вон ту* (а тем более **вон оную*) в эпическом монологе «высокого» героя свидетельствует в пользу того, что рус. *оную* в периферию текстового пространства не входит.

Таким образом, при сохранении стилистически «высокой» окраски локативности – темпоральности, или текстового хронотопа, – окраски, поддерживаемой, что важно, весьма интенсивно в ПТ-1777, – может происходить расширение набора текстовой категории, в т. ч. в сильных

позициях, с целью экспликации и поддержки того или иного тематического построения. Отметим, что куда чаще добавления либо перестановки касаются, – по крайней мере, в анализируемом фрагменте – сильной позиции конца набора (линии, синтагмы, целого композиционного блока), это наблюдение действует и для категории темы, и для категории текстового времени.

2.3.3. Категория тональности, представленная в монологе Сатаны столь же репрезентативно, как тема и хронотоп вместе взятые (38 единиц в ПТ-1777, 45 в ИТ, см. табл. приложения В.3.3), в логике разворачивания монолога от «рассуждений о Добре / Зле» к «конкретным действиям», призывам эксплицируется в смысловых группах «качеств» (ядро, ближайшая периферия) в первой логической части и, соответственно, «действий» (дальнейшая периферия) в части второй. Даже сами номинации Сатаны и Вельзевула в этимологии имеют тональную окраску (Сатана – с древнееврейского ‘противник’, Вельзевул – ‘повелитель мух’ [OEED 789, 85])⁶¹.

Ядерные репрезентации ТК тональности представлены оппозицией «Добро / Зло», заявленной в первом предложении монолога и раскрытой в предложении втором [о взаимодействии предложений см.: Брызгунова 1979]. Набор ядра: *good – ill* (1-е предл.), *good – evil* (2-е предл.). В то время, как в оригинале поэмы Сатана говорит о том, что творение добра никогда не станет их, коллективного субъекта, долгом (тезис предложения первого) и что даже в ответ на добро они все равно будут творить зло (аргумент предложения второго), переводчик 1777 г., вероятно увлеченный сохранением разнообразия набора (ср. *ill* букв. «нездоровый», в отличие от *evil*, собственно «зла»), получает в тезисе смысл совершенно противоположный исходному тексту:

⁶¹ О текстообразующих функциях имени см.: [Данилов 1995; Фомин 2000; Дубровская 2001; Маринина 2003; Рубцова 2011; Мурзич 2011; Сухарева 2014 и др.].

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
(1) To do aught <i>good</i> never will be our task, But ever to do <i>ill</i> our sole delight... (I, 159–160)	твореніе <i>блага</i> во вѣки нашъ долгъ; всегда упражняється во <i>злѣ</i> единственное утѣ- шеніе... (I, 178–179)	...к <i>Добру</i> Стремиться мы не станем с этих пор. Мы будем счастливы, творя лишь <i>Зло</i> ... (I, 170–172)

Разнообразие *good – ill*, конечно, оказалось сохранено – правда, в противоположном члене: *благо – зло* (вм. *добро – зло*). Однако подмена темпоральной оппозиции *never – ever* («никогда – всегда») на синонимический ряд *во вѣки – всегда* привела к помещению говорящим себя и всех окружающих в зону совершенно иной, противоположной, положительно-оценочной тональности. Транслируемый переводчиком смысл, таким образом, подразумевает в падших ангелах наличие доброго и злого начал: искони (вновь воспроизведение «первичного» времени) они предназначены творить добро, а утешаться, поскольку пали, будут злом. Между тем, весь монолог есть, по сути, реализация речевой тактики утешения сомневающегося Вельзевула, и утешением (обращение: *но о семъ буди уверенъ*, ПТ-1777; *но знай*, ПТ-1976) служит следующий аргумент: «добро» никогда, «зло» навсегда. Это доказывает и вариант 1976 г., не содержащий данной неточности.

Раскрытие тезиса в аргументе предложения (2), далее, представляет важнейший аспект комбинаторики и размещения текстовой категории тональности:

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
If then His providence Out of our <i>evil</i> seek to bring forth <i>good</i> ,	И тако, естли его провидѣніе изъ нашего	И если Провидением своим Он в нашем <i>Зле</i> зерно <i>Добра</i> возрастит,

Our labour must be to	зла ищеть произвести	Мы извратить должны
pervert that end,	добро, нашъ будетъ	благой исход,
And out of <i>good</i> still to	трудъ, испровергать	В Его <i>Добре</i> источник <i>Зла</i>
find means of <i>evil</i> .	такой конецъ, и изъ	сыскав.
(I, 162–165)	<i>добра</i> всегда обрѣтатъ	(I, 174–177)
	средствія ко злу...	
	(I, 181–185)	

Хиастическое расположение обоих членов оппозиции поддерживается всеми тремя текстовыми вариантами:

(ИТ) *evil – good – good – evil*

(ПТ-1777) *зла – добро – добра – злу*

(ПТ-1976) *(в) Зле – Добра – (в) Добре – Зла*⁶²

Сильными позициями начала и конца ряда говорящий, таким образом, утверждает именно *зло*: начав с этого компонента, он к нему же в конце и возвращается. Этим поддерживается тезис предложения (1) и отмеченная выше его основная идея – утверждение не двойственности добра и зла у падших ангелов и не доминанты зла, а зла как единственно возможного эмоционального определения их ответа на свершившееся падение.

Что же касается второй логической части монолога, части призыва, то набор категории тональности идентифицируется как чрезвычайно сходный в ПТ-1777 и ИТ. Единственным отличием в поле тональности ПТ-1777 будет наличие на периферии компонента *жупельнаго* («серного, сернистого») с яркой архаической окраской, соответствия англ. *sulphurous*. Переводчик устанавливает этот эквивалент (*жупел, жупельный*), стилистически

⁶² Хотя категориально-текстовый метод в принципе не предполагает учета каждой отдельной грамматической формы, в данном случае нельзя не отметить наличие грамматического параллелизма при лексическом хиазме: *(в) Зле* (предл. падеж со знач. локатива) – *Добра* (род. падеж объекта) – *(в) Добре* (предл. падеж со знач. локатива) – *Зла* (род. падеж объекта). Тем самым говорящий в ПТ-1976 постулирует еще и собственное подобие Вышним, божественным сущностям: «как Господь ищет в Зле источник Добра, так же и мы, только наоборот».

маркированный в коннотативном компоненте значения, для всей Песни первой своего текста (см. ст. 75, 192, 386).

Подведем итоги анализа второго монолога Сатаны.

В тематических цепочках всех трех текстовых вариантов возникают новые (относительно вступления) модификации референтов, зависящие – поскольку этими референтами являются персонажи – от точки зрения повествователя / говорящего Сатаны / говорящего Вельзевула. Однако общая тенденция к сохранению, и даже увеличению, субъектности ПТ-1777 сопоставительно с ИТ (на фоне потерь ряда номинаций в ПТ-1976) свидетельствует о субъектоцентричности анализируемого перевода, равно как и о значительной степени его точности, идентифицируемой через сопоставление текстовых категорий.

Более значительные расхождения в парадигмах репрезентаций пространства / времени ($УЭ \approx 68,52\%$ и 65% соответственно, см. табл. Приложений В.3.1 – В.3.2), интерпретируемых уже персонажем, а не повествователем, также свидетельствуют о значительной содержательной точности ПТ-1777, что верифицируется в том числе через посредство компонентного анализа. Несмотря на количественное преобладание локативов, более значимой текстообразующей ролью оказываются наделены темпоративы: ряд «прошлое – настоящее – будущее», сопровождающий тематическую линию (сетку – И. В. Арнольд) в аспекте размещения, отмечает событийно-тематический переход говорящего от осознания прошлого (наиболее проявленного как тема в монологе первом) к конкретным действиям в настоящем и ближайшем будущем («новое», рема монолога второго) маркирует и оппозицию добра – зла в поле категории тональности (об этой оппозиции в языке см. [Вольф 1985, 1986; Cook 2010]).

Категория тональности поддерживает диалектику субъектности – разнособъектности, отмеченную в общем виде для категории темы, через посредство усиления двойственности, «дуальности» обоих начал в падших духах (правда, возможно, ввиду ошибки переводчика). Все текстовые

варианты, однако, сохраняют *зло* в сильной позиции кольцевого обрамления ядра при его текстовом разворачивании (размещении), что доказывает однозначность отрицательной оценки случившегося Сатаной, поддерживает план прошлого как «минус-план», план-перспективу будущего, в том числе соблазнения людей, как план со знаком «плюс».

Стилистический прием архаизации не ослаблен, а еще более усилен в экспликации всех трех рассмотренных текстовых категорий монолога Сатаны (вариант ПТ-1777); хронологически отмеченные компоненты оригинала не воспроизводятся, а скорее, компенсируются в варианте ПТ-1976.

2.4. Категориальная идентификация варианта 1777 г. в композиционном блоке ответного монолога Вельзевула

При идентификации данного композиционного блока следует учитывать распределение монологов второго «по рангу и злодейству» после Сатаны «врага» в Песни первой. Этих монологов лишь два, они оба ответные. Первый произносится Вельзевулом в ответ на первый монолог главного героя: говорящий, после всех титулований Сатаны, выражает опасения в еще больших страданиях и мучениях. Это, в свою очередь, вызывает Сатану на уже анализировавшийся выше второй монолог, служащий риторическому подкреплению первого. Однако Вельзевулу суждено заговорить лишь после полета Сатаны и третьего монолога, произносимого уже стоящим (не лежащим в огне) героем. Таким образом, можно предполагать, что и Вельзевул произносит второй монолог – ответ третьему сатанинскому – стоя.

Монологи Вельзевула куда короче монологов Сатаны, они представляют собой зеркало того, что уже было сказано главным героем, но зеркало кривое, отражающее личность значительно более слабую, уничтоженную падением – в отличие от «Архиврага» – и физически, и морально. Композиционная роль Вельзевуловых речей состоит, конечно, в контрастном усилении мощи Сатаны: чем слабее окружение героя, тем сильнее он должен быть сам, чтобы поднять свое войско за собой. Вероятно, поэтому упоминания о Вельзевуле у мильтонистов чрезвычайно редки и связаны обычно с однородным рядом падших духов; а в самой поэме он возьмет слово еще раз на Совете (Песнь вторая), после чего также исчезнет со сцены, смешается с толпой подобных.

Таким образом, роль Вельзевула в поэме «Потерянный Рай» определим как эпизодическую и нисходящую: наибольшая сила его как отдельного героя – в Песни первой. Здесь мы и застаем Вельзевула произносящим большую часть монологов, здесь же единственная Песнь, где они образуют отдельную композиционную часть, объем которой (53 стиха), впрочем, уже

свидетельствует об относительной силе персонажа (ср. нисходящая роль в описаниях: второй после Сатаны, который сам был вторым после Бога).

2.4.1. Идентификация темы. Перед нами монолог ответный, но сам этот монолог не влечет за собой ответа. Как в зеркале, в этом монологе будут те же предметные темы, что и в звучавшем до него (Сатана говорит о падшем войске, обо всех поддержавших его, поверженных ангелах, и Вельзевул говорит о них же); субъектные же темы претерпевают переход *я* → *ты* (говорящий и слушающий меняются) с сохранением цепочки *он* (*Господа Бога*). При помощи контент-индексов это множество можно записать в виде {1.1, 1.3, 1.4, 1.5}, причем для удобства представляется допустимым сохранить индекс 1.4 для субъектной цепочки падших духов, приобретающей предметный статус.

В индексных обозначениях сохраняются и приобретают особую значимость «штрихи», уже применявшиеся при рассмотрении других монологов. Приводившаяся выше таблица может свидетельствовать о разнице точек зрения в тематических цепочках 1.3 и 1.5 относительно и цепочки 1.4, и цепочки 1.1, если выделить ячейки, где содержатся актуальные для данного композиционного блока штриховые обозначения:

	«без штриха»	«один штрих»	«два штриха»
1.3	<i>Сатана</i> = ^{в4} <i>он</i>	→ ^{в4} <i>я</i> (Сатана о себе – в своих монологах)	→ ^{в4} <i>ты</i> (Вельзевул к Сатане)
1.5	<i>Вельзевул</i> = ^{д4} <i>он</i>	→ ^{д4} <i>ты</i> (Сатана к Вельзевулу)	→ ^{д4} <i>я</i> (Вельзевул о себе – в своих монологах)

Как видно из таблицы, субъект и адресат монолога – Вельзевул и Сатана, в тексте обозначаемые, соответственно, через *я* (1.5.д⁴) и *ты* (1.3.в⁴). К обоим субъектам уже несколько раз, так сказать, переходил

«микрофон», поэтому стрелки между штриховыми обозначениями на данном этапе исследования правильнее было бы изобразить уже как двунаправленные – от *я* к *ты* в каждой из этих цепочек и наоборот. Кроме того, членимость блока IX на более мелкие IXа (слова автора) и IXб (слова Вельзевула) отображает переход точки зрения между крайними, левой и правой, ячейками таблицы (от 0 к 2 штрихам). Ср. разметку IXа – ввода Вельзевулова монолога:

Тако рекъ ^{1.3.11}Сатана, и ^{1.3.64}ему ^{1.5.21}Вельзевулъ ^{1.5.65}Ѡ отвѣтствующъ глаголашь... (I, 302–303, об обоих субъектах в третьем лице)

Субъектная цепочка *он* представлена в IXб референтом «Бог». Оба штриховых перехода этого референта имели место еще во вступлении к поэме (см. разд. 2.1), где Поэт – в соответствии с канонами жанра эпической поэмы – обращался к Высшему «со-нарратору». Цепочка прошла референтный круг *Богочеловек* (т. е. Бог-Сын) → *Муза* → *Св. Дух* → *Бог* (все три ипостаси Господа + «античный» адресат), после чего закрепились на референте «Бог», участвующем в действии как бы за сценой. В блоке II ***Всемогущая сила*** низвергла его <Сатану> с *ефирнаго театра* (описывается падение Сатаны), в блоке III сам Сатана в своем первом монологе говорит о *моцномъ побѣдителѣ* и т. д. Итак, Бог является в Песни первой, с одной стороны, затекстовым субъектом, с другой – предметом речи персонажей; на сцену он как действующее лицо выступит лишь в Песнях третьей – четвертой с целью предупреждения Адама и Евы об опасности и в Песнях десятой – одиннадцатой с целью наказания и первых людей, и Сатаны.

Представляется возможным считать цепочку 1.1 в монологе Вельзевула, как и во всех монологах обоих Падших Ангелов, субъектно-предметной. С субъектными цепочками 1.3, 1.5 ее содержательно сближает единичность референта, формально же – контентная маркировка при помощи двух «штрихов»; с цепочкой 1.4 – «овнешненность», затекстовость референта, которому пока не дают слова (духи заговорят лишь в Песни второй, Бог – в Песни третьей). Таким образом, цепочки второго монолога

Вельзевула организованы в своего рода поле субъектности, ядро которого занимают собственно субъектные цепочки Сатаны (1.3) и самого Вельзевула (1.5), приядерную зону – цепочка Бога (1.1), периферию – цепочка падших духов (1.4).

Эту полевую организацию подтверждает и количественное распределение звеньев цепочек: в ПТ-1777 идентифицируются лишь 15 субъектно-тематических номинаций, 13 (!) из которых приходится на периферийную по субъектности цепочку 1.4. Цепочки 1.1 и 1.3 представлены одной номинацией каждая, ср.:

(1.1 – Бог)

о''3 *Всемогущий* (ПТ-1777)

н''2 *Omnipotent* (ИТ)

о''3 *Всемогущий* (ПТ-1976)

(1.3 – Сатана)

п₂ *Вождь* (ПТ-1777)

п₂ *Leader* (ИТ)

п₂ – в''4 *Вождь – твой* (ПТ-1976)

Набор цепочки 1.1 иллюстрирует разницу между эквивалентностью текстовой и лексической. Словарным соответствием рус. *всемогущий* является в английском как исконное *almighty* (*all* – «весь», *mighty* – «могучий, могущий, способный»), так и заимствованное из латыни *omnipotent* (*omnis* – «весь», *potens* – «могущий»). Между тем, в текстовой парадигме цепочки позицию, обозначенную по порядку как **н''2**, в ИТ занимает *Omnipotent* (I, 49), а в ПТ-1777 – *Вседержителя* (I, 51, с трансформом *вседержащаго Бога* в I, 45); позицию же **о''2** в первом ее проявлении заняло сочетание *Almighty Power* (ИТ, I, 44) – *Всемогущая сила* (ПТ-1777, I, 46–47). Принцип контент-анализа предполагает закрепленность, устойчивость конкретного обозначения за данной номинацией, а значит, отсутствие возможности двойного соответствия для случаев, не представляющих собой трансформы (*Всемогущий* как трансформ явно ближе к *Всемогущая сила*, чем к *Вседержитель*). Таким образом, случай «нулевой» (0 %) эквивалентности набора в обоих русских вариантах цепочки 1.1 отражает разнообразие переводческих «решений» [Levú 2000: 148; Reiss 2000: 168], разнообразие выбора из текстовой парадигмы номинаций – каждая из которых при

динамическом (А. Д. Швейцер), лексикологическом (В. Г. Гак, Л. К. Латышев) подходах [см. тж.: Баранов 1995] давала бы 100%-ный результат соответствия.

Поскольку каждая из цепочек 1.1, 1.3 представлена только одним звеном, тождественным самому себе, то и комбинаторика каждого из них определена как не имеющая отклонений в эквивалентности, т. е. равная 100%.

Как видно из количественных подсчетов, приведенных в таблицах приложения Г.1.1 (1), Г.1.1 (2), цепочка 1.1 второго монолога Вельзевула дает редкое совпадение усредненной эквивалентности обоих русских вариантов перевода ($\frac{2}{3}$, или $\approx 66,67\%$). Цепочка 1.3, полностью совпадающая в наборе ПТ-1777 и ИТ (одна номинация Π_2 , см. выше), наоборот, дает разницу в размещении относительно второго русского варианта, связанную с введением в ПТ-1976 частицы *о*:

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
So ^{1.3.n1} <u>Satan</u> spake; and ^{1.3.v4} <u>him</u> ^{1.5.r1} <u>Beëlzebub</u>	Тако рекъ ^{1.3.n1} <u>Сатана</u> , и ему ^{1.5.r1} <u>Веельзевуль</u>	Так молвил ^{1.3.n1} <u>Сатана</u> , и ^{1.5.r1} <u>Вельзевул</u>
Thus answered: « ^{1.3.n2} <u>Leader</u> of those ^{1.4.c2} <u>armies</u> bright... (I, 271–272)	^{1.5.v5} <u>Ѡ</u> отвѣтствующь глаголаль: ^{1.3.n2} <u>Вождь</u> свѣтоносныхъ ^{1.4.n2} <u>воевъ</u> ... (I, 302–303)	Отвѣтствовал: «← <u>Ѡ</u> ^{1.3.n2} <u>Вождь</u> отважныхъ ^{1.4.a3} <u>войск</u> ... (I, 287–288)

Равно сильная позиция *Вождь* (ПТ-1777) – *Leader* (ИТ) в абсолютном начале монолога IXб ослаблена, снята в варианте ПТ-1976, а добавление еще одного звена усиливает неравенство эквивалентности русских текстовых вариантов английскому (100% и $\approx 33,33\%$ соответственно). Так прозаический вариант ПТ-1777 описывается как тематически более эквивалентный, чем ПТ-1976, если судить по собственно субъектным цепочкам («приядерно

субъектная» цепочка 1.5 имеет единичное проявление во вводе IXа, в самом же монологе нет ни одного я Вельзевула).

Наиболее объемная по числу звеньев тематическая цепочка падших духов (1.4) характеризует говорящего как приобщающегося тому множеству, которое *никто, развѣ всемогущій, побѣдити могъ* (I, 304). Вместе с тем Вельзевул приобщает к павшим, поверженным духам и Сатану, поскольку приведенная конструкция синтаксически зависит от обращения: «Вождь свѣтоносныхъ воевъ...» Характерная черта снижения, а чаще полного опущения собственного я, говорения только от лица *мы*, отличает вообще монологи любого из павших ангелов (см. Песнь вторую) от монологов Сатаны. Сатанинское я, напротив, по нашим наблюдениям, никогда в поэме не опускается.

С этой интенцией приобщения связаны штриховые обозначения, выделяющие цепочку павших духов из всего множества цепочек в исследуемом монологе Вельзевула, характеризующие ее как предметную. Коллективный субъект не может выступать в качестве адресанта (духи не говорят хором), но не является он и адресатом: Вельзевул не в ранге Вождя, чтобы обращаться ко всему войску. Вследствие «фактора адресата» [Арутюнова 1981: 356] «князи, господства, начальники, цвѣтъ небесъ» (I, 351–352) выступают в роли третьего лица, лица отнюдь не активного, как Бог, но пассивного, лежащего («ницъ возверженны другъ на друга», I, 312) в огненных волнах. Говорящий противопоставляет прочим лежащим (*они*) себя и Сатану (*мы*), однако и сопоставляет оба множества (ср.: первая номинация – все прочие, без штриха; вторая – Вельзевул и Сатана, обозначены одним штрихом): *...лежатъ^{1.4.e4} они, якоже сами^{1.4.e'4} мы предъ симъ* (I, 313). Такое комбинирование звеньев со штрихами и без штриха возможно, очевидно, только в монологе одного из персонажей.

С точки зрения набора цепочка 1.4 отличается пропусками значительного количества звеньев в обоих переводных вариантах (из 15 номинаций ИТ в ПТ-1777 переданы 13, в ПТ-1976 – лишь 7), пропусками

некомпенсированными, связанными, по-видимому, с постоянными повторами мысли в оригинале. Как уже говорилось, монолог Вельзевула, подобно зеркалу, отражает содержание и тематическое наполнение инициального монолога Сатаны; получается, что «заместитель» Вождя дублирует и его самого, и себя самого. Например:

С а т а н а. Но почто попускаемъ ^{1.4.e'4}мы нашимъ вѣрнымъ ^{1.4.p2}друзамъ, ^{1.4.ж2}сообщникамъ урона и ^{1.4.e2}сострадальцамъ, на обаяющемъ блатѣ лежати тако изумленнымъ <...>? (I, 294–297)

В е л ь з е в у л. <...>мгновенно ^{1.4.35}Ø воспріимуть новую бодрость и ^{1.4.35}Ø оживуть, хотя днесь на семь огненномъ озерѣ, ниць ^{1.4.35}Ø **возверженны другъ на друга лежатъ** ^{1.4.e4}они... (I, 311–313)

Конструкция *ниць возверженны другъ на друга лежатъ* многократно повторяет то, что случилось и что уже обсуждалось героями в первых их монологах. Соответствие в ИТ – *though now* ^{1.4.e4}*they lie* / ^{1.4.35}Ø *Grovelling and* ^{1.4.35}Ø *prostrate* (I, 279–280), букв. «хотя сейчас они лежат павшие ниц и распростертые», – содержит на один семантический компонент меньше (нет *друг на друга*), однако плеонастический повтор *павшие – распростертые* указывает на еще одну «нулевую» номинацию, пропущенную в ПТ-1777 при компенсации (пропуск после 9-й позиции, см. таблицу приложения Г.1.4 (1)).

С этим же случаем связана и трансформация порядка слов (пермутация), повлиявшая на комбинаторику сигналов рассматриваемой темы, ср.: *though now* ^{1.4.e4}*they lie* ^{1.4.35}Ø *Grovelling and* ^{1.4.35}Ø *prostrate* «хотя сейчас они лежат павшие ниц и распростертые» (ИТ) – *хотя днесь на семь огненномъ озерѣ, ниць* ^{1.4.35}Ø **возверженны другъ на друга лежатъ** ^{1.4.e4}они (ПТ-1777). Случай осложняется тем, что пермутация звеньев $e_4 - z_5 \rightarrow z_5 - e_4$ происходит при выпадении стоящего между ними звена z_5 (*grovelling*). В таблице приложения Г.1.4 этот нестандартный случай отображается так:

№ звена п/п	...	(8)	(9)			...
Вариант
Русский (ПТ-1777)	...	з ₅	е ₄	–	+	...
Английский (ИТ)	...	+	е ₄	з ₅	з ₅	...

Эквивалентность комбинаторики при такой перестановке «с выпадением» оказывается, тем не менее, равной 0,5 как для звена (8), чье соответствие обнаруживается только через два звена (символ «+»), так и для звена (9). Все прочие случаи снижения эквивалентности комбинаторики с 1 до 0,5 (звенья 2, 3, 4, 10 русской цепочки) и до 0 (звенья 1 и 7) связаны либо с несовпадением звена в парадигме набора, либо с выпадением отдельных звеньев.

Эквивалентность же размещения отмечена для цепочки падших духов как более высокая, чем эквивалентность комбинаторики ($\frac{10}{13}$ и $\frac{8}{13}$, или примерно 76,92% и 61,54% соответственно). Любопытно, что отклонения в порядке слов наблюдаются как систематические (звенья 1, 5 и 9), причем в 1 и 9 случае звено в ПТ-1777 встало в сильную позицию конца синтагмы, или речевого звена (*вождь свѣтоносныхъ*^{1.4.n2} **воевь** вместо *Leader of those*^{1.4.e2} **armies bright**; уже упоминавшееся *лежатъ*^{1.4.e4} **они** вместо *they lie*^{1.4.e4}), а в 5-м – наоборот, в слабую (*знакъ*^{1.4.e4} **ихъ** *безопасности* вместо *Their surest signal*^{1.4.e4}). Как видно, усиление позиции всякий раз происходит в пользу конца синтагмы; ослабленной же оказалась позиция начала английского речевого звена (стиха).

Итак, блок второго монолога Вельзевула не характеризуется повышением субъектности ни в одном из двух русских текстовых вариантов относительно английского. Наоборот, говорящий избавляется от собственного я, что делает вообще одну цепочку не представленной во фрагменте IXб; а при развитии прочих субъектных тем стремится «спрятаться» за цепочку прочих, падших духов, которую интенсифицирует

за счет повторов, многократного дублирования мысли. При всей строгости переводчика В. П. Петрова вариант ПТ-1777 «перешагнул» порог эквивалентности в $\frac{10}{13}$, или примерно 76,92%, только в цепочках с единичной репрезентацией; вариант же ПТ-1976 лишь в одном случае достиг максимума эквивалентности в $\frac{4}{7}$, что $\approx 57,14\%$ (см. таблицы приложения Г.1.1 – Г.1.5). Однако в данном сближении можно также усмотреть сходство, тем более что наибольшее «провисание», падение эквивалентности обнаруживается в обоих русских вариантах в параметре комбинаторики (ср. по трем параметрам: $\frac{10}{13}$, $\frac{8}{13}$ и $\frac{10}{13}$ в ПТ-1777, табл. Г.1.4 (1); $\frac{3}{7}$, $\frac{2,5}{7}$ и $\frac{4}{7}$ в ПТ-1976, табл. Г.1.4 (2), соответственно). Эти цифры свидетельствуют о сохранении динамики субъектного сближения между русскими текстовыми вариантами, отмеченная при анализе предыдущих блоков; об отсутствии разносубъектных расхождений в данном блоке из-за подавления всех индивидуальных субъектов в пользу коллективного; наконец, о замечательно сходных трансформациях, примененных разными переводчиками в разное время и в разном количестве к одному и тому же отрезку текста.

2.4.2. Идентификация хронотопа. Весь второй монолог Вельзевула представляет собой один период, протосис и аподосис которого противопоставлены по грамматическому времени основного глагола (предиката). Ср.:

(протосис) естъли они однажды *услышатъ* оный гласъ, воскрешающій залогъ ихъ надежды во страхахъ и опасностяхъ, <...> мгновенно *воспрѣмутъ* новую бодрость и оживуть...

(аподосис) ...хотя днесъ на семь огненномъ озерѣ, ниць возверженны другъ на друга *лежатъ* они, якоже сами мы предъ симъ, посрамленны и изумленны, не дивно, ниспадшіе съ толико гибельныя высоты.

План будущего в первой части периода заключает в себя «прошлое регулярное»: если раздастся голос, который *был столько раз* сигналом к

сражению, то и в этот раз падшие духи («коллективный субъект») перестанут быть «падшими» в прямом смысле слова – изменят свое пространственное местоположение, встанут из огня, подобно их Вождю (динамическое пространство – время). В момент же речи (план настоящего второй части) духи продолжают лежать (хронотоп в зоне статики). Таким образом, в периоде второго монолога Вельзевула задаются две сильные, взаимно противопоставленные макропозиции хронотопа: динамическая в протосисе и статическая в аподосисе.

Характерно, что в ИТ имеющее весьма опосредованную хронотопическую привязку обращение к Сатане (*Leader of those armies bright / Which, but th' Omnipotent, none could have foiled!*, I, 272–273) отделено Мильтоном при помощи восклицательного знака, тем самым как бы маркируется начальная граница самого периода, усиливается макропозиция динамического хронотопа. Оформление обращения в отдельное предложение сохранено в ПТ-1976, а вот в варианте ПТ-1777 адресация оказалась слита с собственно периодом (так что весь монолог составил одно предложение). Тем самым в идентифицируемом варианте оказался с точки зрения текстового размещения усиленным аподосис, а вместе с ним и статическая зона хронотопа.

Текстовое время в монологах Вельзевула, как и в других композиционных частях, оказывается доминирующим над текстовым пространством (ср. табл. Г.3.1 и Г.3.2) – что, по-видимому, позволяет определить конфликт поэмы Мильтона в том числе как столкновение разных временных планов: прошлого и настоящего, настоящего и будущего, прошлого и будущего. Монолог Сатаны – столкновение абсолютного прошлого и абсолютного будущего, это столкновение, так сказать, глобальное: настоящее для героя преходяще и сиюминутно. Этого нельзя сказать о Вельзевуле, куда более сосредоточенном на «минутном» настоящем и на «ближайшем» будущем, видящим куда более мелкие временные доли (что характерно также для Вельзевулова «выступления» в Песни второй).

Способность видеть «вглубь» времен – отличительная характеристика Сатаны, персонажа куда более массивного, чем все прочие «падшие»; Вельзевул лишь приближается к Вождю по этой глубине, видя и дробя примерно с той же степенью детальности, что и его предводитель, пространство, но не время.

Вполне логично, таким образом, предположить, что в зеркале своих монологов, сужающем, детализующем время сатанинских монологов, Вельзевул задействует те же содержательные зоны ТК хронотопа, которые обнаруживались и у Сатаны. Действительно, сигналы и времени, и пространства распределяются между теми же ядром (1.1), приядерной зоной (1.2), ближайшей (2.1) и дальнейшей (2.2) периферией, что и в монологах Сатаны (см. разд. 2.2):

1.1 (ядро) – наименования собственно пространственных объектов: *на огненномъ озерѣ*; собственно временная единица *минуть*;

1.2 (приядерная зона) – атрибутивы с семой ‘пространство’: *нищъ возверженны другъ на друга*; характеризаторы с семой ‘время’: *однажды, мгновенно, днесь*;

2.1 (ближайшая периферия) – пространство и время «внутреннего отсчета» оказались представлены в ПТ-1777 лишь темпоральным сигналом *толикократно*;

2.2 (дальнейшая периферия) – дейктические единицы (*предъ симъ*) и локативно-темпоральные сигналы с семантикой ‘движение, перемещение’: *ниспадше, наскакахъ* (ср. *наскок* – ‘действие по глаг. *наскочить* – *наскакивать*’ [МАС, т. 2: 394]). В зону же дальнейшей периферии попал пространственно-временной сигнал *сраженія* (ср. глагольность КЛС: ‘крупное боевое *столкновение* войск’ [МАС, т. 4: 237, выделено нами – В. Б.]) – контекстный синоним к *наскакахъ*, использованный в смысле ‘сражение вообще’, без конкретной пространственно-временной привязки (*среди пагубныхъ минутъ свирѣпѣшаго сраженія, во всѣхъ наскакахъ*, I, 308–309).

Данный полевой расклад приведен для текстового варианта ПТ-1777. Любопытно, что для второго монолога Вельзевула особенно сильно выражена тенденция к переходу эквивалентов разных вариантов между ближайшими зонами, что до некоторой степени гармонизирует количественное соотношение между ядром и периферией (ср. два сигнала в ядре 1.1 и один сигнал в ближайшей периферии 2.1 – соотношение, вступающее в противоречие с логикой структуры поля). Рассмотрим случаи таких перераспределений.

Сигнал *минуть*, попавший в наборе поля темпоральности в ядро (маркировка 1.1Т21: 1.1 – принадлежность ядру; Т – сигнал темпоральности; 2 – событийное время, т. е. *минуть сраженія*; 1 – время статическое, конкретно заданный интервал), соответствует в ИТ отнюдь не лексеме со зн. ‘какой-л. определенный промежуток, отрезок времени’ [МАС, т. 2: 274]. Ср.:

ИТ	ПТ-1777
<p>...heard so oft In worst extremes, and on the perilous ^{2.1..ЛТ21}<i>edge</i> Of ^{2.2..ЛТ220}<i>battle</i>, when it raged... (I, 275–277)</p>	<p>...раздававшийся толикократно во крайнѣйшихъ бѣдахъ, среди пагубныхъ ^{1.1.Т21}<i>минуть</i> свирѣпѣвшаго ^{2.2..ЛТ220}<i>сраженія</i>. (I, 307–309)</p>

Edge буквально означает «край», ср. ‘the part of something that is furthest from its centre’ [MED 2007: 471] – «часть чего-л., наиболее удаленная от центра». Ни один из известных нам переводов не содержит соответствия *край* (ср., например, прием опущения единицы *edge*: *среди битвъ* [Потерянный Рай 1843: 10], *среди опасностей и страха* [Мильтон 1976: 38] либо замены: *въ разгарѣ битвы* [Потерянный Рай и Возвращенный Рай 1895: 9], *въ пылу жестокаго боя* [Потерянный Рай. Возвращенный Рай 1901: 17] и др.). Так или иначе, каждая трансформация в приведенных русскоязычных вариантах указывает на пространственно-временную семантику исходного

edge (маркировка ЛТ), измерителя хронотопа героем уже изнутри («внутреннее пространство – время», зона ближайшей периферии 2.1). Так зоны ядра (1.1) и периферии (2.1), неравновесные в вариантной интерпретации ПТ-1777, перераспределяются и гармонизируются в ИТ.

Вообще сочетание «край битвы» в ИТ можно считать контекстуально переключившимся с наиболее ярким характеристикатором пространства Ада *pole* – «полюс» (композиционный блок II, см. I, 74: *As far removed from God and light of Heaven / As from the centre thrice to th' utmost pole*). В блоке II Сатана был «удален от Бога и Небесного света настолько, сколько от центра <земли> до крайнего полюса» (букв. перевод наш – В. Б.), в блоке же IXБ Вельзевул вспоминает, как голос Сатаны «раздавался... в самой гуще и на краю битвы». Если характеристика бывшего Сатаны – пространственная амфитеза («и в центре, и на краю»), то падение Сатаны представляет собой собственно антитезу – не синтез, но противопоставление центра полюсу, перемещение из одной крайней точки в другую. В этой переключке (*edge – pole*) проявляется композиционная связь падения и рефлексии падения в последующих монологах (части описания, монологов Сатаны и монологов Вельзевула), связь пространственно-временная, для которой, по всей видимости, время теряет доминантную роль над пространством, становится с ним наравне.

Этот же функционально-содержательный паритет локативности и темпоральности характеризует единицы, обнаруживаемые в зоне периферии хронотопа в иных (не в ПТ-1777) текстовых вариантах. В ИТ вновь отмечается дейктическое *on yon lake of fire* (букв. «на вон том озере огня», см. разд. 2.2), устойчиво пропускаемое русскими эпическими вариантами. В ПТ-1976 идентифицируется расширение зоны пространственной периферии за счет передачи последнего в монологе Вельзевула эмотива лексемой с наведенной локативной семантикой: *from such a pernicious height* (ИТ, I, 282, букв. «с такой опасной высоты») – с непомерной вышины (ПТ-1976, I, 298). Таким образом, количественная неравновесность ядра и периферии ТК

хронотопа в ПТ-1777 компенсируется, помимо баланса между довольно узкой приядерной зоной и куда более мощно репрезентированной дальнейшей периферией, еще и семантическим потенциалом, «зарядом» ИТ, по-разному интерпретируемым и воплощаемым переводчиками разных эпох.

Все комбинаторно-разместительные трансформации сигналов хронотопа во втором монологе Вельзевула напрямую зависят от тех сильных изменений в наборе рассматриваемой категории, которые уже были освещены в настоящем параграфе. Замечено, что изменения, происходящие по механизмам добавления или опущения (*ниць возверженны другъ на друга* в ПТ-1777; *on yon lake of fire* в ИТ; *паденьем с непомерной вышины* в ПТ-1976), фиксируются в слабых позициях текста – середине синтагмы / стиха; замены же (*edge of battle* «край сражения» → *минуты сраженія*; слияние *so oft* «так часто» → *толикократно*) происходят, наоборот, в позициях стабильно сильных, устойчиво сохраняемых как сильные и в переводных вариантах поэмы.

Руководящим параметром для сопоставительно-категориальной (хронотопической) идентификации эквивалентности второго монолога Вельзевула оказывается, таким образом, параметр набора. В наборе всех зон хронотопа ощущается суженность, сжатость репрезентации. Объясняется столь сильное количественное снижение сигналов объективно меньшей значимостью образа Вельзевула по сравнению с центральным образом Сатаны (ср., соответственно, объемы монологов: 12 и 33 строки в ПТ-1777; 10,5 и 28,5 стихов в ИТ; 11 и 30 стихов в ПТ-1976, ср. гармонию пропорции во всех трех вариантах: 36,36%; 36,84%; 36,67%, отклонение по объемному соотношению не выходит за пределы 0,5%). Количественное снижение репрезентации ведет к структурным изменениям в поле хронотопа, к вариантным интерпретациям при отборе сигналов текстовой категории. Стабильно бóльшая эквивалентность устанавливается, тем не менее, для переводного варианта, стремящегося к более подробному отбору сигналов (несмотря на значительные отклонения, таковым всё же остается ПТ-1777).

Этот факт имеет объективное обоснование: чем больше число репрезентаций, тем меньше доля сходного числа отклонений от общего количества, а значит, тем выше процент совпадений, т. е. процент эквивалентности.

2.4.3. Идентификация тональности. Если в монологах Сатаны почти каждый отрицательно-оценочный компонент стремится найти положительно-оценочное восполнение, то Вельзевуловы суждения, как маятник, переходят то к группе отрицательных сигналов, то к группе сигналов положительных, причем с количественным преобладанием оценок на полюсе «минус». Это становится видно, если выписать последовательность сигналов тональности каждого героя и отметить на этой последовательности «положительные» элементы полужирным шрифтом:

(Сатана) *слабость* – *бѣдное* – *блага* – *злѣ* – *утешѣніе* – *высокой* – *презираемъ* – *зла* – *добро* – *добра* – *злу* – ...

(Вельзевул) *свѣтоносныхъ* – *воскрешающій* – *залогъ* – *надежды* – *страхахъ* – *опасностяхъ* – *крайнѣйшихъ* – *бѣдахъ* – *пагубныхъ* – *свирѣпѣвшаго* – *вѣрнѣйшій* – *безопасности* – *бодрость* – *посрамленны и изумленны* – *толико гибельныя*

Получается, что если Мильтону при характеристике Сатаны достаточно одного положительного эмотива, чтобы положительная оценочность возобладала над отрицательной, то при характеристике Вельзевула требуется использовать уже целую группу положительно-оценочных сигналов. Сделать такой «контрольный» скачок у говорящего «зама» не получается ни в одном монологе поэмы. Первый монолог приходит в своем финале к опасениям за будущую необходимость «служить во Аде», второй – к оценке и попытке оправдания павших духов, монолог Песни второй – к сомнениям в коварных планах Сатаны. Столь боязливый субъект необходим автору лишь для контрастного усиления смелости Вождя, так что после выполнения этой функции, во многом реализуемой именно через монологи, персонаж – как уже отмечалось выше – теряется в толпе прочих.

Параметр комбинаторики, как свидетельствует выписанная последовательность сигналов (см. также табл. приложения Г.3.3), становится ключевым при функциональном анализе сигналов ТК тональности; идентификации, однако, как и во многих предыдущих случаях, послужит в приведенной последовательности параметр набора.

Подобно хронотопу, содержательные составляющие поля тональности в монологах Вельзевула распределяются между ядром и периферией тем же образом, что и в монологах Сатаны. Маркируются эти составляющие соответственно той же логике контент-анализа (1 – ядро, 2 – периферия):

1.1 (ядро) – собственно эмотивы (*страхахъ, бѣдахъ, бодрость*);

1.2 (приядерная зона) – эмотивы-потенциалы, т. е. единицы, содержащие в своей семантике, наряду с долей ‘эмотивности’, и долю ‘возможности’ (*опасностяхъ*, ср. **опасность** – ‘возможность, угроза бедствия, катастрофы’ [МАС, т. 2: 620]; *безопасности*);

2.1 (ближайшая периферия) – эмотивно-оценочные качества (*свѣтоносныхъ, крайнѣйшихъ, пагубныхъ, свирѣпѣвшаго, вернѣйшій, толико гибельныя*), нередко содержащие сему ‘интенсивность’;

2.2 (дальнейшая периферия) – признаки по действию (*воскрешающій, посрамленны и изумленны*), эмотивно окрашенные контекстом, или, как их описывал В. И. Болотов, «возможно эмоционально окрашенные в тексте» [Болотов 1981: 79].

Диффузность ядра поля тональности определяется перераспределением в том числе группы 1.1 другими текстовыми вариантами. Ср. в начале протосиса Вельзевулова периода:

ИТ	ПТ-1777
...heard so oft	...раздававшийся толикократно во
In worst ^{2.1.Э2} <i>extremes</i> ...	крайнѣйшихъ ^{1.1.Э1} <i>бѣдахъ</i> ...
(I, 275–276)	(I, 307–308)

Лексема *extreme* вообще не имеет значения, сколько-нибудь близкого «беде, горю» или «сражению, битве» (контекстный смысл *во бѣдахъ* можно примерно описать как ‘в проигрываемых сражениях, в трудных боях, ситуациях’), в английском это чистый интенсив (‘a very large or very small *degree of something*’ [MED 2007: 521], букв. «очень большая или очень маленькая *степень* чего-л.»). Для сочетания же *in (the) extreme* отмечается толкование через употребление, вновь с долей интенсивности в семантике: ‘used for *emphasizing* what you are saying’ [Там же] («используемое для подчеркивания того, что говорится»). Любопытно, что именно эта семантическая доля была восполнена, компенсирована переводчиком 1976 г. в предшествующем фрагменте обращения к Сатане этого же композиционного блока:

– О Вождь отважных войск,
2.1.92 Воистину, лишь Всемогущий мог
Их разгромить!

(I, 288–290)

Само *extreme* в ПТ-1976 не проявлено, его место заполнено сочетанием *среди опасностей и страха* (I, 293); однако, *воистину*, введенное как «компенсатор» [Остапенко 2013: 217] *extreme*, в синтаксической функции – выразимся тавтологически – вводного слова, как и *in extremes*, подчеркивает целое сообщение, предложение. Этот переброс лексемы между фрагментами блока IXб – отличительная черта уже комбинаторики ТК тональности в монологе Вельзевула. Тем не менее, единица *extremes*, не выражающая эмоцию в чистом виде, лишь описывающая ее [см.: Шаховский 1989], выходит и в ИТ, и в ПТ-1976 из ядра на периферию.

Перераспределение между зонами самого ядра рассматриваемой ТК симметрически происходит в конце протосиса – в зоне волеизъявления Вельзевула (маркировка ЭЗ), почти приказания лежащим встать:

<p>ИТ</p> <p>...they will soon resume New ^{1.2.93} <u>courage</u> and revive... (I, 278–279)</p>	<p>ПТ-1777</p> <p>...мгновенно воспримут новую ^{1.1.93} <u>бодрость</u> и оживуть... (I, 310–311)</p>
--	---

Англ. *courage* – храбрость, “the *ability* to do something that you know is right or good” [MED 2007: 338] – букв. «*способность* делать что-л., что понимается как правильное или хорошее», эмотив-потенциал, в отличие от рус. *бодрость* – ‘бодрое физическое или нравственное состояние’, ‘полнота сил, энергии’, ‘крепость, сила, здоровье’ [МАС, т. 1: 101; Сл. XVIII, вып. 1: 88; ТСРЯ 2008: 57]. Тем самым неизменная часть ядра ТК тональности, общая для всех рассматриваемых текстовых вариантов, остается лишь за лексемой *страх*, характеризующей эмоциональное состояние самого Вельзевула и тем самым выполняющей важнейшую интегративную роль – «тематической, концептуальной и модальной связи», чем и обеспечивается целостность композиционного монолога [Яшина 2013: 21].

Результаты анализа второго монолога Вельзевула характеризуют говорящего как, с одной стороны, повторяющего мысли Вождя, инверсивно перестраивающего их с содержательным сохранением в сильных позициях; с другой – как духа колеблющегося, выражающего больше опасений в прошлом и будущем, чем уверенности в настоящем. Это позволяет контрастно выделить Сатану, сделать его непререкаемым авторитетом в том замысле, который будет реализован позднее и который станет основным предметом всей поэмы.

2.5. Категориальная идентификация варианта 1976 г. в авторской речи и персонажных монологах Песни первой

Три предыдущих раздела (2.2, 2.3, 2.4) были посвящены идентификации одного и того же переведенного варианта «Потерянного Рая» (в 1777 г. выполненного В. П. Петровым) относительно варианта исходного. Однако системным категориально-текстовое исследование становится лишь

при идентификации различных вариантов одного текста (что уже демонстрировалось при апробации модели на двух переводах малого поэтического текста, см. разд. 1.4). В настоящем разделе на тех же трех композиционных блоках, занимающих объемно «сильные» позиции, осуществляется идентификация другого переведенного варианта – наиболее известного современному русскому читателю «Потерянного Рая» 1976 г. (пер. Арк. Штейнберга). ПТ-1976 будет идентифицироваться уже относительно обоих вариантов – и ИТ, и ПТ-1777, рассматривавшихся ранее.

Основным отличием «Потерянного Рая» в варианте 1976 г., как уже отмечалось в главе I, является стихотворная организация перевода советской эпохи. Как следствие, ПТ-1976 может идентифицироваться относительно ИТ не только в аспекте содержания (эквивалентности), но и с точки зрения метрической структуры (эквиметричности) пятистопных ямбов [см. также: Гончаренко 1989]. Наше рассмотрение избирает эквивалентность как единственно пригодный из двух параметров сопоставления ПТ-1777 и ПТ-1976: отсутствие у ПТ-1777 стиховой организации делает его априорно «нулевым» по эквиметричности ИТ.

Идентифицируя ПТ-1976 по категории темы, отметим, что в блоке вступления все без исключения тематические цепочки ПТ-1976 идентифицируются как стабильно менее эквивалентные ИТ по сравнению с ПТ-1777. Для доказательства этого приведем – соответственно таблицам приложений Б.1.1 (1), (2); Б.1.2 (1), (2); Б.2.1 (1), (2); Б.2.2 (1), (2) – рядом с каждой цепочкой усредненный коэффициент эквивалентности (УЭ). Ср.:

(1.1 – Муза, Св. Дух, Господь)

$a''_2 - b''_5 - v_1 - \Gamma_4 - d_4 - b_5 - a''_2 - d_4 - d'_4 - e'_2 - \Gamma'_4 - d'_4 - d'_4 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - \text{ж}''_2 - z''_1$ (ИТ)

$a''_2 - b''_5 - v_1 - \Gamma_4 - d_4 - b_5 - a''_3 - d_4 - d'_4 - e'_2 - \Gamma'_4 - d'_4 - d'_4 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - \text{ж}''_2 - b'_5 - z''_2$ (ПТ-1777, УЭ $\approx 81,88\%$)

$a''_2 - b''_5 - v_1 - b_5 - d_4 - b_5 - a''_2 - d_4 - d'_4 - e'_2 - d'_4 - d'_4 - d'_4 - b'_5 - b'_5 - b'_5 - \text{ж}''_2 - z''_2$ (ПТ-1976, УЭ $\approx 74,56\%$)

(1.2 – Поэт)

$d_1 - \bar{b}_4 - \bar{v}'_2 - \bar{\Gamma}'_4 - \bar{e}'_4 - a_5 - d_1 - d_1 - a_5 - a_5 - d_1 - a_5$ (ИТ)

$a_5 - \bar{b}_4 - \bar{v}'_2 - \bar{\Gamma}'_4 - a'_5 - a_5 - d_1 - \bar{b}_4 - \bar{b}_4 - a_5 - a_5$ (ПТ-1777, УЭ $\approx 65,15\%$)

$d_1 - \bar{v}'_2 - \bar{b}_4 - a'_5 - a_5 - d_1 - \bar{b}_4 - d_1 - d_1 - a_5 - a_5$ (ПТ-1976, УЭ $\approx 45,45\%$)

(2.1 – предметно-событийная цепочка)

$a_2 - \bar{b}_2 - v_2 - \Gamma_2 - d_1 - e_3 - e_1$ (ИТ)

$a_2 - \bar{b}_2 - v_2 - \Gamma_2 - d_1 - e_3 - e_1$ (ПТ-1777, УЭ $\approx 90,48\%$)

$a_2 - v_2 - \Gamma_2 - d_1 - e_3 - e_1$ (ПТ-1976, УЭ $\approx 80,56\%$)

(2.2 – предметно-персонажная цепочка)

$a_1 - v_4 - \bar{b}_5 - v_4 - \Gamma_2 - a_1$ (ИТ)

$a_1 - \bar{b}_5 - v_4 - \bar{b}_5 - v_4 - \bar{b}_5 - \Gamma_2 - a_1$ (ПТ-1777, УЭ = 62,5%)

$v_4 - a_1 - v_4 - v_4 - \Gamma_3 - a_2$ (ПТ-1976, УЭ $\approx 36,11\%$)

Приведенные величины усредненной эквивалентности показывают, что в каждой из групп тематических цепочек (1 – субъектной, 2 – предметной) основная содержательная цепочка (т. е. цепочка со вторым индексом 1: 1.1, 2.1) передается и в ПТ-1777, и в ПТ-1976 с куда большей полнотой, чем цепочка вторая, с индексом 2 (1.2, 2.2). Тем самым количественно доказывается образование каждой группой отдельного тематического поля (субъектного и предметного, см. разд. 1.2), иначе – полевая, наряду с цепочечной, или линейной, организация текстовой категории темы.

Несмотря на количественно большую усредненную эквивалентность ПТ-1777, вариант ПТ-1976 обнаруживает некоторые тематические особенности, сближающие его с ИТ больше, чем ПТ-1777:

– первое, позиционно сильное звено в наборе цепочки 1.2 – автономинация поэта *я* (ИТ – *I*, в отличие от «нулевой» номинации ПТ-1777), ср. d_1 (ИТ, ПТ-1976) в отличие от a_5 (ПТ-1777);

– как и в ИТ, в наборе ПТ-1976 наблюдаем четыре словоупотребления *я* (1.2.д₁) (*I, те, те, I – я, меня, мне, я*), в то время как в ПТ-1777 (см. разд. 2.2.1) *я* встречается лишь однажды, и то в форме косвенного падежа *мя* (*I, 20*);

– это же соображение указывает на хиастическое расположение номинаций *я* (параметр комбинаторики) в ИТ и ПТ-1976 и абсолютное грамматическое совпадение стихотворных вариантов поэмы по данному признаку.

Снижение же эквивалентности на периферии тематического поля сближает варианты 1777 и 1976 гг.; однако, усиление это касается цепочки «приглашенного нарратора» («высшего субъекта» – *Музы* и ее модификаций) и поддерживается, в том числе квантитативно, цепочками «поэта» и «человечества» (1.2, 2.2), в отличие от стихотворного перевода 1976 г., характеризующегося через усиление цепочки «нарратора» (1.2) на фоне общего количественного снижения субъектности. Между вариантами ПТ-1777 и ПТ-1976 постулируется тем самым диалектика субъектного сближения и разносубъектного расхождения.

В блоках же героических монологов тематические единицы идентифицируются в ПТ-1976 как значительно более похожие на единицы других композиционных блоков, чем в ПТ-1777. В предыдущих разделах, целиком сосредоточившись на вторых монологах каждого из двух собеседников, мы отмечали лишь их связь друг с другом – как вопроса и ответа, реплики и ответной реплики. Имеет смысл, однако, говорить и о «вертикальной», парадигмальной (репертуарной) связи – второй монолог Сатаны неизбежно связан с его первым монологом. Такова же ситуация и со вторым монологом Вельзевула.

Сатана обращается к собеседнику в переводе 1976 г. так:

– Ты ль предо мною? О, как низко пал
Тот, кто сияньем затмевал своим
Сиянье лучезарных мириад
В небесных сферах!.. (I, 89–92)

[Мильтон 1976: 30]

Ответный монолог Вельзевула открывается словами: «О, князь! Глава порфириносных сил, / Вождь Серафимских ратей боевых...» (I, 140–141) [Там же: 31]

Сомнительность дружбы – «перлокутивный эффект» [Киселева 1998: 5] приведенного диалога – обнаруживается при чтении первых же слов обоих обращений. Перед нами два товарища по несчастью, сплоченные, но неравные в плане иерархии. Вельзевул не может не сделать собственное вступление пафосно выражающим, помимо товарищества, идею власти, каковой он подчиняется. Сатана, со ступени выше беседующий с клеветом, не причисляет себя к «помрачаемым ангелам» (действие, измеряющее степень величия Вельзевула, приписывается адресату посредством указания на количество – «мириады»⁶³). Это видно по тематической цепочке в сатанинском речении:

*ты – тот – Ø – Ø – того – который – тот – которого – мною – Ø –
мы – ты – нас – меня – я...*

Ни одного номинативного звена, которое позволило бы классифицировать выделяемое «ты» или «тот», в такой цепочке не обнаруживается. Для этого может быть только одно основание: говорящий не испытывает необходимости информировать реципиента о своем к нему отношении. Адресат настолько хорошо знаком Сатане, что весь классифицирующий компонент, референциально сопологаемый с Вельзевулом, уходит из тематической цепочки в определительный к ней компонент. Ср.:

Если это ты,
Союзом общим, замыслом одним,
Надеждой, испытаньями в боях
И пораженьем Ø связанный со мной...

⁶³ Тем самым осуществляется указание на значительное, но не бесконечное количество, что и позволяет Сатане не войти в это множество. Такова, в принципе, двойственная природа любого конечного ответа на вопрос: «Сколько?» – указание на размер и лимитация.

Нулевая номинация подразумевается в конструкции: *Если это (есть) ты, **который** (есть) связанный*» (выделенное слово вставлено нами – В. Б.). Но определительный компонент *связанный* можно мыслить и в таком прочтении: *Если это ты, **связанный** союзом общим, **связанный** замыслом одним, **связанный** надеждой, **связанный** испытаньями в боях и **связанный** пораженьем*. При каждом из выделенных определений можно мыслить и нулевую номинацию – своего рода синтаксический «дериват», прирастающий за счет второстепенного зависимого ряда (о текстовой деривации см.: [Ивасюк 1991; Алексеева С. В. 1996; Сайкова 2002 и др.]). В данной работе такие номинации «второго порядка» не учитывались, однако при включении всех этих единиц в тематическую сетку [Панчук 1985: 7] она существенно расширится. Это создает дополнительные возможности для идентификации ПТ-1976 относительно уже ПТ-1777 (что не являлось целью исследования): так, в конструкции *котораго единомыслие и единосветие со мной совокупили* [Потерянный Рай 1777: 4] – контекстуальная номинация «союзник» выражается не одним словом, но, помимо упоминания субъекта, содержится и в словах, содержащих корень «едино-» (2 единицы), и в словах с предлогом-префиксом «со-» (2 единицы). Естественно, вражда здесь оказывается отрицаемой, а акт падения и изменения (надстраиваемый, выводимый из семантики причастий и потому невключаемый в субъектную тематическую цепочку) придает союзничеству, как своего рода взаимному тяготению, некоторую стадиальность.

Тематические цепочки монологов Сатаны позволяют обнаружить между говорящими отношение дружбы, обладающее свойствами:

- контекстуального стяжения с тематической цепочкой адресата;
- противопоставления вражде к Господу («Оному», «Победителю», «Всесильному» – ряд антропонимических компонентов во второй половине монолога);
- гоноративной сопряженностью с «ты» (как противоположному «вы»).

Последнее свойство современным английским “you”, как известно, не выражается («ты» = «вы»), хотя до XVII в. для «ты» активно использовалась другая форма [Иванова 2006: 139]). Из этого следует переводческое тяготение к усилению дружеского отношения (в случае с «вы» мы бы сказали об ослаблении гоноративного сближения героев; нейтральная позиция в переводческой стратегии, по-видимому, невозможна). Та же характеристика относится к Вельзевуловому речению (где переход на «вы» не осуществляется).

Выписанная цепочка в своем продолжении содержит еще шесть ненулевых форм, производных от «я», перемежающихся с уже упомянутыми номинациями Бога (в т. ч. местоименными), после чего следует три словоупотребления «мы» («в нас», «нашу», «нам»). Обратимся к последнему из этих употреблений: «Но закалились и теперь верней / Мы вправе на победу уповать» (I, 129–130). Несовпадение семантического подлежащего со сказуемым в числе объяснимо, как кажется, тем же самоисключением Сатаны из числа тех, кто лежит поверженным после описанного падения с небес. Перед нами нечто вроде детской грамматической рассредоточенности, когда при виде ряда обобщённых объектов сказуемое при них становится множественным («Тимофеевы переехали» → «Семья Тимофеевых переехали»). Только ментально говорящий выделяет себя самого с множественной номинацией – в смысле, речение Сатаны есть как бы «обратная грамматическая диссоциация».

Во втором же монологе Вельзевула, на пространстве всего 10 ½ стихов (I, 272–282), имеются лишь две номинации адресата-Сатаны, причем одна метонимическая: «Вождь» – «глас». Предметом обсуждения служат павшие союзники Сатаны и Вельзевула. Поэтому вторая ветвь субъектной цепочки заменяется на ряд номинаций указанных лиц, как то: «воев» – «которых» – «они» – «их» – «они». Пространственно-временная характеристика может быть восстановлена как зеркало этого ряда только в случае признания нулевых номинаций в причастных оборотах (как в случае с «падший»,

«измененный» в первом монологе Сатаны). Тогда цепочка достраивается за счет характеристикаторов «возверженны», «посрамленны», «изумленны», «ниспадшие» (т. н. «мотивированных номинаций, называющих лицо по действию или состоянию в настоящем» [Гореликова 1983: 76]). Перфектная ориентация выписанных единиц определяет и пространственную иммобильность союзников вплоть до момента сатанинского к ним обращения (I, 315–330).

По самой же категории хронотопа идентифицируется стабильно высокий процент отклонений по усредненной эквивалентности ПТ-1976 от ИТ в целом подчиняется следующему принципу: чем меньше число репрезентаций категории (сохраненных в переводе соответствий), тем больше доля числа отклонений от общего количества – отклонений, даже сходных с ПТ-1777, а значит, тем ниже процент совпадений, т. е. процент эквивалентности. Этот же принцип применим, например, к тематическим цепочкам с единичной репрезентацией. Ср. цепочку Сатаны в монологе Вельзевула (композиционный блок IXб, разд. 2.4):

в'4 (ИТ)

д5 (ПТ-1976)

Единичное проявление я Сатаны (в отличие от 19 звеньев 1.3 в первом монологе) позволяет прокомментировать трансформацию в переводе 1976 г., делающую его полностью неэквивалентным по данной цепочке двум другим вариантам:

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
...if ^{1.3.в'4} I fail not, and disturb His inmost counsels...	если ^{1.3.в'4} я не погрѣшаю, и разстроить сокровеннѣйшіе его умыслы...	^{1.3.д5} <u>Q</u> верю, что не раз Мы волю сокровенную Его Собьем с пути...
(I, 167–168)	(I, 187–188)	(I, 179–181)

Синтаксически равно слабая позиция *я* в ПТ-1777 и ИТ (в середине вставной конструкции) отличается от сильной позиции «нулевой» номинации в ПТ-1976 – сильной, если мыслить «нуль» в начале (*верю* = «я верю») либо в конце (*верю* = «верю я») синтагмы. Этот факт делает цепочку 1.3 для ПТ-1777 100%-но эквивалентной ИТ по всем трем параметрам набора, комбинаторики, размещения, а для ПТ-1976 абсолютно неэквивалентной (0%) ИТ.

Впрочем, по параметрам комбинаторики и размещения прозаический ПТ-1777 идентифицируется как количественно более эквивалентный, чем стихотворный ПТ-1976 (соответственно, 53,57% и 47,62% по комбинаторике, 64,29% и 61,9% по размещению), что в усредненной эквивалентности сохраняет по цепочке 1.4 количественно большее значение всё же за ПТ-1777:

	Набор	Комбинаторика	Размещение	Усредн.
ПТ-1777	57,14%	53,57%	64,29%	58,33%
ПТ-1976	61,9%	47,62%	61,9%	57,14%

Наиболее значительную разницу, как показывает таблица, между вариантами цепочки 1.4 позволяет идентифицировать параметр комбинаторики. В ПТ-1777 отмечается хотя бы один участок с относительно стабильной комбинаторной передачей оригинала (звенья с четвертого по седьмое от начала, ср. абсолютное совпадение не только на отрезке ... – e'_4 – e'_4 – z_5 – z_5 – ..., но и на ближайших соседях этого отрезка (e'_4 – удивительным образом совпадающие звенья № 3 и № 8 как в русском, так и в английском варианте цепочки). В ПТ-1976 столь стабильного участка, получающего комбинаторную индексацию в виде четырех «единиц» подряд, не обнаруживается.

Оговоримся, что в редких случаях комбинаторные отклонения имеют грамматическое (синтаксическое) обоснование, т. е. обоснование, связанное с

языковым, а не текстовым строем. Так, конструкция “Let us + инфинитив” (букв. «давайте нам делать что-н.»), по смыслу наиболее близкая русской оптативной «*давайте* + инфинитив», теряет при переводе формально выраженное местоимение, скорее, в связи с традицией употребления, нежели по воле переводчика. Оба случая ее использования переданы в переводных вариантах формой императива 1 л. мн. ч. либо безличным сказуемым:

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
Let ^{1.4.e'4} us not slip the occasion... (I, 178)	да ^{1.4.35} Ø вознебрежемь случаѣ... (I, 198)	не Упустить ^{1.4.35} Ø нельзя о Счастливую возможность... (I, 191 – 192)
Thither let ^{1.4.e'4} us tend... (I, 183)	да ^{1.4.35} Ø простремся на оную... (I, 205 – 206)	Тут ^{1.4.35} Ø найдем Убежище... (I, 205 – 206)

Однако доля двух случаев от суммарных 23 не превышает 8,7%, т. е. в пределах отклонения от оригинала более чем на 40% (100% – 58,33%) на долю собственно грамматических отклонений приходится, по-видимому, не более ¼.

What reinforcement ^{1.4.e'4}we may gain from hope,
If not what resolution ^{1.4.35}Ø from despair.

(I, 190–191)

ПТ-1976 содержит «нули» в обеих этих позициях – факт, объяснимый ритмическим следованием оригиналу, однако приведший к появлению параллелизма, отсутствующего в ИТ (*В надежде – силу или, наконец, / В отчаянье – решимость почерпнуть!*, I, 203–204).

По категории хронотопа ПТ-1976 также менее эквивалентен ИТ, ср. УЭ лишь 65,97%). Однако, как и в случае с темой, наблюдаются отдельные случаи совпадений, вариантно более близкие ИТ, чем ПТ-1777. Так, в ПТ-1976 оказалась усилена пространственность объекта *Seat* (ср. *жилище* в пер. 1777, *Рай* в пер. 1976 г.). Данной единицей определяется различие эквивалентности набора ПТ-1777 относительно ИТ и ПТ-1976: *Seat* – *Рай*

соотносится с группой 1.1 ядра «геокомпонентов»; *жилище* же – с 1.2, т. е. приядерными «пространственными» объектами.

В сохранении соответствия *seat* → *жилище* во втором монологе Сатаны видно уже парадигматическое подтверждение переводческой замены (ср. с референцией «Рай», I, 4 – см. выше), где переводчик В. П. Петров (1777 г.) проявляет бóльшую стабильность по сравнению с Арк. Штейнбергом (1976, не совпадающие варианты, скорее обусловленные в каждом случае контекстом – *Рай, обитель*).

Пространственность, доминанта локативности над темпоральностью обретается в рассматриваемых композиционных блоках лишь в части второй заключительной, монолога Сатаны, – в призыве собраться на *равнине*, «*жилище* отчаянных думъ непричастное свѣта» (I, 202–203), ср. англ. *plain* и *seat*, в варианте ПТ-1976 – *край* и *обитель*.

Идентифицируя ПТ-1976 на фоне ПТ-1777 как в целом менее точно передающий набор хронотопических номинаций (ср. локативность: 12 из 18 у варианта 1976 г. и 17 из 18 у варианта 1777 г.), укажем на любопытный факт превышения набора репрезентаций темпоральности в ПТ-1777 (10 вместо 9) при сохранении (9 из 9) набора в ПТ-1976. Переводчик 1777 г. вносит добавление в сильной позиции конца блока *избыть **настоящія** строгія напасти* (ср. англ. *overcome **this** dire calamity*, букв. *эту*), чего нет в ПТ-1976. Категория времени оказывается – по крайней мере, к концу монолога, – по-видимому, более важной, доминирующей над категорией пространства: тематический градационный ряд *наградить* (*урон* – план прошлого), *избыть* (***настоящія** строгія напасти*), *подкрепленіе получить* (*от надежды* в будущем, см. выше) выстраивается по временному основанию.

В темпоральной организации исследуемых композиционных блоков наблюдается характерное снижение признаковости (снижение временных признаков, условно обозначенных нами как 2.1, принадлежащих ближайшей периферии ТК времени). Так, во вступлении к ПТ-1976 *полет* передан

глаголом *взлететь*, действие синтаксического (наречного) атрибута при себе не имеет, в отличие от англ. *adventurous song* и рус. *необычайнымъ полетом* (ПТ-1777). Вариант 1976 г. не отличается хронологически маркированной лексикой: *till* (ИТ) – *дондеже* (ПТ-1777), а в ПТ-1976 *до поры, когда*; *unattempted yet* (ИТ) – *неприкосновенныя понынѣ* (ПТ-1777), а в ПТ-1976 *нетронутым* (без наречного ограничителя).

Следствие указанного явления – значительно большая выраженность видо-временной оппозиции перфект – имперфект в ПТ-1976. Сохраняющейся оппозицией «настоящее – прошлое», напомним, в монологах героев очерчивается следующая картина: в прошлом был план славы («одеян лучезарностию», «помрачал <...> ангелов» – именные единицы подчинены глагольным формам), предшествовавший плану падения (левая сторона оппозиции). В распределении прошедших времен мы, однако, не найдем плюсквамперфекта: и в оригинальном тексте Дж. Мильтона есть лишь “didst outshine” (пер. 1777 г. – «помрачал») – имперфект (Past Simple) с экспрессивным (аналитическим) маркированием прошедшего времени. К имперфекту примыкает то самое «одеян» – “clothed”, по значению «окутываемый», а не «окутанный» (можно принять за стяжение формы “being clothed” – «окутываемый», малоупотребительной в разговорной речи). Близкое по семантике формы, «одеян» явно противопоставляется лексемам «падший», «измененный», очевидным перфектным причастиям (ср. “fall’n”, “changed”, I, 84). «Одеян» соотнесено с субъектом «помрачения» в аспекте процессуальности (состояние в пределах характеристики), в то время как «измененный» – это страдательный в буквальном смысле компонент цепочки, а «падший» – вытекающее из него следствие «страдания». Эти-то компоненты и делают, по сути, субъекта объектом. Пребывание деятелем завершается переходом в объект, на который действует другой (а именно Господь-Победитель). Результат этого перехода и сообщается перфектом; из двух альтернатив: субъектной и объектной – нетрудно выбрать ту, весьма плачевную, которая соотносится с говорящим в момент начала говорения.

Таким образом, имперфектно-перфектное противопоставление лишает выявленную цепочку грамматической презентности – а следовательно, и возможности оппозициональной номинации. Нелишним здесь будет вспомнить, что перфект, «указывая на достигнутый к настоящему времени результат» [Соболевский 1948: 200], стоит ближе других прошедших времен к настоящему. Так, например, в древнегреческом языке (в отличие от латыни) перфект, наряду с настоящим и будущим временем, относится к главным временам – в противовес так называемым «историческим»: *imperfectum, plusquamperfectum, aoristus* [Доровских 1984: 40].

Тональность всех трех идентифицируемых композиционных блоков определяется, как и тональность художественного текста в целом, отношением, эмоциональной оценкой автора предметов описания (субъектов, событий). Поэтому при идентификации тональности следует, прежде всего, указать на строение предложения, открывающего всю Песнь первую (а значит, всю поэму). Несмотря на большую содержательную эквивалентность ПТ-1777, в синтаксическом строении ПТ-1976 идентифицируется как более близкий ИТ: обращение к Музе (*что?*), (*что?*), (*что?*) *воспой*, т. е. сильную позицию начала предметного описания, в ИТ и ПТ-1976 «съедает» предлог *of* управления глагола *петь* (*sing*): *О* (чем?) ..., *о* (чем?) ..., *о* (чем?) ... *пой, муза горняя*.

Рассматривая ТК тональности в блоке вступления, отметим, что сопоставительно-категориальный анализ идентифицирует в ПТ-1976 трансформацию обеих репрезентаций категориального ядра (напомним, это *woe*, I, 3 и *delight*, I, 11, см. разд. 2.2.3):

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
...whose mortal taste	...котораго тлетворное вкусеніе внесло смерть	...что смерть принёс

Brought death into the World, and all our <i>woe</i> ...	во мѣрь, и всѣ наши <i>бѣдствія</i> ...	И все <i>невзгоды</i> наши в этот мир...
(I, 2–3)	(I, 2–4)	(I, 2–3)

(Случай не только морфологической трансформации-замены числа, но и лексической замена, ср.: *woe* – ‘a feeling of sadness’ = «чувство грусти, горечи» [MED 2007: 1717], в отличие от *бедствие* – ‘большое несчастье’ [ТСРЯ 2008: 45]; *невзгода* – ‘тяжелое переживание, несчастье’ [ТСРЯ 2008: 331], сема ‘эмоции’, ‘эмоционального ощущения’, категориальная у английской лексемы, в русских вариантах замещается семой ‘события’, см. тематическую цепочку 2.1.)

ИТ	ПТ-1777	ПТ-1976
or, if Sion hill <i>Delight</i> thee more...	или, естъли паче <i>угодень</i> тебѣ Сїонскій холмь...	когда тебе <i>милей</i> Сионский холм...
(I, 10–11)	(I, 10–11)	(I, 12–13)

(Морфологическая трансформация – замена глагола прилагательными – аналогично повлекла за собой вытеснение семы ‘эмоции’ с позиции категориальной в обоих русских переводах. Ср.: *delight* (рус. «восхищать») – ‘to give someone a lot of enjoyment and pleasure’ = «давать кому-л. много наслаждения, удовольствия», как сущ. – само чувство, ощущение ‘enjoyment and pleasure’ [MED 2007: 390]; в отличие от *угодный* – ‘соответствующей чьей-л. воле’ [ТСРЯ 2008: 659], *милый* – ‘славный, привлекательный, приятный’ [ТСРЯ 2008: 294]. При рассмотрении обеих этих единиц нельзя не заметить, однако, попыток переводчика 1976 г. (Арк. Штейнберга) всё же сохранить ‘эмоцию’ в категориальной позиции. На это указывает и ‘переживание’ в трактовке невзгоды, и вариант «привлекательный», т. е. ‘такой, который привлекает, вызывает чувство расположения к себе’ [ТСРЯ 2008: 476], как один из синонимов *милый*. Данный факт можно

интерпретировать как «объективацию повествования» в ПТ-1777, где таких попыток – по крайней мере, применительно к этим двум репрезентациям – не отмечается; «объективация» эта поддерживает общее снижение выраженности субъекта в тематических цепочках, отмеченное выше.

На фоне ПТ-1976 вариант 1777 г. в этом смысле выглядит как более эквивалентный по категории тональности: даже соответствие *священный – блаженный* (то же логическое развитие *secret*) не компенсирует ряда потерь в зоне периферии (не переданы уже 4 репрезентации категории тональности, вдвое больше, чем в ПТ-1777).

Таким образом, осознание творимого произведения как «безусловно высокого» передается в текстовых вариантах ИТ – ПТ-1777 – ПТ-1976 в основном совпадающими речевыми средствами. Ср. зону ближайшей периферии ТК тональности: *upright – правое – [опущено]*, однако *pure – чистое – чистые; low – niskiy – бренное*; зону дальнейшей периферии, важнейших событий поэмы: *restore – возставивъ – восставил; regain – возвратиль – вернул*. Но автор каждой текстовой разновидности предлагает и свои собственные варианты экспликации «высокой» тональности:

– вариант 1777 г. – расширение поля с соответствующей оценкой, в т. ч. путем архаизации (*паче, дерзновенной*), при сохранении и некотором снижении «низкой» самооценки Поэта, от лица которого пишет (см. сноску страницей выше), что согласуется с общей тенденцией к снижению репрезентированности субъекта в ПТ-1777 (относительно ИТ);

– вариант 1976 г. – естественное снижение репрезентаций (как и во всех других категориях, происходящее на фоне сохранения общей стиховой формы), несмотря на это – значительное сохранение общего эмотивного фона за счет попыток компенсации английских репрезентаций ядра тональности (эмотивные семы в *woe, delight*) и за счет возвышения, архаизации лексики (*брренное, всеведенье* – для последнего ср. архаич. англ. *knowst* ‘ты знаешь’).

Приведенные в связи с ПТ-1976 умозаключения отличаются, конечно, значительной обзорностью, конспективностью по сравнению с проведенным

сопоставительно-категориальным анализом ПТ-1777, давшим более глубокие результаты. Факт большей доступности перевода Арк. Штейнберга, однако, заставляет предполагать увеличение сопоставительных изысканий в сфере мильтонистики (на фоне уже отмечавшегося общего подъема таких изысканий в переводоведении 2010-х гг. [см.: Пичхадзе 2011; Голованова 2012; Савушкина 2013; Гуреева 2014; Платова 2014 и др.]). Будущим исследователям и должны послужить эти умозаключения.

На фоне некоторой качественно-интерпретативной сжатости, к которой исследователя вынуждают рамки диссертационного исследования и из-за которой анализ одного из переводных вариантов мог бы казаться неравноценным анализу другого, выступают количественные данные по всем текстовым категориям для обоих переводов (Приложения Б, В, Г). Представляется уместным завершить наши наблюдения сводной Табл. 13, в которой результирующая усредненная эквивалентность послужит решающим фактором сопоставительно-категориального анализа переводов В. П. Петрова (1777 г.) и Арк. Штейнберга (1976 г.):

Таблица 13

**Усредненные величины эквивалентности переводных вариантов
«Потерянного Рая» по всем текстовым категориям в композиционных
блоках вступления; монолога Сатаны; монолога Вельзевула (в %) ⁶⁴**

	ТК темы (по тематическим цепочкам)						ТК хронотопа		ТК тона- льности	Резуль- тир. УЭ по всем ТК	
	1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	2.1	2.2	Простр.			Время
ПТ-1777	81,88	65,15	–	–	–	90,48	62,50	82,76	80,56	68,25	73,86
	54,55	–	100	58,33	87,50	–	–	68,52	65,00	74,56	
	66,67	–	100	71,79	–	–	–	69,05	57,41	72,22	
ПТ-1976	74,56	45,45	–	–	–	80,56	36,11	65,97	61,11	38,54	51,44
	41,67	–	33,33	57,14	100	–	–	40,00	24,07	49,46	
	66,67	–	33,33	45,24	–	–	–	58,33	29,17	48,15	

⁶⁴ Числа в каждой ячейке расположены соответственно этому порядку следования композиционных блоков: верхнее – для блока вступления (I), среднее – для блока второго монолога Сатаны (VIб), нижнее – для блока второго монолога Вельзевула (IXб). Отсутствие сигналов тематической цепочке обозначено прочерком (–).

Выводы

1. Структурно-содержательный анализ текста приводит к определению его композиционных частей, блоков, фрагментов. С учетом их объема, содержательной значимости, размещения в тексте осуществляется отбор сильных композиционных участков текста для детального категориального сопоставления. Анализ таких участков позволил зафиксировать композиционное тождество сопоставляемых текстов-вариантов.

2. Идентификация темы вариантов художественного текста связана с различием субъектного и предметного типа тем. Сопоставление речевых реализаций той и другой разновидности темы свидетельствует о степени эквивалентности перевода (коэффициенте эквивалентности) и позволяет выделить участки тематических цепочек, связанные с качественными сдвигами семантики при переводе.

3. Идентификация хронотопа анализируемых текстов демонстрирует некоторые расхождения вариантов (не только в области отбора речевых сигналов, но и комбинаторные, и разместительные). Вероятно, в этом явлении отражается вспомогательный характер хронотопа относительно опорных категорий композиции и темы текста.

4. Идентификация тональности позволила более определенно судить о качественной стороне перевода, с двумя различающимися ориентирами: на эквивалентность как смысловое тождество (доминирует в ПТ-1777, что подтверждается полученными количественными данными: усредненная эквивалентность по всем композиционным блокам 73,86% и 51,44% соответственно) и эквиметричность как сохранение формальной близости вариантов (доминирует в ПТ-1976).

5. Вывод об эквивалентности вариантов объемного текста не может быть сделан на основе анализа одной композиционной части. Необходим однотипный анализ нескольких «сильных» композиционных частей текста и сверка полученных результатов. Проведенная автором диссертации многократная идентификация показала общность категориально-текстовых

решений в анализируемом тексте и представляется достаточной для общих выводов об эквивалентности текстовых вариантов.

6. При наличии группы переводов одного текста попарная идентификация переводного текста относительно оригинального дополняется идентификацией переводных вариантов относительно друг друга. По совокупности параллельно идентифицируемых отклонений можно судить о творческой манере каждого переводчика.

7. В целом продемонстрирована эвристичность модели СКАТ, намечена поэтапная методика сопоставительно-категориального анализа, выявлены некоторые причины аналитических затруднений при сопоставлении вариантов текста.

Заключение

Признание текста объектом современной лингвистики в числе других следствий ведет к экспансивному взаимодействию лингвистики текста с другими научными дисциплинами. Замысел данной работы связан с приложением одной из текстотипологических концепций (категориально-текстовой) к группе разноязычных текстов, составленной из русских переводов и английского оригинала. Таким образом, исследование предпринято на стыке лингвистики текста и теории перевода.

Каждое речевое произведение, входящее в обозначенную группу, признаётся текстовым вариантом другого или других, а целью исследования является установление функционально-смысловых соотношений всех текстовых вариантов в процессе их идентификации, или, в терминах теории переводоведения, – определение *эквивалентности* русских переводов английскому текстовому оригиналу, а также русских переводных вариантов между собой. Разноязычность наблюдаемых текстовых вариантов определяет сопоставительный характер всех наблюдений и выводов.

В настоящей работе текст понимается как система категорий, то есть знаковых образований композитивного типа, каждое из которых воплощает в себе один из содержательно необходимых компонентов целого речевого произведения и неразрывно связан с другими подобными. Вследствие этого выравнено соотношение анализируемых единиц объекта и целого объекта: текстовая категория как единица анализа и наблюдаемый конкретный объект сопоставления многоэлементна и композитивна, следовательно, подобна целому тексту. Термин «эквивалентность», весьма удобный в силу того, что не предполагает недостижимого при переводе абсолютного тождества текстовых вариантов, выводится тем самым за пределы уровневой системы языка и ставится в контекст собственно текстовой системности.

Идентификация оригинального и переводного текстов на базе категориально-текстового подхода позволяет перевести проблему эквивалентности с контекстного на собственно текстовой уровень, что

предполагает сопоставление не отдельных речевых сигналов, а композиций речевых средств, воплощающих определенную часть авторского замысла, – текстовых категорий.

Состав текстовых категорий, пригодных для идентификации текстов, определен в ориентации на средний уровень абстракции. Аналитический минимум составили категории темы, композиции, хронотопа и тональности, обязательные для любого текста и реализуемые непосредственно организованным множеством речевых средств.

В диссертации проведена категориально-текстовая идентификация вербальной реализации данных категорий, что позволило автору выдвинуть модель сопоставительно-категориального анализа текстов (СКАТ). В соответствии с этой моделью, три содержательные текстовые категории (тема, хронотоп, тональность) характеризуются на базе структурной категории композиции. Внедрение данной модели предполагает предварительный композиционный анализ текста, а затем, с его учётом, детальный анализ содержательных текстовых категорий на объеме целого текста или выборки его репрезентативных композиционных частей.

Процедура реализации модели СКАТ потребовала проведения количественных расчетов, связанных с параметрами набора, комбинаторики, размещения сигналов каждой из трех категорий аналитического минимума. В каждом взаимно соответствующем композиционном блоке путем кодирования была получена линия (цепочка) репрезентаций, после чего осуществлялось количественное сопоставление и качественная интерпретация взаимно соответствующих кодовых записей темы, хронотопа, тональности. Трехступенчатое вычисление эквивалентности по каждому из параметров позволяло в каждом случае определить усредненную эквивалентность по данной текстовой категории. Результирующее усреднение по всем категориям аналитического минимума позволило количественно подтвердить ориентированность «Потерянного Рая» в переводе В. П. Петрова (1777 г.), на содержательную эквивалентность

(примерно 73,86% совпадений с оригиналом Дж. Мильтона), тогда как перевод Арк. Штейнберга (1976 г.) ориентирован на эквиметричность, следование формальной составляющей (при содержательном совпадении с исходными категориальными сигналами лишь на 51,44%).

Как апробация аналитической модели на буколическом тексте, так и применение СКАТ к объемному тексту поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» привели к единообразным выводам обобщающего характера. Перевод не искажает композиционной структуры исходного текста, композиция которого жестко воспроизводится в переводах. Наиболее устойчивой после композиции текстовой категорией оказывается тема (усредненная эквивалентность по ней на порядок выше, чем эквивалентность хронотопа и тональности). Итак, категории, не имеющие прямого языкового соответствия (композиция, тема), более устойчивы в переводе, чем категории, имеющие такое соответствие (хронотоп, тональность).

Было обнаружено, что прозаический перевод поэмы «Потерянный Рай» 1777 г., не преследовавший цель сохранения формы исходного белого стиха, в абсолютном большинстве случаев идентифицируется как содержательно более эквивалентный оригиналу, чем написанный белым стихом переводной вариант 1976 г. Количественные данные подтвердили стабильно бóльшую устойчивость темы, хронотопа, тональности в ПТ-1777 относительно ПТ-1976, что позволило идентифицировать первый как вариант эквивалентный, второй – как вариант эквиметрический.

В целом идентификация русскоязычных вариантов относительно английского исходного текста свидетельствует о высокой степени сохранности категориально-текстовых решений оригинала в переводных текстах. Вербальное варьирование присутствует, однако оно осуществляется в рамках текстовой категории и с соблюдением заданном оригиналом вербальной модели реализации. Предложенный подход позволяет судить о характере соответствия разных переводных вариантов оригиналу:

содержательном (собственно эквивалентность) и/или формальном (эквиметричность текстовых вариантов).

Полученные результаты подтвердили выдвинутую во введении гипотезу о возможности использования текстовой категории (и набора текстовых категорий) в качестве идентификатора одноязычных и разноязычных вариантов художественного текста.

Применение интерпретационной модели СКАТ позволяет не только объективно оценить степень (установить коэффициент) эквивалентности, но и выявить характер креативных отклонений переводного варианта от исходного текста.

Перспективой работы является применение выдвинутой в настоящем исследовании модели СКАТ к более обширному набору переводных вариантов (только поэма «Потерянный Рай» переводилась на русский язык более 10 раз); расширение модели за счет вовлечения в нее других текстовых категорий; идентификация на основе данной модели иных, например учебных, текстов с целью оценки качества перевода и т. д. Предпринятое исследование показывает, что теоретические и методологические результаты, полученные в ходе анализа вариантов текста, могут составить основу дальнейшего применения сопоставительно-категориального анализа.

Список использованных сокращений⁶⁵

- АОТ – автоматическая обработка текста
- ИИ – индекс идентификации
- ИТ – исходный текст (текст оригинала). Применительно к поэме “Paradise Lost” – изд. [Milton 1730]
- ЛЕ – лексическая единица
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [1990]
- МАС – Словарь русского языка [1981–1984]
- ПТ – переведенный текст (текст перевода)
- ПТ-1777 – изд. [Потерянный Рай 1777]
- ПТ-1976 – изд. [Мильтон 1976]
- РПТ-1 – изд. [Марло 1977]
- РПТ-2 – изд. [Марло 1981]
- СКАТ – сопоставительный категориальный анализ текстов
- Сл. XVIII – Словарь русского языка XVIII века [1984–2013]
- СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка [2003]
- ТК – текстовая категория
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка [2008]
- УЭ – усредненная эквивалентность
- ФСС – Философский словарь Владимира Соловьева [2000]
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь [1983]
- ХТ – художественный текст
- ЯК – языковая категория
- MED – Macmillan English Dictionary [2011]
- OED – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English [2010]
- OEED – The Oxford Dictionary of English Etymology [1966 ; 2004]

⁶⁵ Сокращения источников приведены также в списке использованной литературы, раздел «Источники», сокращения словарей – там же, в разделе «Словари».

Список таблиц и диаграмм (с указанием страниц диссертации)

Табл. 1. Соотносимость типологий маркеров тональности по А. Г. Баранову и В. И. Шаховскому	65
Табл. 2. Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1 в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана»	71
Табл. 3. Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1 в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана» с числовой индексацией набора	72
Табл. 4. Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1 в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана» с числовой индексацией комбинаторики	73
Табл. 5. Взаимное соответствие звеньев тематической цепочки 1.1 в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана» с числовой индексацией размещения	75
Табл. 6. Трехаспектное взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1) в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана»	76
Табл. 7. Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском и английском вариантах «Поэмы Оссиана»: аспекты набора, комбинаторики, размещения	77
Табл. 8. Усредненные показатели эквивалентности тематических цепочек в вариантах В. Рогова и И. Жданова (согласно приложению А)	85
Табл. 9. Идентификация русских переводов элегии К. Марло относительно ИТ на основании параметров категории темпоральности	90
Табл. 10. Контекстно-вариативное членение Песни первой «Потерянного Рая» (по строкам трех исследуемых текстовых вариантов)	109–110

Табл. 11. Контекстно-вариативное членение Песни первой «Потерянного Рая» (по количеству строк трех исследуемых текстовых вариантов)	111–112
Табл. 12. Композиционные части Песни первой «Потерянного Рая» и составляющие их блоки	114
Диаграмма «Объемное соотношение первого и последнего блоков со всей композиционной рамкой Песни первой поэмы Дж. Мильтона "Потерянный Рай"»	115
Табл. 13. Усредненные величины эквивалентности переводных вариантов «Потерянного Рая» по всем текстовым категориям в композиционных блоках вступления; монолог Сатаны; монолог Вельзевула (в %)	118

Список использованной литературы

Источники

1. РПТ-1 – Марло К. Влюбленный пастух – своей возлюбленной / пер. В. Рогова // Европейская поэзия XVII века. – Москва : Художественная литература, 1977. [Библиотека Всемирной Литературы. Сер. 1.] – С. 501.
2. РПТ-2 – Марло К. Страстный пастух – своей возлюбленной / пер. И. Жданова // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX вв.) : Сб. На англ. и рус. яз. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 73.
3. ПТ-1777 – Потерянный Рай: поэма *Иоанна Мильтона* / Переведено с аглинскаго [В. Петровымъ]. – Санктъ-Петербургъ : при Императорской Академіи Наукъ, 1777. – 107 с. – Архивный источник : Отдел редкой книги РНБ, шифр 18.153.2.304.
4. ПТ-1976 – Мильтон Дж. Потерянный Рай / пер. с англ. Арк. Штейнберга, под ред. С. Шервинского // Мильтон Дж. Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец / вступ. ст. А. Аникста, примеч. И. Одаховской. – Москва : Художественная литература, 1976. – С. 25–372.
5. Милтон Дж. Псалом 81 / пер. Т. Ю. Стамовой // Милтон Дж. Потерянный Рай. Возвращенный Рай. Другие поэтические произведения / Отв. ред. А. Н. Горбунов. – Москва : Наука, 2006. – С. 568–569. – (Сер. Литературные памятники.)
6. Потерянный Рай. Поэма Иоанна Мильтона: новый переводъ съ англійскаго подлинника / [пер. не указ.]. – Изданіе четвертое. – Москва : Въ типографіи Алексѣя Евреинова, 1843. – С. 1–39.
7. Потерянный Рай и Возвращенный Рай: Поэмы Джона Мильтона съ 50 картинами Густава Дорэ / Переводъ съ англійскаго А. Шульговской. – Санкт-Петербург : Изданіе А. Ф. Маркса, 1895. – С. 1–20.
8. Потерянный Рай. Возвращенный Рай. Поэмы Иоанна Мильтона / [пер. не указ.]. – Москва : Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ, 1901. – С. 1–32.

9. Marlowe K. *The Passionate Shepherd – to His Love* // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX вв.). На англ. и рус. яз. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 72.

10. ИТ – *Paradise Lost. A poem, in twelve books. The author John Milton. The Fourteenth edition. To which is prefix'd, An Account of his Life* [Электронный ресурс]. – L. : Printed for Jacob Tonson in the *Strand*, MDCCXXX = 1730. – 350, [xxxvi] pp. – Архивный источник. – Режим доступа : <http://books.googleusercontent.com/books/content> (дата обращения: 04.01.2015).

11. Milton J. *Paradise Lost* / John Milton // Milton J. *The English Poems* / John Milton ; [Oxford University]. – Oxford University Press, 2004. – 601, [1] pp.

Словари

12. Англо-русский словарь / сост. В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. Ок. 34 000 слов. Изд. 6-е, стер. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1964. – 988 с.

13. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – Москва : Рус. яз. – Медиа ; Дрофа, 2008. – XVI, 1160, [8] с.

14. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 710 с.

15. МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз.; гл. ред. А. П. Евгеньева. – Москва : Рус. яз., 1981–1984.

16. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта-Наука, 2003. – 432 с.

17. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562, [1] с.

18. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – Москва : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 946 с.

19. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. докт. филол. наук, проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. –

Москва : ООО «Изд-во "Мир и образование"» ; ООО «Изд-во Астрель» ;
ООО «Изд-во Оникс», 2012. – 736 с.

20. Сл. XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 1984– 2013. – Вып. 1–13 / гл. ред. Ю. С. Сорокин ; Вып. 14–19 / гл. ред. З. М. Петрова ; Вып. 20 / гл. ред. З. М. Петрова, А. А. Алексеев.

21. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

22. ФСС – Философский словарь Владимира Соловьева / сост. Г. В. Беляев. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс», 2000. – 464 с.

23. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Советская энцикл., 1983. – 840 с.

24. MED – Macmillan English Dictionary. For Advanced Learners / [Editor-in-Chief M. Rundell, Ass. Editor G. Fox, Ed. Team S. de Cock, G. Gilquin, S. Granger et al.]. – 2-nd ed. – Oxford – L. : A&C Black Publishers Ltd. ; Macmillan Publishers Ltd., 2011. – xii, 1748, p.

25. OED – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby ; [Ed. J. Turnbull, D. Lea et al.]. – 8th ed. – Oxford University Press, 2010. – xii, 1796, [144] p.

26. OEED – The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by S. T. Onions ; with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. – Oxford : At the Clarendon Press, [1966 ; 2004]. – xiv, 1025 p.

Научные издания

27. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. – 399, [4] с.

28. Аверьянов А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме / А. Н. Аверьянов. – Москва : Мысль, 1974. – 68 с.
29. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ / Л. Я. Аверьянов. – Москва : КноРус, 2009. – 451 с.
30. Айзикова И. А. «Путешествие» среди прозаических переводов В. А. Жуковского / И. А. Айзикова // Проблемы метода и жанра: Сб. ст. Вып. 14 / Отв. ред. Ф. З. Кавунова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. – С. 43–62.
31. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура / К. Аймермахер. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1998. – 260 с.
32. Акишина А. А. Структура целого текста : Вып. 1 / А. А. Акишина. – Москва : Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС им. Н. М. Шверника, 1979а. – 88 с.
33. Акишина А. А. Структура целого текста : Вып. 2 / А. А. Акишина. – Москва : Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС им. Н. М. Шверника, 1979б. – 81 с.
34. Алексеева И. С. Переводческий стиль Каролины Павловой / И. С. Алексеева // Вестник Ленингр. ун-та. Вып. 2, История. Язык. Литература. – 1981. – № 8. – С. 55–59.
35. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 348, [4] с.
36. Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности / Л. М. Алексеева // Стереотипность и творчество в тексте : Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Перм. ун-т, 2000. – С. 64–83.
37. Алексеева Л. М. Текст перевода и «текст переводчика» / Л. М. Алексеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011а. – Вып. 2 (14). – С. 44–52.

38. Алексеева Л. М. Существует ли поэтический перевод? / Л. М. Алексеева, Н. В. Шутемова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011б. – Вып. 3 (15). – С. 87–93.
39. Алексеева С. В. Деривация текста и сбои в его образовании : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Алексеева ; Перм. гос. ун-т. – Пермь : [б. и.], 1996. – 20 с.
40. Алимов В. В. Художественный перевод. Практический курс перевода : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Алимов, Ю. В. Артемьева. – Москва : Изд. центр «Академия», 2010. – 256 с.
41. Аникст А. Джон Мильтон / А. Аникст // Мильтон Дж. Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец / вступ. ст. А. Аникста, примеч. И. Одаховской. – Москва : Художественная литература, 1976. – С. 5–24.
42. Аржанов А. П. Становление субъектности в русской прозе XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. П. Аржанов ; Самар. гос. ун-т. – Самара : [б. и.], 2008. – 16 с.
43. Аристотель. Сочинения : В 4 т. Т. 4 / Аристотель ; Ред. тома, авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. – Москва : Мысль, 1984. – 830 с.
44. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.
45. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – Москва : Просвещение, 1990. – 300 с.
46. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.
47. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
48. Арутюнова Н. Д. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1983. – 368 с.

49. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 339 с.
50. Асташова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Асташова ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 23 с.
51. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182, [2] с.
52. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, И. Е. Васильев. – М. : Флинта – Наука, 2000. – 464 с.
53. Багно В. Е. К проблеме адекватности перевода (на материале русских версий сонета Ж.-М. де Эредиа «Бегство кентавров») / В. Е. Багно // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 3. – С. 235–245.
54. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 269, [1] с.
55. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1955. – 416 с.
56. Баранов А. Г. Текст в функционально-прагматической парадигме : Учеб. пособие / А. Г. Баранов. – Краснодар : изд-во Кубан. гос. ун-та, 1988. – 91 с.
57. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1993. – 182 с.
58. Баранов А. Г. Динамические тенденции в исследовании текста / А. Г. Баранов // Stylistyka-IV. – Opole : Polish Academy of Sciences ; Opole University, 1995. – С. 54–69.
59. Барецкая А. Е. Модальность в системе текстовых категорий в памятниках древнерусской письменности / А. Е. Барецкая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С. 34–39.

60. Барт Р. Текстовый анализ / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. – Москва : Прогресс, 1980. – С. 307–312.
61. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика : [уч. записки. Вып. 6] / под ред. докт. филол. наук, проф. Л. С. Бархударова. – Москва : Изд-во «Международные отношения», 1969. – С. 3–12.
62. Бархударов Л. С. Текст как единица языка и единица перевода / Л. С. Бархударов // Лингвистика текста. Материалы научной конференции : В 2 ч. – Москва : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. – Ч. 1. – С. 40–41.
63. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – Москва : ИМО, 1975. – 240 с.
64. Бархударов Л. С. Контекстуальное значение слова и перевод / Л. С. Бархударов // Контекстная семантизация лингвистических единиц : Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. И. Канонич. – Москва : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1984. – Вып. 238. – С. 3–17.
65. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 505 с.
66. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 426 с.
67. Бедрина И. С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах / И. С. Бедрина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юр. академии, 1995. – 185 с.
68. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 5, Статьи и рецензии, 1841–1844 / В. Г. Белинский ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 7–67.
69. Беллерт М. Об одном условии связности текста / М. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общ.

ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 172–207.

70. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 121, [2] с.

71. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1974. – 447 с.

72. Березович Е. Л. Методы системной семантической реконструкции и дистрибутивного анализа в ономастике / Е. Л. Березович // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: Тез. докл. и сообщ. всерос. науч. лингв. конф., Екатеринбург, 13–17 ноября 1995 г. / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. О. Б. Акимова. – Екатеринбург : [б. и.], 1995. – С. 6–7.

73. Битенская Г. В. Художественная проза о войне как сверхтекст: категория пространства : дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Битенская ; Урал. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 1993. – 148 с.

74. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 203, [1] с.

75. Богданов В. В. Текст и текстовое общение : Учеб. пособие / В. В. Богданов. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1993. – 68 с.

76. Богин Г. И. Типология понимания текста : Учеб. пособие / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1986. – 86 с.

77. Богомолова Н. Н. Контент-анализ (Спецпрактикум по социальной психологии) / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 64 с.

78. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1992. – 312 с.

79. Болотнова Н. С. Основы теории текста : пособие для учителей и студентов-филологов педагогического университета / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – 100 с.

80. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Ч. I. Пособие для филологов / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. – 130 с.

81. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие для вузов / Н. С. Болотнова. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.

82. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста) / В. И. Болотов. – Ташкент : Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1981. – 116 с.

83. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Болтаева ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2003. – 242 с.

84. Бондарко А. В. Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом о «темпоральности») / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 44–54.

85. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А. В. Бондарко. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 358, [4] с.

86. Борев Ю. Системно-целостный анализ художественного произведения / Ю. Борев // Вопросы литературы. – 1977. – № 7. – С. 119–142.

87. Борисова И. Н. Основы стилистики, культуры речи и риторики : Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / И. Н. Борисова, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Екатеринбург : Издательство УрГУ, 1995. – 83 с.

88. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности : дис. ... докт. филол. наук / И. Н. Борисова ; М-во образования РФ ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2001. – 430 с.

89. Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации / С. Ю. Бородай // Вопросы языкознания. – 2013. – № 4. – С. 17–54.

90. Бортников В. И. «Сила» в структуре тематической цепочки поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» / В. И. Бортников // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. – 2012а. – № 2 (14). – С. 96–101.

91. Бортников В. И. Категория локативности в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай»: контент-анализ / В. И. Бортников // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2012б. – № 3 (105). – С. 159–169.

92. Бортников В. И. Текстовые категории как основание сравнения вариантов художественного текста / В. И. Бортников // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 2. – С. 75–85.

93. Боярская Е. Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура / Е. Л. Боярская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2: Сер. Филологические науки. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С. 18–28.

94. Брандес М. П. Стиль и перевод / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высш. шк., 1988. – 128 с.

95. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : Учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

96. Брандес М. П. Предпереводческий анализ текста : Учебное пособие по немецк. яз. / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – 5-е изд. – Москва : КДУ, 2011. – 240 с.

97. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский : Учебное пособие. Часть 1 / Е. В. Бреус. – Москва : Изд-во УРАО, 2001. – 104 с.

98. Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории / О. И. Бродович. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1988. – 194 с.
99. Брызгунова Е. А. Смысловое взаимодействие предложений / Е. А. Брызгунова // Синтаксис текста : [Сб. ст.] / отв. ред. Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1979. – С. 78–90.
100. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бреус ; пер. с нем., общ. ред., комм. докт. филол. наук Т. В. Булыгиной. – Москва : Изд. группа «Прогресс», 2000. – 504 с.
101. Валгина Н. С. Теория текста : Учеб. пособие для вузов / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с.
102. Васильева А. Н. Художественная речь / А. Н. Васильева. – Москва : Русский язык, 1983. – 254, [2] с.
103. Васильева В. В. Ритм текста в динамическом аспекте (на материале фонограмм русской прозаической речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Васильева ; Урал. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск: [б. и.], 1990. – 15 с.
104. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) / С. С. Ваулина. – Калининград : Калининград. гос. ун-т, 1993. – 70 с.
105. Вейзе А. А. Реферирование текста / А. А. Вейзе. – Минск : Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1978. – 128 с.
106. Вейзе А. А. Реферирование технических текстов / А. А. Вейзе, Н. В. Чиркова. – Минск : Вышэйша школа, 1983. – 128 с.
107. Винарская Е. Н. Выразительные свойства текста (на материале русской поэзии) : [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.»] / Е. Н. Винарская. – Москва : Высш. шк., 1989. – 134, [2] с.
108. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
109. Виноградов В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 3–26.

110. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 656 с.
111. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
112. Виноградов В. С. О специфике художественного перевода и его теории / В. С. Виноградов // Филологические науки. – 1978. – № 5. – С. 51–57.
113. Виноградова О. А. Семантика образа дома в петербургском тексте русской литературы / О. А. Виноградова // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения 1-го классич. Самар. гос. ун-та в Самар. крае (Самара, 19–20 ноября 2009 г.) : В 2 ч. / отв. ред. Г. Ю. Карпенко. – Самара : Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – С. 93–96.
114. Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – Москва : Учпедгиз, 1959. – С. 229–256.
115. Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. – Москва : Наука, 1990. – 132 с.
116. Винокурова Т. Ю. Англия в творчестве Евгения Замятина (литературный контекст, интертекстуальные связи и типологические схождения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Винокурова ; Сургут. гос. пед. ун-т. – Ишим : [б. и.], 2005. – 19 с.
117. Власенко С. В. Переводческий дискурс на рубеже веков / С. В. Власенко // Мир русского слова. – 2014. – № 3. – С. 16–27.
118. Волкова З. Н. Лингвистика эпического текста : Учеб. пособие для слушателей ФПК, аспирантов и студ. старших курсов / З. Н. Волкова. – Москва : [Тип. МГПИИЯ], 1974. – 104 с.

119. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки = *Semantica funcional de valorizacao* / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.
120. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»/«плохо» / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98–106.
121. Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление : Учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2005. – 367 с.
122. Воронин В. С. Художественное время и пространство в «Жизни Клина Самгина» М. Горького : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. С. Воронин ; Нижегород. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : [б. и.], 1993. – 22 с.
123. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г. Д. Воскобойник ; Моск. гос. лингв. ун-т. – Москва : МГЛУ, 2004. – 40 с.
124. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / Л. С. Выготский. – Москва : Академия психологических наук РСФСР, 1956. – 517 с.
125. Гадамер Г.-Г. О круге понимания / пер. Ал. В. Михайлова // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер ; Сост. М. П. Стафеецкая ; Послесл. В. С. Малахова. – Москва : Искусство, 1991. – С. 72–82.
126. Гак В. Г. О семантической организации текста / В. Г. Гак // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2-х ч. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – Москва : [Тип. МГПИИЯ], 1974. – Ч. I. – С. 61–66.
127. Гак В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В. Г. Гак // Тетради переводчика. Вып. 16 / Под ред.

Л. С. Бархударова. – Москва : Изд-во «Международные отношения», 1979. – С. 11–21.

128. Гак В. Г. Теория и практика перевода. Французский язык / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев. – Москва : Интердиалект+, 2001. – 456 с.

129. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 140 с.

130. Гарбовский Н. К. Переводческие трансформации и обучение переводу / Н. К. Гарбовский // Перевод как лингвистическая проблема : Сб. ст. / Отв. ред. Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 97–109.

131. Гарбовский Н. К. Теория перевода : Учебник / Н. К. Гарбовский. – Москва : Издательство МГУ, 2004. – 544 с.

132. Гаспаров М. Л. 319 сонет Петрарки в переводе О. Мандельштама: история текста и критерии стиля / М. Л. Гаспаров // Человек – Культура – История : В честь семидесятилетия Леонида Михайловича Батина / Редколлегия. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. – С. 323–337.

133. Гвенцадзе М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста / М. А. Гвенцадзе. – Тбилиси : Изд-во «Ганатлеба», 1986. – 316 с.

134. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – Москва : Просвещение, 1952. – 382 с.

135. Гильфанова Д. Р. Темпоральность художественного текста на материале английского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Р. Гильфанова ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень : [б. и.], 2005. – 21 с.

136. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948 – 1975) / С. И. Гиндин // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1977. – Т. 36. – № 4. – С. 348–361.

137. Гиндин С. И. Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки / С. И. Гиндин // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. междунар. конф. – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 125–126.

138. Голованова Я. В. Соотношение периферийных явлений в англоязычных художественных текстах и их переводах на русский язык : дис. ... канд. филол. наук / Я. В. Голованова ; Санкт-Петербургск. ун-т. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2012. – 224 с.

139. Головин Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – Москва : Просвещение, 1971. – 190 с.

140. Головина Е. В. Филологический анализ текста как деятельность : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Головина ; Башк. гос. ун-т. – Уфа : [б. и.], 2011. – 23 с.

141. Гончаренко С. Ф. Силлабична ли испанская «силлабика»? (К вопросу об адекватной передаче метро-ритмической структуры при поэтическом переводе) / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Вып. 23 / под ред. канд. филол. наук, проф. С. Ф. Гончаренко. – Москва : Высш. шк., 1989. – С. 122–131.

142. Гончаров Б. П. Поэтика и лингвистика (к проблеме интерпретации художественного целого) / Гончаров Б. П. // Русская литература. – 1980. – № 4. – С. 3–20.

143. Горбунов А. Н. Три великих поэта Англии: Донн, Милтон, Вордсворт / А. Н. Горбунов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 316, [4] с.

144. Гореликова М. И. Лингвистический анализ художественного текста / М. И. Гореликова, Д. М. Магомедова. – Москва : Русский язык, 1983. – 124 с.

145. Горшкова М. Л. К определению понятия стилистической тональности художественного текста / М. Л. Горшкова // Текст и его категориальные признаки : Сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Мороховский. – Киев : КГПИИЯ, 1989. – С. 51–55.

146. Грамматические аспекты перевода : учеб. пособие / Ю. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. – Москва : Академия, 2012. – 237, [3] с.

147. Григорьев В. П. От текста к языку и снова к тексту / В. П. Григорьев // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1977. – Т. 36. – № 3. – С. 264–269.

148. Григорьев В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. – Москва : Наука, 1979. – 343 с.

149. Гуреева А. А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Гуреева ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 2014. – 194 с.

150. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 207, [1] с.

151. Данилов С. Ю. К вопросу о роли парадигмы устойчивых сочетаний в художественном тексте / С. Ю. Данилов // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка : Тез. докл. и сообщ. всерос. науч. лингв. конф., Екатеринбург, 13–17 ноября 1995 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; Отв. ред. О. Б. Акимова. – Екатеринбург : [б. и.], 1995. – С. 17.

152. Данилова Ю. Ю. Категории пространства и времени в поэтических текстах З.Н. Гиппиус: лексико-семантический, грамматический, структурный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Ю. Данилова ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень : [б. и.], 2007. – 26 с.

153. Дешериева Т. И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 111–117.

154. Доблаев Л. П. Логико-психологический анализ текста (на материале школьных учебников) / Л. П. Доблаев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – 171 с.

155. Дозорец Ж. А. Соотношение стихотворной строки с речевым звеном и предложением (на материале стихотворений А. С. Пушкина) :

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. А. Дозорец ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – Москва : [б. и.], 1972. – 25 с.

156. Доровских Л. В. Древнегреческий язык. Учеб. пособие для студ. филол. фак. / Л. В. Доровских. – Екатеринбург : УрГУ, 1979. – 89 с.

157. Дремов А. Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ф. Дремов ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – Москва : [б. и.], 1984. – 21 с.

158. Дресслер В. Синтаксис текста / В. Дресслер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общая ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 111–137.

159. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Пробл. семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – Москва : Наука, 1984. – 268 с.

160. Дубовицкая Е. Ю. Предпереводческий анализ в интерпретации текста : учеб. пособие / Е. Ю. Дубовицкая. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 204 с.

161. Дубровская О. Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Дубровская ; [Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов : [б. и.], 2001. – 22 с.

162. Дунев А. И. Интент-анализ формул речевого этикета / А. И. Дунев // **Слово. Словарь. Словесность**: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко) : Материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2013 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк – Санкт-Петербург : САГА, 2013. – С. 172–177.

163. Еремина Л. И. Художественный текст как образно-речевое целое / Л. И. Еремина // Филологические науки. – 1978. – № 3. – С. 61–69.

164. Ермолович В. И. О роли контекста в осуществлении синхронного перевода и синхронного повторения / В. И. Ермолович // Контекстная семантизация лингвистических единиц: Сб. науч. тр. / Отв. ред.

С. И. Канонич. – Москва : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1984. – Вып. 238. – С. 17–27.

165. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия / В. И. Жельвис. – Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990. – 81 с.

166. Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений / В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский ; кн. подгот. Н. А. Жирмунской. – Ленинград : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1975. – С. 431–536.

167. Жолковский А. К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов // Труды по знаковым системам-VII. – Тарту : Тартуск. гос. ун-т, 1975. – Вып. 365. – С. 143–167.

168. Жолковский А. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с.

169. Журавлева Н. С. Проблема соотношения пространства и текста в рассказе «Темной теплой ночью» А. Эппеля / Н. С. Журавлева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С. 105–109.

170. Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 62–73.

171. Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н. Д. Зарубина. – Москва : Русский язык, 1981. – 112 с.

172. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика : учеб. пособие для филол. фак. пед. ин-тов / В. А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1968. – 334, [2] с.

173. Златоустова Л. В. Универсалии в просодической организации текста (на материале славянских, германских и романских языков) /

Л. В. Златоустова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1983. – № 4. – С. 69–78.

174. Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста / Г. А. Золотова // Синтаксис текста : [Сб. ст.] / отв. ред. Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1979. – С. 113–133.

175. Золотова Г. А. Композиция и грамматика / Г. А. Золотова // Язык как творчество : Сб. ст. к 70-летию В. П. Григорьева. – Москва : ИРЯ РАН, 1996. – С. 284–296.

176. Зырянов О. В. Уральский текст Е. Гадмер / О. В. Зырянов // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 83–90.

177. Иванов Вяч. Вс. Единицы языка и теория текста / Вяч. Вс. Иванов // Исследования по структуре текста / отв. ред. канд. филол. наук Т. В. Цивьян. – Москва : Наука, 1987. – С. 5–26.

178. Иванова И. П. История английского языка. Учебник / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – Санкт-Петербург : Авалон ; Азбука-классика, 2006. – 559, [1] с.

179. Ивасюк О. Я. Некоторые аспекты деривации стихотворного перевода / О. Я. Ивасюк // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: Тез. докл. – Пермь: Перм. ун-т; Ин-т языкознания РАН СССР, 1991. – С. 88.

180. Изенберг Х. О предмете лингвистической теории текста / Х. Изенберг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общая ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 43–56.

181. Ильенко С. Г. О семантическом «радиусе действия» предложения в тексте / С. Г. Ильенко // Теория языка. Методы его исследования и преподавания (К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы). – Ленинград : Наука, 1981. – С. 129–135.

182. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 255 с.
183. Илюшкина М. Ю. Теория перевода. Учебно-методическое пособие / М. Ю. Илюшкина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 132 с.
184. Ионова М. Б. Абсолютно слабые позиции текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Ионова ; [Кемеров. гос. ун-т]. – Кемерово : [б. и.], 2003. – 23 с.
185. Ипполитова Н. А. Текст в системе изучения русского языка в школе: Материалы к спецкурсу / Н. А. Ипполитова. – Москва : [б. и.], 1992. – 125, [1] с.
186. Истомина И. А. Современная православная проповедь: стилистическая и прагматическая специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Истомина ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 23 с.
187. Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Ицкович ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 160 с.
188. Йокояма О. Б. К метатеории перевода: перевод как дискурс / О. Б. Йокояма // Человек о языке – язык о человеке: Сб. ст. памяти акад. Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – Москва : Изд. центр «Азбуковник», 2012. – С. 152–160.
189. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Проблемы теории перевода в зарубежной лингвистике / под ред. В. Н. Комиссарова. – Москва : Международные отношения, 1978. – С. 69–90.
190. Каде О. К вопросу о предмете лингвистической теории перевода / О. Каде // Тетради переводчика. Вып. 16 / Под ред. Л. С. Бархударова. – Москва : Изд-во «Международные отношения», 1979. – С. 3–11.

191. Казакова Т. А. Коммуникативно-прагматические основы художественного перевода : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Т. А. Казакова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1989. – 32 с.
192. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию : учеб. пособие / Л. Г. Кайда. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 208 с.
193. Камчатнов А. М. Лексическая вариативность и лексические значения / А. М. Камчатнов // Вопросы языкознания. – 1983. – № 4. – С. 121–129.
194. Карасик В. И. Категориальные признаки в значении слова / В. И. Карасик. – Москва : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1988. – 112 с.
195. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 448 с.
196. Каримова Р. А. Семантико-структурная организация текста (на материале устных спонтанных и письменных текстов) / Р. А. Каримова. – Уфа : Башкир. ун-т, 1991. – 156 с.
197. Кацевал А. А. Речевое воплощение художественного времени в прозе о Великой отечественной войне : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кацевал ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 1998. – 15 с.
198. Кизима М. П. Художественный образ и поэтический смысл (К проблеме эквивалентности поэтического перевода / М. П. Кизима // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Вып. 23 / под ред. канд. филол. наук, проф. С. Ф. Гончаренко. – Москва : Высш. шк., 1989. – С. 131–138.
199. Киселева А. А. Лингвистическое исследование структуры текста с точки зрения перлокутивного эффекта : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Киселева ; Санкт-Петербургск. ун-т. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1998. – 204 с.
200. Клинг В. И. Композиционно-тематический аспект обзорной статьи / Клинг В. И. // Текст в функционально-стилевом аспекте : Сб. науч.

тр. / Отв. ред. С. И. Канонич. – Москва : МГПИИЯ им. М. Горького, 1988. – Вып. 309. – С. 66–74.

201. Ключев Е. В. Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция : [учеб. пособие для вузов] / Е. В. Ключев. – Москва : ПРИОР, 2001. – 271 с.

202. Ковтунова И. И. Вопросы структуры текста в трудах академика В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста / [редкол. Н. Ю. Шведова (отв. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1982. – С. 3–18.

203. Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / Н. А. Кожевникова. – Москва : Знак, 2009. – 893 с.

204. Кожина М. Н. Стилистика и некоторые ее категории (К постановке вопроса) : Материалы к спец. курсу «Стилистика русского литературного языка / М. Н. Кожина. – Пермь : Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1961. – 23 с.

205. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1968. – 251 с.

206. Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : автореф. дис. ... докт. филол. наук / М. Н. Кожина ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1970. – 40 с.

207. Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях / М. Н. Кожина // Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 35–41.

208. Кожина М. Н. Целый текст как объект стилистики текста / М. Н. Кожина // Stylistyka-IV. – Opole : Polish Academy of Sciences ; Opole University, 1995. – С. 33–53.

209. Кожин В. В. К проблеме литературных родов и жанров // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении : в 3 тт. – Т. 2. Роды и жанры литературы. – Москва : Наука, 1964а. – С. 39–49.

210. Кожин В. В. Роман – эпос нового времени // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении : в 3 тт. – Т. 2. Роды и жанры литературы. – Москва : Наука, 1964б. – С. 97–172.

211. Кожин В. В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении : в 3 тт. – Т. 2. Роды и жанры литературы. – Москва : Наука, 1964в. – С. 408–485.

212. Колесникова Л. Н. Словопроизводственная модель /на сопоставительном материале глаголов из языка художественных произведений М. Пришвина и современного русского литературного языка/ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Колесникова ; Воронеж. ордена Ленина гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Воронеж : [б. и.], 1981. – 23 с.

213. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1980. – 149 с.

214. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. федер. ун-та им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. – 818 с.

215. Комиссаров В. Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема / В. Н. Комиссаров // Текст и перевод : [сб. ст.] / [В. Н. Комиссаров, Л. А. Черняховская, Л. К. Латышев и др.] ; отв. ред. докт. филол. наук, проф. А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – С. 6–17.

216. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) : [учебник для ин-тов и фак. иностр. яз.] / В. Н. Комиссаров, А. А. Кораллова. – Москва : Высш. шк., 1990. – 250, [3] с.

217. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2001. – 421 с.

218. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Альянс, 2013. – 253, [1] с.

219. Коноваленко М. Ю. Теория коммуникации : учебник для бакалавров / М. Ю. Коноваленко, В. А. Коноваленко. – Москва : Изд-во Юрайт, 2012. – 415 с.

220. Контекстная семантизация лингвистических единиц : Сб. науч. тр. / Отв. ред. С. И. Канонич. – Москва : МГПИИЯ им. М. Горького, 1984. – Вып. 238. – 224 с.

221. Контентный анализ: методика и организация. Приложение к программам и документальным исследованиям / рук. проф. Б. А. Грушин. – Москва : Ин-т конгр. соц. иссл-й АН СССР, 1969. – Вып. 5. – Бюллетень № 15 (30). – 199 с.

222. Копытов О. Н. О фундаментальных категориях текста / О. Н. Копытов // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 3 (15). – С. 149–157.

223. Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 552 с.

224. Косериу Е. Современное положение в лингвистике / Е. Косериу // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1977. – Т. 36. – № 6. – С. 514–521.

225. Косицин А. А. «Петербургский текст» в творчестве Евгения Гребёнки / А. А. Косицин // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения 1-го классич. Самар. гос. ун-та в Самар. крае (Самара, 19–20 ноября 2009 г.) : В 2 ч. / отв. ред. Г. Ю. Карпенко. – Самара : Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – С. 230–236.

226. Косицина Ю. В. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Косицина ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово : [б. и.], 2013. – 26 с.

227. Котелова Н. В. О применении объективных и точных критериев сочетаемости слов / Н. В. Котелова // Вопросы языкознания. – 1965. – № 4. – С. 53–64.

228. Котюрова М. П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. П. Котюрова ; Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Саратов : [б. и.], 1974. – 16 с.

229. Котюрова М. П. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. – Пермь : ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права», 2011. – 394 с.

230. Кочеткова Н. Д. Петров (Василий Петрович [1736, Москва – 4 (15) XII 1799]) / Н. Д. Кочеткова // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К – П) / ред. колл. Н. Д. Кочеткова, Г. Н. Моисеева, С. И. Николаев ; отв. ред. А. М. Панченко. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – С. 425–429.

231. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.

232. Крашевская Н. В. Синтагматико-парадигматические отношения содержательных элементов философского текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Крашевская ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – Москва : [б. и.], 1989. – 17 с.

233. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу / В. Н. Крупнов. – Москва : Международные отношения, 1976. – 192 с.

234. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука в конце 20 века : Сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.

235. Кузнецова Э. В. Язык в свете системного подхода : Учеб. пособие / Э. В. Кузнецова. – Свердловск : Изд. УрГУ, 1983. – 96 с.

236. Кульшарипова С. Р. Маяковский в английских и французских переводах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Р. Кульшарипова ; Башкирск. гос. ун-т. – Уфа : [б. и.], 2015. – 28 с.

237. Купина Н. А. Средства передачи образного смысла в языке художественного перевода / Н. А. Купина, Н. Е. Богуславская // Всесоюз. науч. конф. по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма : тез. докл. / НИИ М-ва просвещ. БССР – Минск : [б. и.], 1975. – С. 289–291.

238. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1983. – 160 с.

239. Купина Н. А. Принципы и этапы лингвосмыслового анализа художественного текста: дис. ... докт. филол. наук / Н. А. Купина ; Урал. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск: [б. и.], 1984. – 542 с.

240. Курьянова Л. А. Повторная номинация как способ формирования сверхфразовых единств во французских эпических поэмах XI – XII вв. / Л. А. Курьянова // Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, литературы и языка. – 1982. – № 2. – С. 116–119.

241. Кутузова Н. В. Структурно-семантические характеристики стихотворного переноса в английском языке (на материале стихотворных текстов У. Вордсворта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Кутузова ; Смоленск. гос. ун-т. – Смоленск : [б. и.], 2008. – 24 с.

242. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Ленинград : Просвещение, 1979. – 327 с.

243. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда (1957) / Ж. Лакан ; пер. А. К. Черноглазова // Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда : [сб. ст.] / пер. с фр. А. К. Черноглазова, М. А. Титовой (*Значение фаллоса*). – Москва : Рус. феноменол. общество ; изд-во «Логос», 1997. – С. 54–86.

244. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Ланских ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 23 с.
245. Лапп Л. М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи» (на материале анализа русской научной литературы) / Л. М. Лапп. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. – 218 с.
246. Лапчинская Т. Н. Многомерная модель интерпретации немецкого короткого рассказа : дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Лапчинская ; Тюмен. федер. ун-т. – Тюмень : [б. и.], 2012. – 231 с.
247. Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы / Ю. Д. Левин. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 288 с.
248. Левицкий Ю. А. Лингвистика текста : Учеб. пособие / Ю. А. Левицкий. – Москва : Высш. шк., 2006. – 207 с.
249. Левый И. Состояние теоретической мысли в области перевода / Иржи Левый ; пер. с чеш. Вл. Россельса // Мастерство перевода-1969 : [сб. ст.] / гл. ред. К. Чуковский. – Вып. 6. – Москва : Советский писатель, 1970. – С. 406–431.
250. Левый И. Искусство перевода / Иржи Левый ; пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. – Москва : Прогресс, 1974. – 397 с.
251. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1969. – 307 с.
252. Лескис Г. А. Синтагматика и парадигматика художественного текста / Г. А. Лескис // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1982. – Т. 41. – № 5. – С. 430–441.
253. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство» / А. Н. Лой ; [отв. ред. А. И. Яценко]. – Киев : Наукова думка, 1978. – 133, [2] с.

254. Лойфман И. Я. Единство природы и круговорот материи / И. Я. Лойфман, В. П. Стадник. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 204, [4] с.
255. Лойфман И. Я. Основы гносеологии / И. Я. Лойфман, М. Н. Руткевич. – Екатеринбург : УрГУ, 1996. – 176 с.
256. Лосева Л. М. Синтаксическая структура целых текстов. Факультатив по изучению связной речи (Метод. письмо учителям-словесникам) / Л. М. Лосева. – Одесса : [б. и.], 1971. – 49, [2] с.
257. Лосева Л. М. Основные функциональные типы ССЦ / Л. М. Лосева // Русский язык в школе. – 1977. – № 1. – С. 90–94.
258. Лосева Л. М. Как строится текст : Пособие для учителей / Л. М. Лосева ; Под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Просвещение, 1980. – 96 с.
259. Лотман Ю. М. О роли случайных факторов в литературной эволюции / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам-XXIII. Σημειωτική: Текст – Культура – Семиотика нарратива. – Тарту : Тартуск. гос. ун-т, 1989. – Вып. 855. – С. 39–48.
260. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2001. – 848 с.
261. Лотман Ю. М. Лекции по структуралистской поэтике / Ю. М. Лотман. – Москва : Гнозис, 1994. – 548, [7] с.
262. Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте: (Когнитив. и прагмастилист. аспекты) / Л. Г. Лузина. – Москва : ИНИОН, 1996. – 139 с.
263. Лукин В. А. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения : автореф. дис. ... докт. филол. наук / В. А. Лукин ; Орлов. гос. ун-т. – Орел : [Орлов. гос. ун-т], 2003. – 37 с.

264. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – Москва : Издательство «Ось-89», 2009. – 560 с.

265. Лунд К.-Х. К первому опыту филологического перевода с русского на датский / К.-Х. Лунд // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2011. – № 4. – С. 51–68.

266. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – Москва : Наука, 1986. – 201 с.

267. Магомедова Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения : учеб. пособие / Д. М. Магомедова. – Москва : Академия, 2004. – 188 с.

268. Макаров В. Л. Коммуникативная структура текста / В. Л. Макаров. – Тверь : Изд-во Тверского ун-та, 1990. – 52 с.

269. Максудова Э. М. Язык разновременных переводов конца XVIII – начала XIX вв. поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. М. Максудова ; Казан. гос. ун-т – Казань: [б. и.], 1974. – 19 с.

270. Малов Л. В. Коммуникативно-речевая структура категории образа автора (на материале романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Малов ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – Москва : [б. и.], 1992. – 16 с.

271. Маргулис В. Д. Задачи и перспективы коммуникационной теории и интегративного метода / В. Д. Маргулис // Семантика и прагматика текста и его составляющих : Межвуз. сб. науч. тр. / [ред. колл. докт. филол. наук, проф. Л. А. Шкатова, канд. филол. наук, доц. В. Я. Михайлов, отв. секретарь А. П. Нестеров и др.] – Челябинск : [Челяб. гос. ун-т], 1991. – С. 25–30.

272. Маринина И. А. Типология и функционирование номинаций персонажей в полифоническом повествовании (на материале романа

Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Маринина ; Самар. гос. ун-т. – Самара : [б. и.], 2003. – 19 с.

273. Марова Н. Д. Некоторые вопросы лингвостилистической интерпретации художественного текста (проблема перспективы повествования): на материале современных немецких коротких рассказов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Марова ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца. – Москва : [б. и.], 1968. – 19 с.

274. Марова Н. Д. Актуальное членение речи и анализ текста / Н. Д. Марова // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2-х ч. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца. – Москва : [Тип. МГПИИЯ], 1974. – Ч. II. – С. 184–187.

275. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста / Н. Д. Марова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 504 с.

276. Марова Н. Д. Ноохронотоп как категория текста и интерпретации / Н. Д. Марова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики / Сб. тез. докл. ежегод. междунар. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [УрГПУ], 2013. – С. 67–68.

277. Маслов Б. А. Проблемы лингвистического анализа связного текста / Б. А. Маслов. – Таллинн : Таллиннский пед. ин-т, 1975. – 104 с.

278. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – Москва : Изд. центр «Академия», 2008. – 267, [5] с.

279. Матвеева Т. В. Некоторые возможности выражения субъективной модальности в публицистическом тексте / Т. В. Матвеева // Структура и семантика текста: Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1988. – С. 108–116.

280. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

281. Матвеева Т. В. Тональность разговорного текста: три способа описания / Т. В. Матвеева // *Stylistyka-V.* – Opole : Polish Academy of Sciences ; Opole University, 1996. – С. 210–221.

282. Матвеева Т. В. Энергетика текста / Т. В. Матвеева // *Известия Урал. гос. ун-та.* – Вып. 3, Филология. – 2000. – № 17. – С. 107–112.

283. Матвеева Т. В. Текстовая категория / Т. В. Матвеева // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова и др. ; Под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.

284. Матвеева Т. В. Текстовая категория / Т. В. Матвеева // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. – С. 695–697.

285. Матвеева Т. В. Стилистика текстовых категорий / Т. В. Матвеева // *Купина Н. А. Стилистика современного русского языка* / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва : Юрайт, 2013. – С. 115–130.

286. Матвеева Т. Ф. Актуальное членение высказывания и коммуникативная организация текста описательного типа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ф. Матвеева ; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – Москва : [б. и.], 1984. – 17 с.

287. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // *Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова.* – Москва : Прогресс, 1967. – С. 239–245.

288. Медведев В. Б. Проблема интерпретации в переводе / В. Б. Медведев // *Экспрессивность текста и перевод: Сб. ст. / науч. ред. канд. филол. наук Р. Э. Кульшарипова, сост. канд. филол. наук М. А. Козырева.* – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 100–106.

289. Медведева Н. Г. «...Муза объясняет Судьбе то, что надиктовала» (об одной мифологеме в поэзии И. Бродского) / Н. Г. Медведева //

Кормановские чтения : материалы Межвуз. науч. конф. / ред.-сост. Д. И. Черашняя. – Ижевск : УдГУ, 2014. – Вып. 13. – С. 8–17.

290. Мельникова А. В. Типология женских образов в малой прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. / А. В. Мельникова // Известия Урал. федер. ун-та. – Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 155–163.

291. Миловидов В. А. Текст, контекст, интертекст. Введение в проблематику сравнительного литературоведения. Пособие по спецкурсу / В. А. Миловидов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. – 84 с.

292. Минибаева С. В. Лингвоанализ текста: практика исследования эмотивного текста. Учеб. пособие по курсу «Лингвистический анализ художественного текста» для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Минибаева. – Sterlitaмак : Sterlitaмак. гос. пед. ин-т, 2004. – 100 с.

293. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – Москва : Ордена Трудового Красного Знамени Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1980. – 238, [2] с.

294. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Н. Н. Михайлов. – Москва : Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.

295. Михайловская Н. Г. Лексическая вариантность в списках древнерусских памятников / Н. Г. Михайловская // Литературная норма и вариантность : Сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва : Наука, 1981. – С. 6–22.

296. Мороховский А. Н. К проблеме текста и его категорий / А. Н. Мороховский // Текст и его категориальные признаки : Сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Мороховский. – Киев : КГПИИЯ, 1989. – С. 3–8.

297. Москальская О. И. Семантика текста / О. И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 32–42.

298. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – Москва : Высш. шк., 1981. – 183 с.

299. Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире / А. М. Мостепаненко. – Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1974. – 240 с.
300. Мошкович В. В. Адекватность и эквивалентность как основополагающие критерии оценки качества перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Мошкович ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень : [б. и.], 2014. – 23 с.
301. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка / Л. Н. Мурзин. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1974. – 168 с.
302. Мурзин Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – 172 с.
303. Мурзич Н. Э. Роль имени собственного в моделировании хронотопа рассказа Ю. Буйды «По имени Лев» / Н. Э. Мурзич // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – С. 92–96.
304. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов / М. Ю. Мухин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 232 с.
305. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова) : автореф. дис. ... докт. филол. наук / М. Ю. Мухин ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2011. – 43 с.
306. Мыркин В. Я. Текст, подтекст и контекст / В. Я. Мыркин // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 86–93.
307. Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского и французского кинодискурса) : автореф.

дис. ... канд. филол. наук / С. С. Назмутдинова ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень : [б. и.], 2008. – 21 с.

308. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – 2-е изд. – Москва : Флинта : МПСИ, 2008. – 416 с.

309. Нестерова Н. М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) / Н. М. Нестерова // *Scripta Linguisticae Applicatae* = Проблемы прикладной лингвистики-2001. Сб. ст. – Москва : Азбуковник, 2001. – С. 133–144.

310. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1974. – 261 с.

311. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общая ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 5–39.

312. Николаева Т. М. Единицы языка и теория текста / Т. М. Николаева // Исследования по структуре текста / отв. ред. канд. филол. наук Т. В. Цивьян. – Москва : Наука, 1987. – С. 27–57.

313. Николаева Т. М. Несколько слов о лингвистической теории 30-х: фантазии и прозрения / Т. М. Николаева // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред.: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин; Сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 591–607.

314. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 272 с.

315. Новиков А. И. К вопросу о теме и денотате текста / А. И. Новиков, Г. Д. Чистякова. – Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 1. – С. 48–56.

316. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – Москва : Наука, 1983. – 215 с.

317. Новиков Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста / Л. А. Новиков. – Москва : Русский язык, 1979. – 251 с.

318. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – Изд. 3-е. – Москва : [Изд-во ЛКИ], 2007. – 300, [1] с.

319. Ноева С. А. Пространство города в якутском романе (на примере произведений И. М. Гоголева) / С. А. Ноева // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения 1-го классич. Самар. гос. ун-та в Самар. крае (Самара, 19–20 ноября 2009 г.) : В 2 ч. / отв. ред. Г. Ю. Карпенко. – Самара : Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 2. – С. 127–130.

320. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю. Л. Оболенская. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264 с.

321. Овчинникова И. Г. О феномене цельности текста / И. Г. Овчинникова // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина) : Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. – Пермь : [Перм. ун-т], 1998. – С. 90–100.

322. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – Москва : Наука, 1980. – 264 с.

323. Остапенко С. А. Передача ситуативної прикріпленості розмовного мовлення в процесі перекладу роману Дж. Макспедена «Робин Гуд» / С. А. Остапенко // Вісник Дніпропетровського університету ім. Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки. – 2013. – № 1(5). – С. 216–223.

324. Палл Э. О некоторых типах неадекватностей в переводах с русского на венгерский / Э. Палл // Слово в тексте и в словаре : Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред.: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин;

Сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 505–512.

325. Панчук С. А. Лингвистические основы тематичности художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Панчук ; Ленингр. ордена Трудового Красного Знамени гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград : [б. и.], 1985. – 22 с.

326. Папян Л. Ю. Языковая организация единого целого (на материале романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Папян ; Сибир. федер. ун-т. – Красноярск : [б. и.], 2009. – 27 с.

327. Парамонова Т. И. Джон Мильтон в оценке «новой критики» / Т. И. Парамонова // Вестник Моск. ун-та. Сер. X, Филология. – 1972. – № 4. – С. 29–38.

328. Парахонская Г. А. Контент-анализ документов : Учеб. пособие / Г. А. Парахонская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2004. – 123 с.

329. Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.

330. Перфильева Н. П. Линейность текста и ее «слом»: различные коммуникативные стратегии / Н. П. Перфильева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 1. – Науч. издание. – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 137–146.

331. Петрова Н. В. Текст и дискурс / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

332. Платова Л. П. Сопоставительное исследование стилистических и семантических особенностей поэтической лексики лезгинского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Гуреева ; Дагестанск. гос. пед. ун-т. – Махачкала : [б. и.], 2013. – 160 с.

333. Плесканюк Т. Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста в современном русском языке: структурно-семантический

аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Плесканюк ; Нижегород. гос. ун-т. – Нижний Новгород : [б. и.], 2014. – 26 с.

334. Покровская О. В. Языковой образ человека в синонимических репрезентациях: опыт разработки частной теории : на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Покровская ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово : [б. и.], 2008. – 23 с.

335. Полякова Н. Ф. Стилистическое использование побудительных предложений в научной и художественной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ф. Полякова ; Воронеж. ордена Ленина гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Воронеж : [б. и.], 1985. – 18 с.

336. Попкова Н. Н. Доминанты идиостиля поэта-ирониста (на материале текстов Игоря Иртеньева) : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Попкова ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 194 с.

337. Попов Ю. В. Текст: структура и семантика / Ю. В. Попов, Т. П. Трегубович. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 189 с.

338. Попова З. Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения) : Учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.

339. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М. : Высш. шк., 1980. – 200 с.

340. Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке / Н. С. Поспелов // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. Труды каф. рус. яз. – 1948. – № 2 (137). – С. 31–41.

341. Почепцов Г. Г. Теория и практика коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Изд-во «Центр», 1998. – 349, [2] с.

342. Привалова М. И. Сложные слова и их функции в художественных произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Привалова ; Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : [б. и.], 1952. – 23 с.

343. Припадчев А. А. Теоретические основы исследования речевой системности текста : автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. А. Припадчев ; [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж : [б. и.], 2006. – 40 с.
344. Пушкина Е. С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Пушкина ; [Кемеров. гос. ун-т]. – Кемерово : [б. и.], 2004. – 22 с.
345. Разинкина Н. М. Элементы эмоционально субъективной оценки в стиле английской научной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Разинкина ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Горька. – Москва : [б. и.], 1965. – 17 с.
346. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика английского языка / Н. М. Разинкина. – Москва : Высш. шк., 1989. – 180, [2] с.
347. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков): учеб. пособие / Н. М. Разинкина. – Москва : Высш. шк., 2004. – 271 с.
348. Разлогова Е. Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов / Е. Э. Разлогова // Вопросы языкознания. – 2012. – № 6. – С. 66–92.
349. Разлогова Е. Э. К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе / Е. Э. Разлогова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2013. – № 3. – С. 101–120.
350. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы / И. И. Ревзин. – Москва : Наука, 1977. – 263 с.
351. Реферовская Е. А. Сверхфразовое единство и абзац / Е. А. Реферовская // Теория языка. Методы его исследования и преподавания (К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы). – Ленинград : Наука, 1981. – С. 225–228.
352. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста / Е. А. Реферовская. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд., 1983. – 216 с.

353. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – Москва : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.

354. Ризель Э. Г. Текст как целостная структура в аспекте лингвостилистики / Э. Г. Ризель // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2-х ч. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – Москва : [Тип. МГПИИЯ], 1974. – Ч. II. – С. 35–38.

355. Ринберг В. Л. Конструкции связного текста в современном русском языке / В. Л. Ринберг. – Львов : Изд-во при Львов. гос. ун-те изд. объединя «Вища школа», 1987. – 168 с.

356. Роднянская И. Б. Художественное время и художественное пространство / И. Б. Роднянская // Краткая литературная энциклопедия : в 9-ти тт. / [ред. колл. Х. Ш. Абдусаматов, А. А. Аникст, В. В. Борисенко и др.] – Москва : Изд-во «Советская энциклопедия», 1978. – Ст. 772–778.

357. Рубцова С. Ю. Английские прецедентные имена с положительными оценочными значениями в аспекте перевода / С. Ю. Рубцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, Востоковедение, Журналистика. – 2013. – Вып. 1. – С. 152–185.

358. Руделев В. Г. Принципы сегментации поэтической речи // Поэтика литературы и фольклора / В. Г. Руделев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. – С. 71–78.

359. Савушкина Л. В. Перевод как проблема межкультурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии / Л. В. Савушкина ; Мордовск. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск : [б. и.], 2013. – 150 с.

360. Сайкова Н. В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Сайкова ; [Алтайск. гос. ун-т]. – Барнаул : [б. и.], 2002. – 22 с.

361. Салимовский В. А. К экспликации понятия жанрового стиля (проблема стилистико-речевой системности в отношении к речевым жанрам)

/ В. А. Салимовский // Стереотипность и творчество в тексте : Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Перм. ун-т, 2000. – С. 133–154.

362. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст) : дис. ... докт. филол. наук / В. А. Салимовский ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 338 с.

363. Салмина Л. М. Семантическая структура текста и перевод / Л. М. Салмина, Л. М. Костычева // Экспрессивность текста и перевод : Сб. ст. / науч. ред. канд. филол. наук Р. Э. Кульшарипова, сост. канд. филол. наук М. А. Козырева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 107–113.

364. Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона / Р. М. Самарин. – Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 485 с.

365. Самарин Р. М. Творчество Мильтона в оценке В. Г. Белинского / Р. М. Самарин // Самарин Р. М. Зарубежная литература : Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. М. Р. Волкова ; Предисл. А. В. Русаковой ; Послесл. Б. Л. Сучкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 1987. – С. 115–123.

366. Самурин А. М. Проблема интонации и порядка слов в простом распространенном двусоставном предложении в стихотворном тексте (по поэме А. Твардовского «Василий Теркин») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. И. Самурин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1956. – 16 с.

367. Свидерский В. И. Пространство и время : филос. очерк / В. И. Свидерский. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 199, [1] с.

368. Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования / И. П. Севбо. – Москва : Наука, 1969. – 135 с.

369. Седова Е. С. Мир вне цивилизации, или Герои С. Моэма в поисках смысла жизни / Е. С. Седова // Образ провинции в русской и английской литературе: материалы XX Междунар. конф. Рос. ассоциации преподавателей англ. лит. «Литературная провинция» / Урал. гос. ун-т ; [отв.

ред. М. В. Дудорова]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 266–272.

370. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / А. Л. Семенов. – Москва : Издательский центр «Академия», 2008. – 160 с.

371. Сибирякова И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Сибирякова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 1996. – 22 с.

372. Сидоров Е. В. К характеристике текста как подсистемы (в обычной языковой коммуникации и в коммуникации с реферированием / Е. В. Сидоров // Перевод как лингвистическая проблема: Сб. ст. / Отв. ред. Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982а. – С. 12–27.

373. Сидоров Е. В. Системные категории текста (централизация) / Е. В. Сидоров // Перевод как лингвистическая проблема: Сб. ст. / Отв. ред. Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982б. – С. 77–87.

374. Сидоров Е. В. Коммуникативный принцип исследования текста / Е. В. Сидоров. – Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 425–432.

375. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – Москва : Наука, 1987. – 141, [3] с.

376. Сильман Т. И. Подтекст как лингвистическое явление / Т. И. Сильман // Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 84–90.

377. Слюсарева Н. А. Гиперсинтаксический уровень языка и лингвистическое членение текста / Н. А. Слюсарева, Н. И. Теплицкая // Предложение и текст в семантическом аспекте : Межвуз. темат. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Калинин. гос. ун-т. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1978. – С. 91–105.

378. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.

379. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка / С. И. Соболевский. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. – 432 с.
380. Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800–1820-х гг. / Е. К. Созина // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 53–69.
381. Соколова М. Ю. Особенности пространственно-временных характеристик поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Соколова ; Нижегор. педаг. ун-т. – Нижний Новгород: [б. и.], 2011. – 23 с.
382. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – Москва : Высш. шк., 1973. – 214 с.
383. Солганик Г. Я. Стилистика текста : Учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – Москва : Флинта – Наука, 1997. – 256 с.
384. Солганик Г. Я. Лингвистика речи в настоящем и будущем / Г. Я. Солганик // Лингвистика речи. Медиастилистика : коллект. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. – С. 8–21.
385. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – Москва : Наука, 1978. – 341 с.
386. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31–42.
387. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – Москва : Изд. центр «Академия», 2005. – 298, [6] с.
388. Солодянкина Н. В. Целостность текста в аспекте согласования его формальной и смысловой структур (на материале исходных и вторичных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Солодянкина ; [Кемеров. гос. ун-т]. – Кемерово : [б. и.], 2004. – 24 с.

389. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ю. А. Сорокин ; АН СССР. – Москва : [б. и.], 1988. – 52 с.

390. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – С. 31–285.

391. Соткис Ю. А. Особенности организации и вычленения абзаца в разных стилях речи (на материале произведений А. Троллопа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Соткис ; Моск. гос. ун-т. – Москва : [б. и.], 1975. – 17 с.

392. Стадник В. П. Системно-структурный подход / В. П. Стадник // Двадцать лекций по философии : Учеб. пособие / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Кемеров и др. – 2-е изд. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – С. 184–188.

393. Стафутина В. Н. Из истории русских переводов оригинальной художественной литературы / В. Н. Стафутина // Университетское переводоведение. Вып. 6. Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 21–23 октября 2004 г. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 415–423.

394. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания ; [отв. ред. Ю. Н. Караулов]. – Москва : Наука, 1981. – 359, [1] с.

395. Сусов И. П. Семантические функции лингвосемиотических объектов / И. П. Сусов // Предложение и текст в семантическом аспекте : Межвуз. темат. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Калинин. гос. ун-т. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1978. – С. 122–138.

396. Сухарева О. В. Коннотативность художественных онимов английского языка : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Сухарева ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : [б. и.], 2014. – 273 с.

397. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 194, [2] с.
398. Текст: теоретические основания и принципы анализа : учеб.-науч. пособие / под ред. проф. К. А. Роговой. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2011. – 464 с.
399. Тетерина Е. Н. Эпические традиции в «Потерянном рае» Дж. Мильтона и проблема специфики жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Тетерина ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва : [б. и.], 2004. – 18 с.
400. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
401. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное / З. Я. Тураева. – Москва : Выс. шк., 1979. – 220 с.
402. Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика) : Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З. Я. Тураева. – Москва : Просвещение, 1986. – 127 с.
403. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.
404. Тураева З. Я. Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия / З. Я. Тураева // Вісник Київського лінгв. ун-ту. – Сер. Філологія. – 1999. – Т. 2. – № 2. – С. 18–27.
405. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Сов. писатель, 1965. – 303 с.
406. Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики: [филологам – русистам и англистам] / А. В. Уржа. – Москва : Изд-во Спутник+, 2009. – 292 с.
407. Уржа А. В. Название – эпитафия – текст: семантические связи в оригинале и переводе / А. В. Уржа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2011. – № 3. – С. 146–156.

408. Уржа А. В. Применение ‘Theory of Grounding’ в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста / А. В. Уржа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2012. – № 6. – С. 197–212.
409. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типологии композиционной формы / Б. А. Успенский. – Москва : Искусство, 1970. – 225 с.
410. Успенский Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – Москва : Школа «Языки русской культуры», июль 1995. – 358 с.
411. Федоров А. В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – Изд. 2-е, перераб. – Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 370, [5] с.
412. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие / А. В. Федоров. – Москва : Высш. шк., 1983. – 304 с.
413. Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста / И. А. Фигуровский // Русский язык в школе. – 1948. – № 3. – С. 21–31.
414. Фигуровский И. А. Основные направления в исследованиях синтаксиса целого текста / И. А. Фигуровский // Лингвистика текста : материалы науч. конф. : в 2-х ч. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – Москва : [Тип. МГПИИЯ], 1974. – Ч. II. – С. 108–115.
415. Филиппов К. А. Лингвистика текста : курс лекций / К. А. Филиппов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. – 331 с.
416. Фомин А. А. Ономастика «Фанданго» А. Грина : хронотоп и концептуальный план произведения / А. А. Фомин // Известия Урал. гос. ун-та. – Вып. 3, Филология. – 2000. – № 17. – С. 137–146.
417. Хализев В. Е. Эпос / В. Е. Хализев // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. ; Под ред. Л. В. Чернец. – Москва : Высш. шк., 1999. – С. 507–512.

418. Хартунг Ю. Гипертекст как объект лингвистического исследования / Ю. Хартунг, Е. Брейдо // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1996. – № 3. – С. 61–77.

419. Химич В. В. «Кокетство» булгаковского текста / В. В. Химич // Известия Урал. гос. ун-та. – Вып. 3, Филология. – 2000. – № 17. – С. 147–153.

420. Художественный текст в современной лингвистической парадигме : учебно-методическое пособие для вузов / Сост. Л. М. Кольцова, О. А. Лунина. – Воронеж : [каф. рус. яз. Воронеж. гос. ун-та], 2007. – 51 с.

421. Цвиллинг Н. Я. О критериях оценки перевода / Н. Я. Цвиллинг, Г. Я. Туровер // Тетради переводчика. Вып. 15 / Под ред. Л. С. Бархударова. – Москва : Изд-во «Международные отношения», 1978. – С. 3–9.

422. Цилевич Л. М. Принципы анализа литературного произведения как художественной системы / Л. М. Цилевич // Филологические науки. – 1988. – № 1. – С. 9–13.

423. Цыбулевский А. С. Высокие уроки. Поэмы Важа Пшавела в переводах русских поэтов / А. С. Цыбулевский. – Тбилиси : Изд-во «Мерани», 1980. – 132 с.

424. Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие / М. С. Чаковская. – Москва : Выс. шк., 1986. – 128 с.

425. Чамеев А. А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный Рай» / А. А. Чамеев. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 128 с.

426. Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка = Meaning and the structure of language ; пер. с англ. / У. Л. Чейф. – Москва : УРСС, 2003. – 428 с.

427. Черемисина М. И. Лекции по лингвистике. Язык. Речь. Текст / М. И. Черемисина. – Новосибирск : [б. и.], 1970. – 96 с.

428. Чернец Л. В. Композиция / Л. В. Чернец // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины : Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. ; Под ред. Л. В. Чернец. – Москва : Высш. шк., 1999. – С. 115–132.

429. Чернухина И. Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста (факторы текстообразования) / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 206 с.
430. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 113, [1] с.
431. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика) / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 157 с.
432. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : Учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
433. Черняховская Л. А. Переводческая деятельность обретает собственный тезаурус / Л. А. Черняховская // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Вып. 23 / под ред. канд. филол. наук, проф. С. Ф. Гончаренко. – Москва : Высш. шк., 1989. – С. 167–169.
434. Чиговская Я. А. Категории ретроспекции и проспекции в русских научных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я. А. Чиговская ; [Перм. гос. ун-т]. – Пермь : [б. и.], 2001. – 22 с.
435. Чижевская М. И. Язык, речь и речевая характеристика (Вопросы изучения речи персонажа) / М. И. Чижевская. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 72 с.
436. Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания / А. С. Чикобава. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 180 с.
437. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования / А. А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во Алт. госун-та, 1995. – 126 с.
438. Чуковский К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский // Чуковский К. И. Собр. соч. в 6-ти тт. – Москва : Изд-во «Худож. лит.», 1966. – Т. 3. – С. 237–627.

439. Шабалина Л. И. Слово как средство эмоциональной окраски в сатире Н. А. Некрасова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Шабалина ; Тбилисск. гос. ун-т. – Тбилиси : Изд-во Тбилисск. ун-та, 1971. – 32 с.

440. Шадрин В. И. Параллельный текст как объект переводоведения / В. И. Шадрин // Университетское переводоведение. Вып. 6. Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 21–23 октября 2004 г. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 450–455.

441. Шалак В. И. Контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы / В. И. Шалак. – Москва : Омега-Л, 2004. – 272 с.

442. Шанский Н. М. Филологический анализ художественного текста : пособие для студ. филол. фак-ов пед. вузов / Н. М. Шанский, Ш. А. Махмудов. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1999. – 319 с.

443. Шатков Г. В. Стилистический анализ текста при переводе / Г. В. Шатков // Тетради переводчика. Вып. 16 / Под ред. Л. С. Бархударова. – Москва : Изд-во «Международные отношения», 1979. – С. 40–50.

444. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

445. Шаховский В. И. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода / В. И. Шаховский // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Вып. 23 / под ред. канд. филол. наук, проф. С. Ф. Гончаренко. – Москва : Высш. шк., 1989. – С. 74–83.

446. Шашкова Е. С. Влияние античного наследия на творчество Джона Мильтона (на материале ранней лирики и поэмы «Потерянный рай») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Шашкова ; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва : [б. и.], 2006. – 22 с.

447. Швейцер А. Д. Эквивалентность и адекватность перевода / А. Д. Швейцер // Тетради переводчика. Научно-теоретический сборник. Вып. 23 / под ред. канд. филол. наук, проф. С. Ф. Гончаренко. – Москва : Высш. шк., 1989. – С. 31–39.

448. Шильникова Л. Ф. Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ф. Шильникова ; Моск. гос. ун-т. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 23 с.

449. Ширяев Е. Н. Об одном типе смысловых связей в тексте // Текст и аспекты его рассмотрения. Тез. докладов и сообщений межвузовской научно-методической конференции (25–27 января 1977 г.) / Е. Н. Ширяев. – Москва : Университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1977. – С. 62–63.

450. Ширяев Е. Н. Картина речевых процессов и перевод / Е. Н. Ширяев // Перевод как лингвистическая проблема: Сб. ст. / Отв. ред. Н. К. Гарбовский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 3–12.

451. Шкурина Н. В. Функциональный аспект строевых единиц художественного текста (на примере рассказов Л. Добычина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шкурина ; СПбГУ. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2003. – 25 с.

452. Шутемова Н. В. Типологическая доминанта текста в теории поэтического перевода : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н. В. Шутемова ; Перм. гос. нац.-исслед. ун-т. – Пермь : [б. и.], 2012. – 42 с.

453. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – Москва : Учпедгиз, 1957. – С. 97–102.

454. Щербаков А. В. Градация как стилистическое явление : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Щербаков ; Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск : [б. и.], 2004. – 229 с.

455. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – Москва : Наука, 1974. – 256 с.
456. Эйдинова В. В. Стиль художника. Концепции стиля в литературной критике 20-х годов / В. В. Эйдинова. – Москва : Художественная литература, 1991. – 289, [1] с.
457. Эртнер Д. Е. Метафорический код поэтического текста: к проблеме интерпретации перевода : монография / Д. Е. Эртнер. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. – 204 с.
458. Юрочкина О. Н. Проблема взаимодействия текстовых категорий (на материале романа С. Моэма «Театр» и его перевода на русский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Юрочкина ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 24 с.
459. Язикова Ю. С. Особенности поэтического слова / Ю. С. Язикова // Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, литературы и языка. – 1963. – № 8. – С. 97–104.
460. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Роман Якобсон // Структурализм: «За» и «против»: Сб. ст. / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
461. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Роман Якобсон // Семиотика : [Сб. ст.] / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Радуга, 1983. – С. 462–482.
462. Якубинский Л. П. О поэтическом глоссемосочетании // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – Москва : Наука, 1986. – С. 189–194.
463. Ярцева В. Н. О роли переводов в истории литературных языков / В. Н. Ярцева // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. истории, литературы и языка. – 1980. – № 20. – С. 45–49.
464. Яхиббаева Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста / Л. М. Яхиббаева // Лингвокультурология.

Выпуск 2 / Гл. ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 184–188.

465. Яхнович Н. И. Пунктуация как средство ритмико-стилистической организации текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Яхнович ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1991. – 25 с.

466. Яшина Н. К. Лингвистика текста и перевод : монография / Н. К. Яшина. – Владимир : Изд-во ВлГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2013. – 116 с.

467. Al-Bustan S. A. Quality and Efficiency Factors in Translation / Suad Ahmed Al-Bustan ; Submitted for the Degree of Ph. D., Faculty of Arts, University of Glasgow. – Glasgow : [s. l.], 1993. – xii, 254 p.

468. An Essay on the Life and Works of John Milton. Together with the Imaginary Conversation between him and Abraham Cowley / by Lord Macaulay [Электронный ресурс]. – London : Alfred Thomas Crocker, 303 & 304, Strand, 1868. – 96, [1] p. – Архивный источник. – Режим доступа : <http://books.googleusercontent.com/books/content> (дата обращения: 04.01.2015).

469. Barthes R. Image. Music. Text / Roland Barthes ; Essays selected and translated by Stephen Heath. – London : FontanaPress, 1977. – 220 p.

470. Bassnett S. Translation Studies / Susan Bassnett. – London : Methuen & Co. Ltd, 1980 [Reprint. 1988, 1992, 1994, 1996, 1998, 2000, 2002]. – 176 p.

471. Beaugrande R.-A. Introduction to Text Linguistics / R.-A. Beaugrande, W. Dressler. – London ; New York : [Longman], 1981. – 270 p.

472. Briscoe T. Grammatical acquisition and linguistic selection / T. Briscoe // Linguistic Evolution through Language Acquisition / Ed. by Ted Briscoe ; University of Cambridge. – Cambridge University Press, 2002. – P. 255–300.

473. Bruce J. Infidelity and infection: the biblical nexus of false religion and contagious heterodoxy in Burton, Milton, Swift and Defoe : PhD thesis [Electronic resource] / John Bruce ; University of Glasgow. – Glasgow : [s. l.],

2000. – 243 p. – Mode of access: <http://theses.gla.ac.uk/5796/> (дата обращения: 05.01.2015)

474. Butler J. O. Name, place, and emotional space: themed semantics in literary onomastic research : PhD thesis [Electronic resource] / James Odelle Butler ; University of Glasgow. – Glasgow : [s. l.], 2013. – vi, 236 p. – Mode of access: <http://theses.gla.ac.uk/4165/> (дата обращения: 14.01.2015)

475. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics / John Cunnison Catford. – Oxford University Press, 1978. – 103 p.

476. Cook G. Applied Linguistics / Guy Cook. – Oxford University Press, 2010. – 134 p.

477. Coşeriu E. Falsche und richtige Fragestellungen in der Übersetzungstheorie / Eugenio Coşeriu // Theory and Practice of Translation / ed. by L. Grähs, G. Korlén, B. Malmberg. – Bern – Frankfurt am Main – Las Vegas, 1978. – P. 17–32.

478. Diekhoff J. S. Milton's "Paradise Lost": a Commentary on the Argument / J. S. Diekhoff. – New York : Humanities Press, 1963. – 161 pp.

479. Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik / Wolfgang Ullrich Dressler. – Tübingen : Niemeyer, 1972. – VIII, 135 p.

480. Eggins S. An Introduction to Systemic Functional Linguistics / Suzanne Eggins. – 2-nd ed. – New York – London : Continuum, 2004. – 384 p.

481. Enkvist N. E. Contrastive Text Linguistics and Translation / N. E. Enkvist // Theory and Practice of Translation / ed. by L. Grähs, G. Korlén, B. Malmberg. – Bern – Frankfurt am Main – Las Vegas, 1978. – P. 169–188.

482. Gajda R. Latynizacja w «Ognistym aniele» Walerego Briusowa / R. Gajda // Вісник Дніпропетровського університету ім. Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки. – 2014. – № 1 (7). – С. 187–200.

483. Galperin I. R. An Essay in Stylistic Analysis / I. R. Galperin. – Moscow : Higher School Publishing House, 1968. – 64 p.

484. Harald Baayen R. Word Frequency Distributions / R. Harald Baayen. – Dordrecht – Boston – London : Kluwer Academic Publishers, 2001. – xxii, 335, [3] p.

485. Hammer Preston C. Language, approximation, and extended topologies / Preston C. Hammer // Approaches in Linguistic Methodology / Ed. by Irmengard Rauch and Charles T. Scott. – Madison, Milwaukee, London : The University of Wisconsin Press, 1967. – P. 33–40.

486. Hatim B. Translation. An advanced resource book / Basil Hatim and Jeremy Munday. – L. – N.-Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. – 373 p.

487. Koller W. Äquivalenz in kontrastiver Linguistik und Übersetzungswissenschaft / Werner Koller // Theory and Practice of Translation / ed. by L. Grähs, G. Korlén, B. Malmberg. – Bern – Frankfurt am Main – Las Vegas, 1978. – P. 69–92.

488. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / Werner Koller. – Heidelberg – Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1979. – P. 186–191.

489. Lederer M. La traduction aujourd'hui: Le modèle interprétatif / M. Lederer. – Paris : Hachette-Livre, 1994. – 224 p.

490. Levý J. Translation as a decision process / J. Levý // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London – New York : Routledge, 2000. – P. 148–159.

491. Lubensky S. Seeking the Best of Both Worlds / S. Lubensky // Слово в тексте и в словаре : Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. : Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин; Сост. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 491–504.

492. Milton's Religious Verse // From Donne to Marvell : A series of essays on the literature and background of the early seventeenth century with an appendix of biographies and bibliographies for the writers discussed / Ed. by B. Ford. – Harmondsworth : Penguin Books Ltd., 1956. – P. 173–185. – [A Guide to English Literature. Vol. 3/6.]

493. Munday J. *Introducing Translation Studies. Theories and Applications*. Second edition / Jeremy Munday. – New York : [s. l.], 2008. – 236, [1] p.
494. Nabokov V. *Problems of translation: Onegin in English* / Vladimir Nabokov // *The Translation Studies Reader* / Ed. by L. Venuti. – London – New York : Routledge, 2000. – P. 115–127.
495. Nida E. *Principles of correspondence* / Eugene Nida // *The Translation Studies Reader* / Ed. by L. Venuti. – London – New York : Routledge, 2000. – P. 153–167.
496. Popovič A. The concept “shift of expression” in translation analysis / A. Popovič // *The Nature of Translation : Essays on the Theory and Practice of Literary Translation* / Ed. by J. S. Holmes. – The Hague and Paris : Mouton, 1970. – P. 78–87.
497. Reiss K. *Type, kind and individuality of text: decision making in translation* / Katharina Reiss // *The Translation Studies Reader* / Ed. by L. Venuti. – London – New York : Routledge, 2000. – P. 168–179.
498. SeBoyar G. F. *The Satirical Essay and the Controversial Essay // Outline of Literature (Part I)* / By Gerald F. SeBoyar, Ph. D. – New York – London : Funk & Wagnalls Company, 1929. – P. 117–124. – [Pocket Library of the World’s Essential Knowledge: Vol. VII.]
499. Swann A. ‘Nature’s coyn must not be hoarded’: Milton and the economics of salvation, 1634–1674 : PhD thesis [Electronic resource] / Adam Swann ; University of Glasgow. – Glasgow : [s. l.], 2014. – 243 p. – Mode of access: <http://theses.gla.ac.uk/4823/> (дата обращения: 15.01.2015)
500. Tarvi L. *Comparative Translation Assessment. Quantifying quality* / Ljuba Tarvi. – Helsinki : Faculty of Arts, 2004. – 270 p.
501. Vinay J.-P. *A Methodology for Translation* / J.-P. Vinay, J. Darbelnet ; Transl. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel // *The Translation Studies Reader* / Ed. by L. Venuti. – 2-nd ed. – London – New York : Routledge, 2000. – P. 128–137.

502. Wilss W. Methodische Probleme der Übersetzungswissenschaft / W. Wilss // Theory and Practice of Translation / ed. by L. Grähs, G. Korlén, B. Malmberg. – Bern – Frankfurt am Main – Las Vegas, 1978. – P. 51–64.

503. Yule G. The Study of Language / George Yule. – 3-rd ed. – Cambridge University Press, 2006. – 273, [5] p.

504. Zinukova N. V. Translation studies in multilingual societies: acquisition of translation skills / N. V. Zinukova // Вісник Дніпропетровського університету ім. Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки. – 2012. – № 2 (4). – С. 200–205.

Приложение А.

Текст элегии К. Марло “The Passionate Shepherd to His Love”
в оригинальном (ИТ) и переводных (РПТ-1, РПТ-2) вариантах
(с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)⁶⁶

ИТ

- The Passionate* ^{1.1.a1}Shepherd *to* ^{1.1.64}His ^{1.2.a1}Love
- 1 ^{1.2.r5}Ø Come live with ^{1.1.b4}me and ^{1.2.r5}Ø be ^{1.1.6'4}my ^{1.2.a'1}Love,
2 And ^{1.3.a4}we will all the pleasures prove
3 That hills and valleys, dale and field,
4 And all the craggy mountains yield.
- 5 There will ^{1.3.a4}we sit upon the rocks
6 And ^{1.3.r5}Ø see the shepherds feed their flocks,
7 By shallow rivers, to whose falls
8 Melodious birds sing madrigals.
- 9 There will ^{1.1.b4}I make ^{1.2.b4}thee a bed of roses
10 And ^{1.1.r5}Ø ^{1.2.r5}Ø a thousand fragrant posies.
11 ^{1.1.r5}Ø ^{1.2.r5}Ø A cap of flowers, and ^{1.1.r5}Ø ^{1.2.r5}Ø the kirtle,
12 ^{1.1.r5}Ø Embroider'd all with leaves of myrtle.
- 13 A gown ^{1.1.r5}Ø ^{1.2.r5}Ø made of the finest wool,
14 Which from ^{1.3.64}our pretty lambs ^{1.3.A}we pull,
15 Fair ^{1.1.r5}Ø ^{1.2.r5}Ø lined slippers for the cold,
16 With buckles of the purest gold.
- 17 ^{1.1.r5}Ø ^{1.2.r5}Ø A belt of straw and ivy buds
18 With coral clasps and amber studs:
19 And if these pleasures may ^{1.2.b4}thee move,
20 ^{1.2.r5}Ø Come live with ^{1.1.b4}me and ^{1.2.r5}Ø be ^{1.1.6'4}my ^{1.2.a'1}Love.
-
- 21 The shepherd swains shall dance and sing
22 For ^{1.2.d4}thy delight each May-morning:
23 If these delights ^{1.2.d4}thy mind may move,
24 Then ^{1.2.r5}Ø live with ^{1.1.b4}me and ^{1.2.r5}Ø be ^{1.1.6'4}my ^{1.2.a'1}Love.

⁶⁶ Тексты приведены по изд.: [Marlowe 1981; Марло 1977, 1981].

РПТ-1 (В. Рогов)

- Влюбленный* ^{1.1.a1}пастух – ^{1.1.б4}своей ^{1.2.a1}возлюбленной
- 1 О, ^{1.2.г5}Я стань ^{1.2.б3}возлюбленной ^{1.1.б'4}моей,
- 2 ^{1.2.г5}Я Живи со ^{1.1.в4}мною среди полей!
- 3 Всем наслаждаться будем ^{1.3.a4}мы,
- 4 Чем славны доли и холмы.
- 5 Увидишь ^{1.2.в4}ты со ^{1.1.в4}мною тогда,
- 6 Как пастухи пасут стада
- 7 У мелких речек, возле скал,
- 8 Где слышен птичий мадригал.
- 9 Постель из роз ^{1.2.в4}тебе ^{1.1.г5}Я сложу,
- 10 Букетов тысячу ^{1.1.г5}Я ^{1.2.г5}Я свяжу,
- 11 ^{1.1.г5}Я ^{1.2.г5}Я Сплету передник из травы
- 12 С узором миртовой листвы.
- 13 Тончайшей шерсти на наряд
- 14 ^{1.2.в4}Тебе овечки подарят.
- 15 ^{1.1.г5}Я Дам башмачки ^{1.2.в4}тебе зимой,
- 16 К ним – ^{1.1.г5}Я ^{1.2.г5}Я по застежке золотой.
- 17 Еще ^{1.2.в4}тебе ^{1.1.в4}я приберег
- 18 С янтарной пряжкой поясок.
- 19 Коль мило то душе ^{1.2.д4}твоей,
- 20 То ^{1.2.г5}Я стань ^{1.2.б3}возлюбленной ^{1.1.б'4}моей.
- 21 ^{1.2.в4}Тебе в погожие деньки
- 22 Споют и спляшут пастушки.
- 23 Коль есть отрада в жизни сей,
- 24 То ^{1.2.г5}Я стань ^{1.2.б3}возлюбленной ^{1.1.б'4}моей.

РПТ-2 (И. Жданов)

Страстный ^{1.1.а1}пастух – ^{1.1.б4}своей ^{1.2.а1}возлюбленной

- 1 ^{1.2.г5}Ø Приди, ^{1.2.б2}любимая ^{1.1.б'4}МОЯ!
 2 С ^{1.2.в4}тобой вкушу блаженство ^{1.1.в4}я.
 3 Открыты ^{1.3.а4}нам полей простор,
 4 Леса, долины, кручи гор.
- 5 ^{1.3.а4}Мы сядем у прибрежных скал,
 6 Где птицы дивный мадригал
 7 Слагают в честь уснувших вод
 8 И где пастух стада пасет.
- 9 ^{1.2.г5}Ø Приди! ^{1.1.в4}я плащ украшу ^{1.2.д4}твой
 10 Зеленой миртовой листвою,
 11 Цветы вплету ^{1.1.в4}я ^{1.2.г5}Ø в шелк волос
 12 И ложе ^{1.1.г5}Ø ^{1.2.г5}Ø сделаю из роз.
- 13 Тончайший ^{1.1.в4}я сотку наряд
 14 Из шерсти маленьких ягнят.
 15 ^{1.1.г5}Ø Зажгу на башмаках ^{1.2.д4}твоих
 16 Огонь застежек золотых.
- 17 ^{1.1.г5}Ø ^{1.2.г5}Ø Дам пояс мягкий из плюща,
 18 ^{1.1.г5}Ø Янтарь для пуговиц плаща.
 19 С ^{1.2.в4}тобой познаю счастье ^{1.1.в4}я,
 20 ^{1.2.г5}Ø Приди, ^{1.2.б2}любимая ^{1.1.б'4}МОЯ!

 21 Для ^{1.3.а4}нас весною у реки
 22 Споят и спляшут пастушки.
 23 Волненье сердца ^{1.2.г5}Ø не тая,
 24 ^{1.2.г5}Ø Приди, ^{1.2.б2}любимая ^{1.1.б'4}МОЯ!

Кодировочная инструкция к приложению А

1.1 – адресант (пастух)	1.2 – адресат (возлюбленная)	1.3 – «мы»
а₁ – <i>Shepherd; пастух</i>	а₁ – <i>His (а'1 My) Love; своей (а'1 моей) возлюбленной</i>	а₄ – <i>we; мы, нас</i>
б₄ – <i>his; своей / б'4 моей</i>	б₂ – <i>любимая</i>	б₄ – <i>our</i>
в₄ – <i>I, me; я, мной</i>	в₄ – <i>thee; тебе</i>	
г₅ – Ø	г₅ – Ø	г₅ – Ø
	д₄ – <i>thy; твой, твоих</i>	

**Таблицы приложения А. Расчет контента для малого лирического текста
(элегии Марло “The Passionate Shepherd to His Love”)⁶⁷**

Таблица А.1.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1) в русском (РПТ-1, пер. В. Рогова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)		(3)	(4)	(5)	(6)	(7)		(8)			(9)	(10)	(11)		(12)		(13)
Русский (РПТ-1)	a ₁	б ₄	+	б' ₄	в ₄	в ₄	г ₅	г ₅	–	г ₅	–	–	г ₅	г ₅	в ₄	–	б' ₄	–	б' ₄
Английский (ИТ)	a ₁	б ₄	в ₄	б' ₄	+	–	в ₄	г ₅	г ₅	г ₅	г ₅	г ₅	г ₅	–	г ₅	в ₄	б' ₄	в ₄	б' ₄
ИИ набора	1	1		1	1	0	0	1		1			1	0	0		1		1
ИИ комбинаторики	1	0,5		0,5	0,5	0	0,5	0,5		1			1	0	0,5		0,5		0
ИИ размещения	1	0		0	1	0	1	1		0			0	0	0		0		0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+0+0+1+1+1+0+0+1+1}{13} = \frac{9}{13} \approx 0,6923$ (69,23%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+0,5+0,5+0+0,5+0,5+1+1+0+0,5+0,5+0}{13} = \frac{6,5}{13} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+0+1+0+1+1+0+0+0+0+0+0}{13} = \frac{4}{13} \approx 0,3077$ (30,77%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{9/13+6,5/13+4/13}{3} = \frac{19,5}{39} = 0,5$ (50%).

⁶⁷ Таблицы пронумерованы в соответствии с номерами тематических цепочек, в скобках указывается номер РПТ (1 или 2).

Таблица А.1.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1) в русском (РПТ-2, пер. И. Жданова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)		(3)	(4)	(5)			(6)		(7)		(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)		(14)
Русский (РПТ-2)	a ₁	б ₄	+	б' ₄	в ₄	в ₄	+++	–	в ₄	–	г ₅	++	в ₄	г ₅	г ₅	г ₅	в ₄	б' ₄	–	б' ₄
Английский (ИТ)	a ₁	б ₄	в ₄	б' ₄	+	++	в ₄	г ₅	г ₅	г ₅	+++	г ₅	г ₅	г ₅	г ₅	–	в ₄	б' ₄	в ₄	б' ₄
ИИ набора	1	1		1	1	0			0		0		0	1	1	0	1	1		1
ИИ комбинаторики	1	0,5		0,5	0,5	0			0,5		0		1	0,5	0,5	0	1	0,5		0
ИИ размещения	1	0		0	0	1			0		1		1	0	1	0	0	0		0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе). Второе подобное соответствие обозначено ++ (двойным плюсом), третье +++ (тройным плюсом).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+0+0+0+0+1+1+0+1+1+1}{14} = \frac{9}{14} \approx 0,6429$ (64,29%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+0,5+0,5+0+0,5+0+1+0,5+0,5+0+1+0,5+0}{14} = \frac{6,5}{14} \approx 0,4642$ (46,42%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+0+0+1+0+1+1+0+1+0+0+0+0}{14} = \frac{5}{14} \approx 0,3571$ (35,71%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{9/14 + 6,5/14 + 5/14}{3} = \frac{20,5}{42} \approx 0,4880$ (48,8%).

Таблица А.1.2 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.2) в русском (РПТ-1, пер. В. Рогова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)					
Русский (РПТ-1)	a ₁	+	Г ₅	б ₃	Г ₅	В ₄	В ₄	Г ₅	–	Г ₅	В ₄	В ₄	Г ₅	В ₄	Д ₄	–	Г ₅	б ₃	В ₄	–	–	Г ₅	б ₃
Английский (ИТ)	a ₁	Г ₅	Г ₅	б ₃	+	–	В ₄	Г ₅	Г ₅	Г ₅	Г ₅	–	Г ₅	В ₄	Г ₅	Г ₅	б ₃	Д ₄	Д ₄	Д ₄	Г ₅	б ₃	
ИИ набора	1		1	1	1	0	1	1		1	0	0	0	0	0		1	1	0			1	1
ИИ комбинаторики	1		0,5	0,5	0	0	0,5	1		0,5	0,5	0,5	0	0,5	0,5		0,5	0,5	0,5			0,5	1
ИИ размещения	1		1	0	1	0	1	1		0	0	1	0	1	0		1	0	0			1	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+0+1+1+1+0+0+0+0+0+1+1+0+1+1}{18} = \frac{11}{18} \approx 0,6111$ (61,11%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+0,5+0+0+0,5+1+0,5+0,5+0,5+0+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+1}{18} = \frac{9}{18} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+0+1+0+1+1+0+0+1+0+1+0+1+0+0+1+0}{18} = \frac{9}{18} = 0,5$ (50%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{11/18+9/18+9/18}{3} = \frac{29}{54} \approx 0,5370$ (53,7%).

Таблица А.1.2 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.2) в русском (РПТ-2, пер. И. Жданова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)		(3)	(4)	(5)		(6)		(7)		(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)		(15)		(16)	(17)		(18)
Русский (РПТ-2)	a ₁	Г ₅	–	б ₂	В ₄	Г ₅	+	Д ₄	–	Г ₅	–	Г ₅	Г ₅	Д ₄	Г ₅	Г ₅	В ₄	Г ₅	–	б ₂	–	Г ₅	Г ₅	–	б ₂
Английский (ИТ)	a ₁	Г ₅	Г ₅	б ₃	–	–	В ₄	–	Г ₅	Г ₅	Г ₅	+	Г ₅	Г ₅	Г ₅	–	В ₄	Г ₅	Г ₅	б ₃	Д ₄	Д ₄	Г ₅	Г ₅	б ₃
ИИ набора	1	1		0	0	0		0		1		0	1	0	1	0	1	1		0		0	1		0
ИИ комбинаторики	1	0,5		1	0	0		0		0,5		0,5	0,5	1	0	0	1	0,5		0,5		0,5	0,5		1
ИИ размещения	1	1		0	0	0		0		0		0	1	0	1	0	1	1		0		1	0		0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+0+0+0+0+0+1+0+1+0+1+0+1+1+0+0+1+0}{18} = \frac{8}{18} \approx 0,4444$ (44,44%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+1+0+0+0+0+0,5+0,5+0,5+1+0+0+1+0,5+0,5+0,5+0,5+1}{18} = \frac{9}{18} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+0+0+0+0+0+0+0+1+0+1+0+1+1+0+1+0+0}{18} = \frac{7}{18} \approx 0,3889$ (38,89%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{8/18+9/18+7/18}{3} = \frac{24}{54} \approx 0,4444$ (44,44%).

Таблица А.1.3 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.3 – «мы») в русском (РПТ-1, пер. В. Рогова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)				
Русский (РПТ-1)	a ₄	–	–	–	–
Английский (ИТ)	a ₄	a ₄	Г ₅	б ₄	a ₄
ИИ набора	1				
ИИ комбинаторики	0				
ИИ размещения	0				

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 0 (0%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 0 (0%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{1+0+0}{3} = \frac{1}{3} \approx 0,3333$ (33,33%).

Таблица А.1.3 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.3 – «мы») в русском (РПТ-2, пер. И. Жданова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)				(3)
Русский (РПТ-2)	а ₄	а ₄	–	–	–	а ₄
Английский (ИТ)	а ₄	а ₄	Г ₅	б ₄	а ₄	–
ИИ набора	1	1				0
ИИ комбинаторики	1	0,5				0
ИИ размещения	1	0				0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как равная $\frac{1+1+0}{3} = \frac{2}{3} \approx 0,6667$ (66,67%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная $\frac{1+0,5+0}{3} = \frac{1,5}{3} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная $\frac{1+0+0}{3} = \frac{1}{3} \approx 0,3333$ (33,33%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{2/3+1,5/3+1/3}{3} = \frac{4,5}{9} = 0,5$ (50%).

**Приложение Б. Композиционный блок вступления
в идентифицируемых вариантах «Потерянного Рая»
(с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)**

Б.1. Кодировка темы

Кодировочная инструкция:

- 1.1 – тем. цепочка «Высшего» нарратора (Муза, Господь, Св. Дух)
- 1.2 – тематическая цепочка поэта
- 1.3 – тематическая цепочка Сатаны
- 1.4 – тематическая цепочка Падших духов
- 1.5 – тематическая цепочка Вельзевула
- 2.1 – предметно-событийная цепочка
- 2.2 – предметно-персонажная цепочка

Буква после кода цепочки передает порядок появления номинации в тексте.

Цифра после буквы соответствует структурному типу номинации: 1 – базовая, 2 – лексически новая по отношению к базовой, 3 – трансформ базовой либо лексически новой номинации, 4 – субститут (местоименная замена) базовой номинации, 5 – «нулевая» номинация [см.: Бортников 2012].

Строки (стихи) в тексте приложения воспроизведены в точности по изданиям [Paradise Lost 1730; Потерянный Рай 1777; Мильтон 1976].

Вариант исходного текста (ИТ)

Milton J.

PARADISE LOST

First Book

The Argument

The First Book proposes, first in brief, the whole subject, Man's disobedience, and the loss thereupon of Paradise, wherein he was placed: then touches the prime cause of his fall, the Serpent, or rather Satan in the Serpent; who, revolting from God, and drawing to his side many legions of Angels, was, by the command of God, driven out of Heaven, with all his crew, into the great Deep. Which action passed over, the Poem hastes into the midst of things; presenting Satan, with his Angels, now fallen into Hell-described here not in the Centre (for heaven and earth may be supposed as yet not made, certainly not yet accursed), but in a place of utter darkness, fitliest called Chaos. Here Satan, with his Angels lying on the burning lake, thunderstruck and astonished after a certain space recovers, as from confusion; calls up him who, next in order and dignity, lay by him: they confer of their miserable fall. Satan awakens all his legions, who lay till then in the same manner confounded. They rise: their numbers; array of battle; their chief leaders named, according to the idols known afterwards in Canaan and the countries adjoining. To these Satan directs his speech; comforts them with hope yet of regaining Heaven; but tells them, lastly, of a new world and new kind of creature to be created, according to an ancient prophecy, or report, in Heaven – for that Angels were long before this visible creation was the opinion of many ancient Fathers. To find out the truth of this prophecy, and what to determine thereon, he refers to a full council. What his associates thence attempt. Pandemonium, the palace of Satan, rises, suddenly built out of the Deep: the infernal Peers there sit in council.

Of ^{2.2.a1}Man's first ^{2.1.a2}disobedience, and the fruit
 Of that forbidden tree whose mortal ^{2.1.62}taste
 Brought ^{2.1.B2}death into the World, and all ^{2.2.B4}our ^{2.1.B2}woe,
 With ^{2.2.65}Ø ^{2.1.π1}loss of Eden, till ^{1.1.a''2}one greater Man
 5 ^{2.1.e3}Restore ^{2.2.B4}us, and ^{1.1.6''5}Ø ^{2.1.e1}regain the blissful Seat,
 Sing, Heav'nly ^{1.1.B1}Muse, ^{1.1.r4}that, on the secret top
 Of Oreb, or of Sinai, didst inspire
 That Shepherd who first taught the chosen ^{2.2.B4}seed
 In the beginning how the heavens and earth
 10 Rose out of Chaos: or, if Sion hill
 Delight ^{1.1.π4}thee more, and Siloa's brook that flowed
 Fast by the oracle of ^{1.1.a''2}God; ^{1.2.π1}I thence
 Invoke ^{1.1.π4}thy aid to ^{1.2.64}my adventurous ^{1.2.B'2}song,
^{1.2.r'4}That with no middle flight intends to soar
 15 Above the Aonian mount, while ^{1.2.e'4}it pursues
 Things ^{1.2.a5}Ø unattempted yet in prose or rhyme.
 And chiefly ^{1.1.π'4}Thou, ^{1.1.e'2}O Spirit, ^{1.1.r'4}that dost prefer
 Before all temples th' upright heart and pure,
 Instruct ^{1.2.π1}me, for ^{1.1.π'4}Thou knowst; ^{1.1.π'4}Thou from the first
 20 Wast present, and, with mighty wings outspread,
 Dove-like ^{1.1.6'5}Ø sat'st ^{1.1.6'5}Ø brooding on the vast Abyss,
 And ^{1.1.6'5}Ø mad'st it pregnant: what in ^{1.2.π1}me is dark
^{1.1.6'5}Ø illumine, what is low ^{1.2.a5}Ø ^{1.1.6'5}Ø raise and ^{1.2.a5}Ø ^{1.1.6'5}Ø support;
 That, to the highth of this great argument,
 25 ^{1.2.π1}I may assert Eternal ^{1.1.ж''2}Providence,
 And ^{1.2.a5}Ø justify the ways of ^{1.1.3''2}God to ^{2.2.a1}men.

П Ъ С Н Ъ П Е Р Ъ В А Я .

1 Перъвое ^{2.1.a2}преслушаніе ^{2.2.a1}человѣка, и плодъ онаго
запрещеннаго древа, котораго ^{2.2.65}Ø тлетвор-
ное ^{2.1.62}вкушеніе внесло ^{2.1.в2}смерть во мѣрь, и всѣ
^{2.2.в4}наши ^{2.1.г2}бѣдствія, со ^{2.2.65}Ø ^{2.1.д1}потеряніемъ Едема,
5 дондеже ^{1.1.a'3}Богочеловѣкъ, ^{1.1.б'5}Ø ^{2.1.е3}возставивъ ^{2.2.в4}насъ, ^{2.1.е1}возвра-
тилъ ^{2.2.65}Ø блаженное жилище, воспой небесная ^{1.1.в1}Муза,
^{1.1.г4}яже на священномъ верхѣ Хорива или Синая во-
дохновила онаго пастыря, который перъвый на-
училь избранное ^{2.2.г2}семя, како въ началѣ небо и
10 земля возникли изъ бездны: или, естли паче
угодень ^{1.1.д4}тебѣ Сїонскій холмъ и ^{1.1.65}Ø Силоамскій потокъ
протекавшій близъ прорекалища ^{1.1.a'3}божія; оттолъ
^{1.2.a5}Ø призываю ^{1.1.д4}тя въ помощь ^{1.2.64}моей дерзновенной ^{1.2.в'2}пѣ-
сни, ^{1.2.г'4}которая необычайнымъ полетомъ устрем-
ляется

15 лается воспарить превыше Аонійскія горы, ^{1.2.a'5}Ø предприе-
мля дѣла ^{1.2.a'5}Ø неприкосновенныя понынѣ ни воль-
нымъ ни во стопы заключеннымъ слогомъ.

Но наипаче ^{1.1.д'4}Ты, ^{1.1.e'2}о Душе! ^{1.1.г'4}иже всѣмъ храмамъ
предпочитаеши правое и чистое сердце, вразуми
20 ^{1.2.д'1}мя; ибо ^{1.1.д'4}ты вѣси; ^{1.1.д'4}ты исперва былъ присушь,
и наподобіе голубя ^{1.1.б'5}Ø разпростерши могущественныя
крила ^{1.1.б'5}Ø носился надъ неизмѣримой бездною, ^{1.1.б'5}Ø согрѣ-
вая оную, и ^{1.1.б'5}Ø творя многоплодну: ^{1.1.б'5}Ø просвѣти мракъ
души ^{1.2.б'4}моея, ^{1.1.б'5}Ø возвыси ^{1.2.б'4}мой niskій талантъ и ^{1.1.б'5}Ø поддер-
25 жи ^{1.2.a'5}Ø; да по достоинству сего великаго вещесловія
^{1.2.a'5}Ø возмогу защитить ^{1.1.ж'2}вѣчное провидѣніе, и ^{1.1.б'5}Ø оправ-
дишь пути ^{1.1.з'2}Господни предъ ^{2.2.a'1}человѣки.

Вариант переведенного текста 1976 г. (ПТ-1976)

Книга первая

СОДЕРЖАНИЕ

Книга Первая сначала излагает вкратце тему произведения: преслушание Человека, вследствие чего он утратил Рай – обиталище своё; затем указывается причина падения: Змий, вернее – Сатана в облике Змия, восставший против Бога, вовлек в мятеж бесчисленные легионы Ангелов, но был по Божьему повелению низринут с Небес вместе со всеми полчищами бунтовщиков в Преисподнюю. Упомянув об этих событиях, поэма незамедлительно переходит к основному действию, представляя Сатану и его Ангелов в Аду. Следует описание Ада, размещающегося отнюдь не в центре Земли (небо и Земля, предположительно, еще не сотворены, и следовательно, над ними еще не тяготеет проклятье), но в области тьмы кромешной, точнее – Хаоса. Сатана со своими Ангелами лежит в кипящем озере, униженный, поверженный, но вскоре, очнувшись от потрясения, призывает соратника, первого после себя по рангу и достоинству. Они беседуют о несчастном положении своем. Сатана пробуждает все легионы, до сих пор так же находившиеся в оцепенении и беспамятстве. Неисчислимы, они подымаются, строятся в боевые порядки; главные их вожди носят имена идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседствующих странах. Сатана обращается к соратникам, утешает их надеждою на отвоевание Небес и сообщает о новом мире и новом роде существ, которые, как гласят старинные пророчества и предания Небесного Царства, должны быть сотворены; Ангелы же, согласно мнению многих древних Отцов, созданы задолго до появления видимых существ. Дабы обмыслить это пророчество и определить дальнейшие действия, Сатана повелевает собрать общий совет. Соратники соглашаются с ним. Из бездны мрака возникает Пандемониум – чертог Сатаны. Адские вельможи восседают там и совещаются.

- 1 О первом ^{2.1.a2}преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что ^{2.1.b2}смерть принёс
И все ^{2.1.g2}невзгоды ^{2.2.v4}наши в этот мир,
^{2.2.a1}Людей ^{2.1.d1}лишил Эдема, до поры,
5 Когда ^{2.2.v4}нас ^{1.1.a"2}Величайший Человек
^{2.1.e3}Восставил, Рай блаженный ^{2.2.v4}нам ^{2.1.e1}вернул, –
Пой, ^{1.1.v1}Муза горняя! ^{1.1.65}О Сойди с вершин
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был ^{1.1.d4}тобою пастырь вдохновлён,
10 Начально поучавший свой ^{2.2.g3}народ
Возникновенью Неба и Земли

- Из Хаоса; когда ^{1.1.д'4}тебе милей
 Сионский холм и Силоамский Ключ,
 Глаголов ^{1.1.а''2}Божьих область, – ^{1.2.д'1}я зову
 15 ^{1.1.д'4}Тебя оттуда в помощь; ^{1.2.в'2}песнь ^{1.2.б'4}моя
 Отважилась взлететь над Геликоном,
 К возвышенным предметам ^{1.2.а'5}О устремясь,
^{1.2.а'5}О Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.
- Но прежде ^{1.1.д'4}ты, о ^{1.1.е'2}Дух Святой! – ^{1.1.д'4}ты храмам
 20 Предпочитаешь чистые сердца, –
 Наставь ^{1.2.д'1}меня всеведеньем ^{1.1.д'4}твоим!
^{1.1.д'4}ты, словно голубь, искони парил
 Над бездною, ^{1.1.б'5}О плодотворя ее;
^{1.1.б'5}О Исполни светом тьму ^{1.2.б'4}мою, ^{1.1.б'5}О возвысь
 25 Всё брненное во ^{1.2.д'1}мне, дабы ^{1.2.д'1}я смог
 Решающие доводы найти
 И ^{1.2.а'5}О благость ^{1.1.ж'2}Провиденья доказать,
 Пути ^{1.1.з'2}Творца пред ^{2.2.а'2}тварью ^{1.2.а'5}О оправдав.

Б.2 – Б.3. Кодировка хронотопа и тональности

Кодировочная инструкция:

Обозначения в коде / Категории	Первые две цифры	Буква	Последняя цифра (цифры)
Хронотоп	1.1 – ядро, 1.2 – приядерная зона, 2.1 – ближайшая периферия, 2.2 – дальнейшая периферия	Л – локативность (текстовое пространство), Т – темпоральность (текстовое время)	1 – герой, 2 – событие, 0 – ни то, ни другое + 1 – точечное 2 – векторное (20 – непрерывное, 21 – прерывное)
Тональность		Э – тональность	1 – эмотив 2 – интенсив 3 – деонтив 0 – композитив

В случае «разрыва» другими компонентами маркера ТК перед второй его частью код дублируется с прибавлением символа + («плюс»).

Строки (стихи) в тексте приложения воспроизведены в точности по изданиям [Paradise Lost 1730; Потерянный Рай 1777; Мильтон 1976].

Вариант исходного текста (ИТ)

Milton J.

PARADISE LOST

First Book

The Argument

The First Book proposes, first in brief, the whole subject, Man's disobedience, and the loss thereupon of Paradise, wherein he was placed: then touches the prime cause of his fall, the Serpent, or rather Satan in the Serpent; who, revolting from God, and drawing to his side many legions of Angels, was, by the command of God, driven out of Heaven, with all his crew, into the great Deep. Which action passed over, the Poem hastes into the midst of things; presenting Satan, with his Angels, now fallen into Hell-described here not in the Centre (for heaven and earth may be supposed as yet not made, certainly not yet accursed), but in a place of utter darkness, fitliest called Chaos. Here Satan, with his Angels lying on the burning lake, thunderstruck and astonished after a certain space recovers, as from confusion; calls up him who, next in order and dignity, lay by him: they confer of their miserable fall. Satan awakens all his legions, who lay till then in the same manner confounded. They rise: their numbers; array of battle; their chief leaders named, according to the idols known afterwards in Canaan and the countries adjoining. To these Satan directs his speech; comforts them with hope yet of regaining Heaven; but tells them, lastly, of a new world and new kind of creature to be created, according to an ancient prophecy, or report, in Heaven – for that Angels were long before this visible creation was the opinion of many ancient Fathers. To find out the truth of this prophecy, and what to determine thereon, he refers to a full council. What his associates thence attempt. Pandemonium, the palace of Satan, rises, suddenly built out of the Deep: the infernal Peers there sit in council.

Of Man's ^{1.2.T11}first ^{2.1.᠑0}disobedience, and the fruit
 Of that forbidden ^{1.2.J101}tree whose mortal taste
^{2.2.J122}Brought death ^{1.1.J121}into the World, and all our ^{1.1.᠑1}woe,
 With ^{2.1.᠑0}loss of ^{1.1.J111}Eden, ^{2.2.T21}till one greater Man
 5 ^{2.1.᠑0}Restore us, and ^{2.1.᠑0}regain the ^{2.1.᠑2}blissful ^{1.1.J111}Seat,
 Sing, ^{1.1.J111}Heav'nly Muse, that, ^{1.1.J111}on the secret top
 Of Oreb, or ^{1.1.J111}of Sinai, didst inspire
 That Shepherd who ^{1.2.J121}first taught the ^{2.1.᠑2}chosen seed
^{1.1.T22}In the beginning how the ^{1.1.J101}heavens and ^{1.1.J101}earth
 10 Rose ^{1.1.J101}out of Chaos: or, if ^{1.1.J111}Sion hill
^{1.1.᠑1}Delight thee more, and ^{1.1.J111}Siloa's brook that ^{1.1.J120}flowed
 Fast ^{1.2.J111}by the oracle of God; I ^{2.2.J111}thence
 Invoke thy aid to my ^{2.1.᠑1}adventurous song,
 That with no ^{2.2.J111}middle ^{2.2.J120}flight ^{2.2.J120}intends to ^{2.2.J120}soar
 15 ^{1.1.J111}Above the Aonian mount, while it pursues
 Things ^{2.2.J120}unattempted ^{2.2.T020}yet in prose or rhyme.
 And chiefly Thou, O Spirit, that dost prefer
 Before all ^{1.2.J101}temples th' ^{2.1.᠑3}upright ^{2.1.J111}heart and ^{2.1.᠑3}pure,
 Instruct me, for Thou knowst; Thou ^{1.2.T11}from the first
 20 ^{1.2.T11}Wast present, and, with ^{2.1.᠑2}mighty ^{2.2.J120}wings ^{2.2.J120}outspread,
 Dove-like sat'st brooding ^{1.1.J101}on the vast Abyss,
 And mad'st it pregnant: what ^{2.1.J111}in me is ^{2.1.᠑2}dark
^{2.2.᠑3}Illumine, what is ^{2.1.J111}low ^{2.2.J112;2.2.᠑3}raise and ^{2.2.᠑3}support;
 That, to the ^{2.1.᠑2}highth of this ^{2.1.᠑2}great argument,
 25 I may assert ^{2.1.T120}Eternal Providence,
 And justify the ^{2.1.J120}ways of God to men.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

1 ^{1.2.Т11}Первое ^{2.1.Э0}преслушаніе челоуѣка, и плодъ онаго
запрещеннаго ^{1.2.Л01}древа, котораго тлетвор-
ное вкушеніе ^{2.2.Л22}внесло смерть ^{1.1.Л21}во мѣрь, и всѣ
наши ^{2.1.Э1}бѣдствія, со ^{2.1.Э0}потерянїемъ ^{1.1.Л11}Едема,
5 ^{2.2.Т21}дондеже Богочеловѣкъ, ^{2.1.Э0}возставивъ насъ, ^{2.1.Э0}возвра-
тилъ ^{2.1.Э2}блаженное ^{1.2.Л11}жилище, воспой ^{1.1.Л11}небесная Муза,
яже ^{1.1.Л11}на ^{2.1.Э2}священномъ ^{+1.1.Л11}верхѣ Хорива или ^{1.1.Л11}Синая во-
дохновила онаго пастыря, который ^{1.2.Т21}первый на-
училъ ^{2.1.Э1}избранное семя, како ^{1.1.Т22}въ началѣ ^{1.1.Л01}небо и
10 ^{1.1.Л01}земля ^{2.2.Т21}возникли ^{1.1.Л01}изъ бездны: или, естли паче
^{2.1.Э2}угодень тебѣ ^{1.1.Л11}Сїонскій холмъ и ^{1.1.Л11}Силоамскій потокъ
^{2.2.Л120}протекавшій ^{1.2.Л11}близъ прорекалища божія; ^{2.2.Л11}оттолѣ
призываю тя въ помощь моей ^{2.1.Э1}дерзновенной пѣ-
сни, которая ^{2.1.Э2}необычайнымъ ^{2.2.ЛТ120}полетомъ ^{2.2.ЛТ120}устрем-
ляется

15 ляется ^{2.2.Л120}воспарить ^{1.1.Л11}превыше Аонійскія горы, предприе-
мля дѣла ^{2.2.ЛГ020}неприкосновенныя ^{2.2.Т020}понынѣ ни воль-
нымъ ни во стопы заключеннымъ слогомъ.

Но наипаче Ты, о Душе! иже всѣмъ ^{1.2.Л01}храмамъ
предпочитаеши ^{2.1.Э3}правое и ^{2.1.Э3}чистое ^{2.1.Л11}сердце, вразуми
20 мя; ибо ты вѣси; ты ^{1.2.Т11}исперва ^{1.2.Т11}быль присушь,
и наподобіе голубя ^{2.2.Л120}разпростерши ^{2.1.Э2}могущественныя
^{2.2.Л120}крила носился ^{1.1.Л01}надъ неизмѣримой бездною, согрѣ-
вая оную, и творя многоплодну: ^{2.2.Э3}просвѣти ^{1.1.Э2}мракъ
^{2.1.Л11}души моя, ^{2.2.Л12;2.2Э3}возвыси мой ^{2.1.Л11;2.1Э2}нискій талантъ и поддер-
25 жи ^{2.2.Э3}; да по ^{2.1.Э2}достоинству сего ^{2.1.Э2}великаго вещесловія
возмогу защитить ^{2.1.Т120}вѣчное провидѣніе, и оправ-
дишь ^{2.1.Л120}пути Господни предъ челоуѣки.

Вариант переведенного текста 1976 г. (ПТ-1976)

Книга первая

СОДЕРЖАНИЕ

Книга Первая сначала излагает вкратце тему произведения: преслушание Человека, вследствие чего он утратил Рай – обиталище своё; затем указывается причина падения: Змий, вернее – Сатана в облике Змия, восставший против Бога, вовлек в мятеж бесчисленные легионы Ангелов, но был по Божьему повелению низринут с Небес вместе со всеми полчищами бунтовщиков в Преисподнюю. Упомянув об этих событиях, поэма незамедлительно переходит к основному действию, представляя Сатану и его Ангелов в Аду. Следует описание Ада, размещающегося отнюдь не в центре Земли (небо и Земля, предположительно, еще не сотворены, и следовательно, над ними еще не тяготеет проклятье), но в области тьмы кромешной, точнее – Хаоса. Сатана со своими Ангелами лежит в кипящем озере, униженный, поверженный, но вскоре, очнувшись от потрясения, призывает соратника, первого после себя по рангу и достоинству. Они беседуют о несчастном положении своем. Сатана пробуждает все легионы, до сих пор так же находившиеся в оцепенении и беспамятстве. Неисчислимы, они подымаются, строятся в боевые порядки; главные их вожди носят имена идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседствующих странах. Сатана обращается к соратникам, утешает их надеждою на отвоевание Небес и сообщает о новом мире и новом роде существ, которые, как гласят старинные пророчества и предания Небесного Царства, должны быть сотворены; Ангелы же, согласно мнению многих древних Отцов, созданы задолго до появления видимых существ. Дабы обмыслить это пророчество и определить дальнейшие действия, Сатана повелевает собрать общий совет. Соратники соглашаются с ним. Из бездны мрака возникает Пандемониум – чертог Сатаны. Адские вельможи восседают там и совещаются.

- 1 О ^{1.2.Т11}первом ^{2.1.Э0}преслушанье, о плоде
Запретном, ^{2.1.Э2}пагубном, что смерть ^{2.2.Л22}принёс
И все ^{2.1.Э1}невзгоды наши ^{1.1.Л21}в этот ^{+1.1.Л21}мир,
Людей ^{2.2.Э3}лишил ^{1.1.Л11}Эдема, ^{2.2.Т21}до поры,
5 ^{+2.2.Т21}Когда нас Величайший Человек
^{2.1.Э0}Восставил, ^{1.1.Л11}Рай ^{2.1.Э2}блаженный нам ^{2.1.Э0}вернул, –
Пой, Муза ^{1.1.Л11}горняя! Соуди с ^{1.1.Л11}вершин
Таинственных ^{1.1.Л11}Синая иль ^{1.1.Л11}Хорива,
^{2.2.Л11}Где был тобою пастырь вдохновлён,
10 ^{1.1.Т22}Начально поучавший свой народ
Возникновенью ^{1.1.Л01}Неба и ^{1.1.Л01}Земли

- 1.1..Л01 Из Хаоса; когда тебе ^{2.1.Э2}милей
1.1..Л11 Сионский холм и ^{1.1..Л11}Силоамский Ключ,
Глаголов Божьих ^{1.2..Л11}область, – я зову
15 Тебя ^{2.2..Л11}оттуда в помощь; песнь моя
^{2.2.Э3}Отважилась ^{2.2..ЛТ120}взлететь ^{1.1..Л11}над Геликоном,
К ^{2.2..Л11}возвышенным предметам устремясь,
^{2.2..ЛТ120}Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.
- Но прежде ты, о Дух Святой! – ты ^{1.2..Л01}храмам
20 Предпочитаешь ^{2.1.Э3}чистые ^{2.1..Л11}сердца, –
Наставь меня ^{2.1.Э1}всеведеньем твоим!
Ты, словно голубь, ^{1.2..Т11}искони парил
^{1.1..Л01}Над бездною, плодотворя ее;
^{2.2.Э3}Исполни светом ^{1.1.Э2}тьму мою, ^{2.2..Л12; 2.2.Э3}возвысь
25 Всё ^{2.1.Э2}бренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И ^{1.1.Э2}благость Провиденья доказать,
^{2.1..Л120}Пути Творца пред тварью оправдав.

Таблицы приложения Б. Расчет контента для основного текста анализа («Потерянный Рай» Дж. Мильтона)⁶⁸
Таблица Б.1.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1 «Музы») в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)	(20)	(21)	(22)	(23)
Русский (ПТ-1777)	а'' ₃	б'' ₅	в ₁	г ₄	д ₄	б ₅	а'' ₃	д ₄	д' ₄	е' ₂	г' ₄	д' ₄	д' ₄	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	ж'' ₂	б' ₅	з'' ₂
Английский (ИТ)	а'' ₂	б'' ₅	в ₁	г ₄	д ₄	б ₅	а'' ₂	д ₄	д' ₄	е' ₂	г' ₄	д' ₄	д' ₄	б' ₅	б' ₅	–	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	ж'' ₂	–	з'' ₁
ИИ набора	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	0
ИИ комбинаторики	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	0,5	0	0
ИИ размещения	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	1	1	0	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+1+1+1+1+1+0+1+1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+1+1+1+0+0}{23} = \frac{18}{23} \approx 0,7826$ (78,26%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+0,5+1+0,5+1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+1+1+0,5+0+0}{23} = \frac{18,5}{23} \approx 0,8043$ (80,43%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+0+1+1+0+1}{23} = \frac{20}{23} \approx 0,8696$ (86,96%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{18/23 + 18,5/23 + 20/23}{3} = \frac{56,5}{69} \approx 0,8188$ (81,88%).

⁶⁸ В нумерации таблиц сохранен принцип Приложения А: Б.1.1 – Б.2.2 для таблиц с кодами темы (соответственно номеру цепочки), поэтому таблицам с кодами хронотопа и тональности присвоены номера Б.3.1 – Б.3.3. Таким образом, таблицам Б.1.1 – Б.2.2 соответствует разметка Приложения Б.1 (с. х – xv), таблицам Б.3.1 – Б.3.3 – разметка Приложения Б.2 – Б.3 (с. xvi – xxi).

Таблица Б.1.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1 «Музы») в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)		(13)	(14)			(15)	(16)	(17)		(18)	(19)
Русский (ПТ-1976)	а'' ₂	б'' ₅	в ₁	б ₅	д ₄	д ₄	б ₅	а'' ₂	д ₄	д' ₄	е' ₂	д' ₄	–	д' ₄	д' ₄	–	–	б' ₅	б' ₅	б' ₅	–	ж'' ₂	з'' ₂
Английский (ИТ)	а'' ₂	б'' ₅	в ₁	г ₄	д ₄	–	б ₅	а'' ₂	д ₄	д' ₄	е' ₂	г' ₄	д' ₄	–	д' ₄	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	б' ₅	ж'' ₂	з'' ₁
ИИ набора	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1	0		0	1			1	1	1		1	1
ИИ комбинаторики	1	1	0,5	1	0	0	1	1	1	1	0,5	1		0	1			0,5	1	0,5		0,5	1
ИИ размещения	1	1	1	1	1	0	1	0	0	1	1	1		0	1			1	1	1		0	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+0+1+0+1+1+1+1+1+0+0+1+1+1+1+1+1}{19} = \frac{15}{19} \approx 0,7895$ (78,95%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+0,5+1+0+0+1+1+1+1+0,5+1+0+1+0,5+1+0,5+0,5+1}{19} = \frac{13,5}{19} = 0,7105$ (71,05%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+0+1+0+0+1+1+1+0+1+1+1+1+0+1}{19} = \frac{14}{19} \approx 0,7368$ (73,68%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{15/19 + 13,5/19 + 14/19}{3} = \frac{42,5}{57} \approx 0,7456$ (74,56%).

Таблица Б.1.2 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.2 «Поэта») в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	
Русский (ПТ-1777)	а ₅	б ₄	в' ₂	г' ₄	а' ₅	а ₅	д ₁	б ₄	б ₄	а ₅	а ₅	–
Английский (ИТ)	д ₁	б ₄	в' ₂	г' ₄	е' ₄	а ₅	д ₁	д ₁	а ₅	а ₅	д ₁	а ₅
ИИ набора	0	1	1	1	0	1	1	0	0	1	1	0
ИИ комбинаторики	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1	1
ИИ размещения	0	1	1	1	0	1	1	0	1	1	0	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+1+1+1+0+1+1+0+0+1+1}{11} = \frac{7}{11} = 0,6363$ (63,63%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+1+0,5+1+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+1}{11} = \frac{7,5}{11} \approx 0,6818$ (68,18%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+1+1+0+1+1+0+1+1+0}{11} = \frac{7}{11} \approx 0,6363$ (63,63%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{7/11+7,5/11+7/11}{3} = \frac{21,5}{33} \approx 0,6515$ (65,15%).

Таблица Б.1.2 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.2 «Поэта») в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)		(2)	(3)		(4)	(5)	(6)	(7)	(8)		(9)	(10)	(11)
Русский (ПТ-1976)	д ₁	+	в' ₂	б ₄	–	а' ₅	а ₅	д ₁	б ₄	д ₁	–	д ₁	а ₅	а ₅
Английский (ИТ)	д ₁	б ₄	в' ₂	+	г' ₄	е' ₄	а ₅	д ₁	д ₁	а ₅	а ₅	д ₁	–	а ₅
ИИ набора	1		1	1		0	1	1	0	0		1	0	1
ИИ комбинаторики	0		0,5	0,5		0,5	0,5	0,5	0,5	0,5		0,5	0	0
ИИ размещения	1		1	0		1	0	0	0	0		0	0	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+0+1+1+0+0+1+0+1}{11} = \frac{7}{11} \approx 0,6363$ (63,63%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0+0}{11} = \frac{4}{11} \approx 0,3636$ (36,36%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+0+1+0+0+0+0+0+0+1}{11} = \frac{4}{11} \approx 0,3636$ (36,36%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{7/11+4/11+4/11}{3} = \frac{15}{33} \approx 0,4545$ (45,45%).

Таблица Б.2.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (предметно-событийной цепочки 2.1) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Русский (ПТ-1777)	а₂	б₂	в₂	г₂	д₁	е₃	е₁
Английский (ИТ)	а₂	б₂	в₂	г₂	д₁	е₃	е₁
ИИ набора	1	1	1	1	1	1	1
ИИ комбинаторики	1	1	1	1	1	1	1
ИИ размещения	1	0	1	1	1	1	0

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+1}{7} = \frac{7}{7} = 1$ (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+1}{7} = \frac{7}{7} = 1$ (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+1+1+1+1+0}{7} = \frac{5}{7} \approx 0,7143$ (71,43%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{7/7+7/7+5/7}{3} = \frac{19}{21} \approx 0,9048$ (90,48%).

Таблица Б.2.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (предметно-событийной цепочки 2.1) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)		(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Русский (ПТ-1976)	а₂	–	в₂	г₂	д₁	е₃	е₁
Английский (ИТ)	а₂	б₂	в₂	г₂	д₁	е₃	е₁
ИИ набора	1		1	1	1	1	1
ИИ комбинаторики	0		0,5	1	1	1	1
ИИ размещения	1		1	0	1	1	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1}{6} = \frac{6}{6} = 1$ (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0,5+1+1+1+1}{6} = \frac{4,5}{6} = 0,75$ (75%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+0+1+1+0}{6} = \frac{4}{6} \approx 0,6667$ (66,67%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{6/6+4,5/6+4/6}{3} = \frac{14,5}{18} \approx 0,8056$ (80,56%).

Таблица Б.2.2 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (предметно-персонажной цепочки 2.2) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Русский (ПТ-1777)	a₁	б₅	в₄	б₅	в₄	б₅	г₂	a₁
Английский (ИТ)	a₁	–	в₄	б₅	в₄	–	г₂	a₁
ИИ набора	1	0	1	1	1	0	1	1
ИИ комбинаторики	0	0	1	1	1	0	1	1
ИИ размещения	0	0	1	1	1	0	0	1

Примечания. Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+1+1+1+0+1+1}{8} = \frac{6}{8} = 0,75$ (75%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+1+1+1+0+1+1}{8} = \frac{5}{8} = 0,625$ (62,5%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+0+1+1+1+0+0+1}{8} = \frac{4}{8} = 0,5$ (50%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{6/8+5/8+4/8}{3} = \frac{15}{24} = 0,625$ (62,5%).

Таблица Б.2.2 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (предметно-персонажной цепочки 2.2) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Русский (ПТ-1976)	–	в₄	а₁	в₄	в₄	г₃	а₂
Английский (ИТ)	а₁	в₄	б₅	в₄	–	г₂	а₁
ИИ набора		1	0	1	0	0	0
ИИ комбинаторики		1	1	0	0	0,5	0
ИИ размещения		1	0	0	0	1	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+1+0+0+0}{6} = \frac{2}{6} \approx 0,3333$ (33,33%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+0+0+0,5+0}{6} = \frac{2,5}{6} \approx 0,4167$ (41,67%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная $\frac{1+0+0+0+1+0}{6} = \frac{2}{6} \approx 0,3333$ (33,33%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{2/6+2,5/6+2/6}{3} = \frac{6,5}{18} \approx 0,3611$ (36,11%).

Таблица Б.3.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК пространства в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)	(20)	(21)	(22)	(23)	(24)									
Русский (ПТ-1976)	–	2.2 Л 22	1.1 Л 21	1.1 Л 11	1.1 Л 11	1.1 Л 11	1.1 Л 11	2.2 Л 11	1.1 Л 01	1.1 Л 01	1.1 Л 01	1.1 Л 11	1.1 Л 11	–	1.2 Л 11	2.2 Л 11	–	–	–	2.2 ЛТ 120	1.1 Л 11	2.2 ЛТ 120	2.2 Л 01	2.1 Л 11	–	1.1 Л 01	–	–	–	2.2 Л 12	2.1 Л 120		
Английский (ИТ)	1.2 Л 01	2.2 Л 22	1.1 Л 21	1.1 Л 11	1.1 Л 11	1.1 Л 11	1.1 Л 11	–	1.1 Л 01	1.1 Л 01	1.1 Л 01	1.1 Л 11	1.1 Л 11	1.1 Л 120	1.2 Л 11	2.2 Л 11	2.2 ЛТ 120	2.2 ЛТ 120	2.2 ЛТ 120	1.1 Л 11	–	2.2 ЛТ 120	1.2 Л 01	2.1 Л 11	2.2 Л 120	1.1 Л 01	2.1 Л 11	2.1 Л 11	2.2 Л 11	2.2 Л 12	2.1 Л 120		
ИИ набора		1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1		1	1				1	1	0	1	1	1		1				1	1	
ИИ комбинаторики		1	1	1	1	1	0,5	0	0,5	1	1	1	0,5		0,5	0,5				0,5	0,5	0	0,5	1	0,5		0,5				0,5	1	
ИИ размещения		1	0	1	0	0	1	1	0	1	1	0	1	0		0	0				0	1	0	0	0	0		1				0	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+1+1+1+1}{24} = \frac{22}{24} \approx 0,9167$ (91,67%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+0,5+0+0,5+1+1+1+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+1+0,5+0,5+0,5+1}{24} = \frac{16,5}{24} = 0,6875$ (68,75%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+1+0+0+1+1+0+1+1+0+1+0+0+0+0+1+0+0+0+0+1+0+0}{24} = \frac{9}{24} = 0,375$ (37,5%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{22/24+16,5/24+9/24}{3} = \frac{47,5}{72} \approx 0,6597$ (65,97%).

Таблица Б.3.2 (1). Взаимное соответствие кодов ТК времени в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
Русский (ПТ-1777)	1.2Т11	2.2Т21	1.2Т21	1.1Т22	2.2Т21	2.2ЛТ120	2.2ЛТ120	2.2ЛТ020	2.2Т020	1.2Т11	1.2Т11	2.1Т120
Английский (ИТ)	1.2Т11	2.2Т21	1.2Т21	1.1Т22	–	2.2ЛТ120	2.2ЛТ120	2.2ЛТ020	2.2Т020	1.2Т11	1.2Т11	2.1Т120
ИИ набора	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1
ИИ комбинаторики	1	1	1	0,5	0	0,5	1	1	1	1	1	1
ИИ размещения	0	1	1	0	0	1	1	1	1	0	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+0+1+1+1+1+1+1+1}{12} = \frac{11}{12} \approx 0,9167$ (91,67%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+1+0,5+0+0,5+1+1+1+1+1+1}{12} = \frac{10}{12} \approx 0,8333$ (83,33%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+1+0+0+1+1+1+1+0+1+1}{12} = \frac{8}{12} \approx 0,6667$ (66,67%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{11/12+10/12+8/12}{3} = \frac{29}{36} \approx 0,8056$ (80,56%).

Таблица Б.3.2 (2). Взаимное соответствие кодов ТК времени в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)		(3)		(4)	(5)		(6)		
Русский (ПТ-1976)	1.2Т11	2.2Т21	–	1.1Т22	–	2.2ЛТ120	2.2ЛТ020	–	1.2Т11	–	–
Английский (ИТ)	1.2Т11	2.2Т21	1.2Т21	1.1Т22	2.2ЛТ120	2.2ЛТ120	2.2ЛТ020	2.2Т020	1.2Т11	1.2Т11	2.1Т120
ИИ набора	1	1		1		1	1		1		
ИИ комбинаторики	1	0,5		0,5		0,5	0,5		0		
ИИ размещения	1	0		0		1	0		0		

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1}{6} = \frac{6}{6} = 1$ (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+0,5+0,5+0,5+0}{6} = \frac{3}{6} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+0+1+0+0}{6} = \frac{2}{6} \approx 0,3333$ (33,33%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{6/6+3/6+2/6}{3} = \frac{11}{18} \approx 0,6111$ (61,11%).

Таблица Б.3.3 (1). Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)		(15)	(16)		(17)	(18)	(19)	(20)	(21)
Русский (ПТ-1777)	2.1 Э0	2.1 Э1	2.1 Э0	2.1 Э0	2.1 Э0	2.1 Э2	2.1 Э1	2.1 Э2	2.1 Э2	2.1 Э1	2.1 Э2	2.1 Э3	2.1 Э3	2.1 Э2	+	2.2 Э3	1.1 Э2	++	2.2 Э3	2.1 Э2	2.2 Э3	2.1 Э2	2.1 Э2
Английский (ИТ)	2.1 Э0	1.1 Э1	2.1 Э0	2.1 Э0	2.1 Э0	2.1 Э2	-	2.1 Э2	1.1 Э1	2.1 Э1	-	2.1 Э3	2.1 Э3	2.1 Э2	2.1 Э2	2.2 Э3	+	2.1 Э2	2.2 Э3	++	2.2 Э3	2.1 Э2	2.1 Э2
ИИ набора	1	0	1	1	1	1	0	1	0	1	0	1	1	1		1	0		1	1	1	1	1
ИИ комбинаторики	0	1	0,5	1	1	0,5	0	0	1	0	0	0,5	1	0,5		0,5	0,5		0,5	1	0,5	1	1
ИИ размещения	1	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0	1	1	1		1	0		1	0	1	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+1+1+1+1+0+1+0+1+0+1+1+1+1+1+0+1+1+1+1+1}{21} = \frac{16}{21} \approx 0,7619$ (76,19%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+1+0,5+1+1+0,5+0+0+1+0+0+0,5+1+0,5+0,5+0,5+0,5+1+0,5+1+1}{21} = \frac{12}{21} \approx 0,5714$ (57,14%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+1+1+0+1+0+1+0+1+0+1+1+1+1+0+1+0+1+1+1}{21} = \frac{15}{21} \approx 0,7143$ (71,43%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{16/21+12/21+15/21}{3} = \frac{43}{63} \approx 0,6825$ (68,25%).

Таблица Б.3.3 (2) Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)			(8)	(9)		(10)	(11)			(12)	(13)		(14)	(15)				(16)
Русский (ПТ-1976)	2.1 Э0	2.1 Э2	2.1 Э1	2.2 Э3	2.1 Э0	2.1 Э2	2.1 Э0	+	-	2.1 Э2	2.2 Э3	-	2.1 Э3	2.1 Э1	-	++	2.2 Э3	1.1 Э2	+++	2.2 Э3	2.1 Э2	-	-	-	1.1 Э2
Английский (ИТ)	2.1 Э0	-	1.1 Э1	2.1 Э0	2.1 Э0	+	2.1 Э0	2.1 Э2	2.1 Э2	1.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э3	2.1 Э3	-	2.1 Э2	2.1 Э2	2.2 Э3	++	2.1 Э2	2.2 Э3	+++	2.2 Э3	2.1 Э2	2.1 Э2	-
ИИ набора	1	0	0	0	1	1	1			0	0		1	0			1	0		1	1				0
ИИ комбинаторики	0	0	0	0,5	0	0,5	0,5			0	0,5		0	0			0	0,5		0,5	0,5				0
ИИ размещения	1	0	0	1	1	1	0			1	0		0	0			1	0		0	1				0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+0+0+1+1+1+0+0+1+0+1+0+1+1+0}{16} = \frac{8}{16} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+0+0,5+0+0,5+0,5+0+0,5+0+0+0+0,5+0,5+0,5+0}{16} = \frac{3,5}{16} \approx 0,2188$ (21,88%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+0+1+1+1+0+1+0+0+0+1+0+0+1+0}{16} = \frac{7}{16} = 0,4375$ (43,75%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{8/16+3,5/16+7/16}{3} = \frac{18,5}{48} \approx 0,3854$ (38,54%).

**Приложение В. Композиционный блок второго монолога Сатаны
в идентифицируемых вариантах «Потерянного Рая»
(с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)**

В.1. Кодировка темы

Кодировочная инструкция:

1.1 – тем. цепочка «Высшего» нарратора (Муза, Господь, Св. Дух)

1.3 – тематическая цепочка Сатаны

1.4 – тематическая цепочка Падших духов

1.5 – тематическая цепочка Вельзевула

Буква после кода цепочки передает порядок появления номинации в тексте.

Цифра после буквы соответствует структурному типу номинации: 1 – базовая, 2 – лексически новая по отношению к базовой, 3 – трансформ базовой либо лексически новой номинации, 4 – субститут (местоименная замена) базовой номинации, 5 – «нулевая» номинация [см.: Бортников 2012].

Строки (стихи) в тексте приложения воспроизведены в точности по изданиям [Paradise Lost 1730; Потерянный Рай 1777; Мильтон 1976].

Вариант исходного текста (ИТ)

Milton J.

PARADISE LOST

First Book

- 157 “Fallen ^{1.5.n2}Cherub, to be weak is miserable,
Doing or suffering: but of this ^{1.5.b5}Ø be sure –
To do aught good never will be ^{1.4.e'4}our task,
- 160 But ever to do ill ^{1.4.e'4}our sole delight,
As being the contrary to ^{1.1.n'4}His high will
^{1.1.x'4}Whom ^{1.4.e'4}we resist. If then ^{1.1.j'3}His providence
Out of our evil seek to bring forth good,
Our labour must be ^{1.4.35}Ø to pervert that end,
- 165 And out of good still ^{1.4.35}Ø to find means of evil;
Which ofttimes may succeed so as perhaps
Shall grieve ^{1.1.n'4}him, if ^{1.3.b'4}I fail not, and disturb
^{1.1.n'4}His inmost counsels from their ^{1.1.6'5}Ø destined aim.
But ^{1.5.b5}Ø see! the angry ^{1.1.t'2}Victor hath recalled
- 170 ^{1.1.n'4}His ministers of vengeance and pursuit

Back to the gates of Heaven: the sulphurous hail,
 Shot after ^{1.4.e'4}us in storm, o'erblown hath laid
 The fiery surge that from the precipice
 Of Heaven received ^{1.4.e'4}us falling; and the thunder,
 175 Winged with red lightning and impetuous rage,
 Perhaps hath spent his shafts, and ceases now
 To bellow through the vast and boundless Deep.
 Let ^{1.4.e'4}us not slip the occasion, whether ^{1.1.6''5}Ø scorn
 Or satiate fury yield it from ^{1.4.e'4}our ^{1.1.π''2}Foe.
 180 Seest ^{1.5.e4}thou yon dreary plain, forlorn and wild,
 The seat of desolation, void of light,
 Save what the glimmering of these livid flames
 Casts pale and dreadful? Thither let ^{1.4.e'4}us tend
 From off the tossing of these fiery waves;
 185 There ^{1.4.35}Ø rest, if any rest can harbour there;
 And, ^{1.4.35}Ø re-assembling ^{1.4.e'4}our afflicted ^{1.4.π2}powers,
^{1.4.35}Ø Consult how ^{1.4.e'4}we may henceforth most offend
^{1.4.e'4}Our ^{1.1.π''2}Enemy, ^{1.4.e'4}our own loss how repair,
 How ^{1.4.35}Ø overcome this dire calamity,
 190 What reinforcement ^{1.4.e'4}we may gain from hope,
 If not what resolution from despair."

Вариант переведенного текста 1777 г. (ПТ-1777)

175 <поспѣшными словами:> падшій ^{1.5.и2}Херувимь! слабость
 есть нѣчто бѣдное, хотя предлежить дѣйстви-
 вать, хотя сносить; но о семь ^{1.5.в5}☉ буди увѣренъ,
 твореніе блага во вѣки ^{1.4.е'4}нашъ долгъ; всегда уп-
 ражнятыя во злѣ единственное ^{1.4.з5}☉ утѣшеніе,
 180 поелику сіе противно высокой волѣ ^{1.1.ф'4}того, съ ^{1.1.х'4}ко-
 торымъ ^{1.4.е'4}мы препираемся. И тако, естли ^{1.1.л'4}его
 провидѣніе изъ ^{1.4.е'4}нашего зла ищетъ произвести доб-
 ро, ^{1.1.л'4}нашъ будетъ трудъ, ^{1.4.з5}☉ испровергать таковой
 конецъ, и изъ добра всегда ^{1.4.з5}☉ обрѣтатъ средствія
 185 ко злу, въ чѣмъ ^{1.4.е'4}мы не рѣдко будемъ благоу-
 спѣшны, чаятельно, даже до возможности ^{1.4.з5}☉ ос-
 корблять ^{1.1.л'4}его, естли ^{1.3.в'4}я не погрѣшаю, и ^{1.4.з5}☉ раз-
 строятъ сокровеннѣйшіе ^{1.1.л'4}его умыслы, ^{1.4.з5}☉ не допуская
 оныя до ^{1.1.б'5}☉ предложенныя мѣты. Но ^{1.5.в5}☉ воззри, гнѣв-
 190 ный ^{1.1.т'2}побѣдитель служителей ^{1.1.с'4}своея мести и гоне-
 нія отозвалъ вспять ко вратамъ неба, дуновеніе
 жупельнаго града стрѣленнаго по ^{1.4.е'4}насъ вихрями
 утихло, огненные валы пріемшіе ^{1.4.е'4}насъ падающихъ
 отъ стремнины небесъ укротѣли, крылатый
 195 красною молніею и неудержною яростію громъ,
 можетъ быть, истоцилъ свои стрѣлы, и пре-
 стаетъ теперь ревѣть сквозь огромную и непре-
 дѣльную глубину; да ^{1.4.з5}☉ не вознебрежемъ о случаѣ,
 который презрѣніе къ ^{1.4.е'4}намъ нашего ^{1.1.ы'2}непріятеля,
 200 или насыщенная ^{1.1.б'5}☉ лютость подаетъ ^{1.4.е'4}намъ. ^{1.5.в5}☉ Ви-

диши оную страшную пустую и плачевную
равнину, жилище отчаянных думъ непричаст-
ное свѣта, кромѣ блѣднаго и ужаснаго, что ме-
щуть отъ себя сїи тусклыя пламы. Отъ сихъ
205 трясущихъ огненныхъ волнь да ^{1.4.35}Ø простремся на
оную для опочитїя, естли кїйлибо покой можетъ
обитати тамо, и ^{1.4.35}Ø собравъ ^{1.4.e'4}наши сокрушенные ^{1.4.n3}вои
да ^{1.4.35}Ø совѣщаемъ, коимъ образомъ впредь ^{1.4.35}Ø возможемъ
наивяще повредить ^{1.4.e'4}нашему ^{1.1.ы'2}непрїятелю, како на-
210 градить ^{1.4.e'4}нашь уронъ, избыть настоящїя строгїя
напасти, какое подкрѣпленїе можемъ получить
отъ надежды, естли не отъ нея, что вложить
^{1.4.e'4}намъ во умъ отчаянїе.

Вариант переведенного текста 1976 г. (ПТ-1976)

Книга первая

- 169 « – В страданиях ли, в борьбе ли, – горе слабым,
170 О падший ^{1.5.н2}Херувим! Но знай, к Добру
Стремиться ^{1.4.е'4}мы не станем с этих пор.
^{1.4.е'4}Мы будем счастливы, ^{1.4.з5}Ø творя лишь Зло,
^{1.1.л'4}Его державной воле вопреки.
И если ^{1.1.ж'3}Провидением своим
175 ^{1.1.л'4}Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
^{1.4.е'4}Мы извратить должны благой исход,
В ^{1.1.л'4}Его Добре источник Зла ^{1.4.з5}Ø сыскав.
Успехом ^{1.4.е'4}нашим будет не однажды
^{1.1.л'4}Он опечален; ^{1.4.з5}Ø верю, что не раз
180 ^{1.4.е'4}Мы волю сокровенную ^{1.1.л'4}Его
Собьем с пути, от цели ^{1.4.з5}Ø отведя...
Но ^{1.5.в5}Ø глянь! Свирепый ^{1.1.аа'2}Мститель отозвал
К вратам Небес карателей ^{1.1.с'4}своих.
Палящий ураган и серный град,
185 ^{1.4.е'4}Нас бичевавшие, когда с вершин
^{1.4.е'4}Мы падали в клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями окрыленный
И гневом яростным, разящий гром
Опустошил, как видно, свой колчан,

- 190 Стихая постепенно, и уже
Не так бушует. Упустить ^{1.4.35}Ø нельзя
Счастливую возможность, что оставил
В ^{1.1.6"5}Ø насмешку или злобу ^{1.1.6"5}Ø утолив,
^{1.1.п"2}Противник ^{1.4.е'4}нам. Вот голый, гиблый край,
- 195 Обитель скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мертвым светом в темноте,
Трепещущее пламя. Тут ^{1.4.35}Ø найдем
Убежище от вздыбленных валов
И отдых, если здесь он существует,
- 200 Вновь ^{1.4.35}Ø соберём разбитые ^{1.4.а1}войска,
^{1.4.35}Ø Обсудим, как ^{1.4.е'4}нам больше досадить
^{1.1.п"2}Противнику и ^{1.4.35}Ø справиться с бедой,
В надежде – ^{1.4.35}Ø силу или, наконец,
- 204 В отчаянье – решимость ^{1.4.35}Ø почерпнуть!»

В.2 – В.3. Кодировка хронотопа и тональности

Кодировочная инструкция:

Обозначения в коде / Категории	Первые две цифры	Буква	Последняя цифра (цифры)
Хронотоп	1.1 – ядро, 1.2 – приядерная зона, 2.1 – ближайшая периферия, 2.2 – дальнейшая периферия	Л – локативность (текстовое пространство), Т – темпоральность (текстовое время)	1 – герой, 2 – событие, 0 – ни то, ни другое + 1 – точечное 2 – векторное (20 – непрерывное, 21 – прерывное)
Тональность		Э – тональность	1 – эмотив 2 – интенсив 3 – деонтив 0 – композитив

В случае «разрыва» другими компонентами маркера ТК перед второй его частью код дублируется с прибавлением символа + («плюс»).

Строки (стихи) в тексте приложения воспроизведены в точности по изданиям [Paradise Lost 1730; Потерянный Рай 1777; Мильтон 1976].

Milton J.

PARADISE LOST First Book

- 157 ^{2.2.ЛТ121}Fallen Cherub, to be ^{2.1.Э1}weak is ^{2.1.Э3}miserable,
Doing or ^{2.2.Э1}suffering: but of this be sure –
To do aught ^{1.1.Э1}good ^{2.1.Т120}never will be our task,
160 But ^{2.1.Т120}ever to do ^{1.1.Э1}ill our sole ^{1.1.Э1}delight,
As being the contrary to His ^{2.1.Л11; 2.1.Э3}high will
Whom we ^{2.2.Э3}resist. If then His providence
Out of our ^{1.1.Э1}evil seek to bring forth ^{1.1.Э1}good,
Our labour must be to pervert that end,
165 And out of ^{1.1.Э1}good ^{2.1.Т120}still to find means of ^{1.1.Э1}evil;
Which ^{2.1.Т01}ofttimes may ^{2.1.Э2}succeed so as perhaps
Shall ^{1.2.Э3}grieve him, if I fail not, and disturb

His ^{2.1.93}inmost counsels from their destined aim.
 But see! the ^{2.1.91}angry Victor hath recalled
 170 His ministers of ^{1.2.93}vengeance and ^{1.2.93}pursuit
 Back to the ^{1.1.T021}gates of Heaven: the sulphurous hail,
 Shot ^{2.2.J121}after us ^{1.2.J122}in storm, o'erblown hath ^{2.2.92}laid
 The ^{2.1.91}fiery ^{1.1.J120}surge that from the ^{1.1.J121}precipice
 Of Heaven received us ^{2.2.JT121}falling; and the thunder,
 175 ^{1.2.J121}Winged with red lightning and ^{2.1.92}impetuous rage,
 Perhaps hath spent his shafts, and ^{2.2.92}ceases ^{2.1.T021}now
^{+2.2.92}To bellow ^{1.1.J020}through the vast and boundless Deep.
 Let us not slip the ^{1.1.T221}occasion, whether ^{1.2.92}scorn
 Or ^{1.2.92}satiate ^{1.1.91}fury yield it from our Foe.
 180 Seest thou ^{2.1.J01}yon ^{2.1.91}dreary ^{1.1.J11}plain, ^{2.1.91}forlorn and ^{2.1.91}wild,
 The ^{1.2.J11}seat of ^{2.1.91}desolation, ^{2.1.91}void of light,
 Save what the glimmering of these livid flames
 Casts pale and ^{2.1.91}dreadful? Thither let us tend
 From off the ^{2.2.J020}tossing of these ^{2.1.91}fiery ^{1.2.J020}waves;
 185 There ^{2.1.91}rest, if any ^{2.1.91}rest can ^{2.2.J01}harbour there;
 And, ^{2.2.J121}re-assembling our afflicted powers,
 Consult how we may ^{2.1.T120}henceforth ^{1.2.92}most offend
 Our Enemy, our own ^{2.2.91}loss how ^{1.2.92}repair,
 How ^{1.2.92}overcome this ^{2.1.91}dire ^{1.1.91}calamity,
 190 What ^{1.2.92}reinforcement we may gain from ^{2.1.93}hope,
 If not what ^{1.2.92}resolution from ^{1.1.91}despair.”

Вариант переведенного текста 1777 г. (ПТ-1777)

- 175 <поспѣшными словами:> ^{2.2..ЛТ121}падшій Херувимъ! ^{2.1.Э1}слабость
 есть нѣчто ^{2.1.Э3}бѣдное, хотя предлежить дѣйство-
 вать, хотя сносить; но о семь буди увѣренъ,
 твореніе ^{1.1.Э1}блага ^{2.1.Т120}во вѣки нашъ долгъ; ^{2.1.Т120}всегда уп-
 ражняться во ^{1.1.Э1}злѣ единственное ^{1.2.Э3}утѣшеніе,
- 180 поелику сіе противно ^{2.1.Л11; 2.1.Э3}высокой волѣ того, съ ко-
 торымъ мы ^{2.2.Э3}препираемся. И тако, естли его
 провидѣніе изъ нашего ^{1.1.Э1}зла ищетъ произвести ^{1.1.Э1}доб-
ро, нашъ будетъ трудъ, испровергать таковой
 конецъ, и изъ ^{1.1.Э1}добра ^{1.2.Т120}всегда обрѣтатъ средствія
 185 ко ^{1.1.Э1}злу, въ чѣмъ мы ^{2.1.Т11}не рѣдко будемъ ^{2.1.Э2}благоу-
спѣшны, чаятельно, даже до возможности ^{2.2.Э3}ос-
корблять его, естли я не погрѣшаю, и раз-
 строятъ ^{2.1.Э2}сокровеннѣйшіе его умыслы, не допуская
 оныя до предложенныя мѣты. Но возри, ^{2.1.Э1}гнѣв-
 190 ный побѣдитель служителей своя ^{1.2.Э3}мести и ^{1.2.Э3}гоне-
нія отозвалъ ^{2.2..Л021}вспять ^{1.1..Л021}ко вратамъ неба, дуновеніе
 жупельнаго града стрѣленнаго ^{2.2..Л121}по насъ ^{1.2..Л22}вихрями
^{2.2.Э2}утихло, огненные валы пріемшіе насъ ^{2.2..ЛТ121}падущихъ
^{1.1..Л021}отъ стремнины небесъ ^{2.2.Э2}укротѣли, ^{1.2..Л21}крылатый
- 195 красною молніею и ^{2.2.Э2}неудержною яростію громъ,
 можетъ быть, ^{2.2.Э2}истоцилъ свои стрѣлы, и ^{2.2.Э2}пре-
стаетъ ^{2.1.Т021}теперь ^{+2.2.Э2}ревѣтъ ^{1.1..Л020}сквозь огромную и безпре-
дѣльную глубину; да не вознебрежемъ о ^{1.1.Т221}случаѣ,
 который ^{1.2.Э3}презрѣніе къ намъ нашего непріятеля,
 200 или ^{1.2.Э2}насыщенная ^{1.2.Э1}лютость подаетъ намъ. Ви-

диши оную ^{2.1.Э1}страшную ^{2.1.Э1}пустую и ^{2.1.Э1}плачевную
^{1.1.Л11}равнину, ^{1.2.Л11}жилище ^{2.1.Э1}отчаянных думъ непричаст-
ное свѣта, кромѣ блѣднаго и ^{2.1.Э1}ужаснаго, что ме-
щуть ^{2.2.Л01}отъ себя сїи тускляя пламы. ^{1.2.Л020}Отъ сихъ
205 ^{2.2.Л020}трясущихъ огненныхъ ^{+1.2.Л020}волнъ да ^{2.2.Л11}простремся на
оную для опочитїя, естли кїйлибо ^{2.1.Э1}покой можетъ
^{2.2.Л01}обитати тамо, и ^{2.2.Л121}собравъ наши сокрушенные вои
да совѣщаемъ, коимъ образомъ ^{2.2.Т120}впредь возможемъ
^{2.1.Э2}наивяще повредити нашему непрїателю, како ^{1.2.Э2}на-
210 градить нашъ ^{1.1.Э1}уронъ, ^{1.2.Э2}избыть ^{1.2.Т120}настоящїя строгїя
^{1.1.Э1}напасти, какое ^{1.2.Э2}подкрѣпленїе можемъ получить
отъ ^{2.1.Э3}надежды, естли ^{1.2.Э2}О не отъ нея, что вложить
намъ во умъ ^{1.1.Э1}отчаянїе.

Вариант переведенного текста 1976 г. (ПТ-1976)

Книга первая

- 169 « – В ^{2.2.Э1}страданиях ли, в борьбе ли, – ^{1.1.Э1}горе ^{2.1.Э1}слабым,
- 170 О ^{2.2.ЛТ121}падший Херувим! Но знай, к ^{1.1.Э1}Добру
Стремиться мы не станем ^{2.2.Т120}с этих пор.
Мы будем ^{2.1.Э1}счастливы, творя лишь ^{1.1.Э1}Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
- 175 Он в нашем ^{1.1.Э1}Зле зерно ^{1.1.Э1}Добра взрастит,
Мы ^{2.2.Э3}извратить должны ^{2.1.Э2}благой исход,
В Его ^{1.1.Э1}Добре источник ^{1.1.Э1}Зла сыскав.
^{2.1.Э2}Успехом нашим будет ^{2.1.Т01}не однажды
Он ^{1.2.Э3}опечален; верю, что ^{2.1.Т01}не раз
- 180 Мы волю ^{2.1.Э3}сокровенную Его
Собьем ^{2.2.Л020}с пути, от цели отведя...
Но глянь! ^{2.1.Э1}Свирепый Мститель отозвал
^{1.1.Л021}К вратам Небес ^{2.1.Э3}карателей своих.
Палящий ураган и серный град,
- 185 Нас ^{2.2.Э2}бичевавшие, ^{2.2.Т21}когда ^{1.1.Л121}с вершин
Мы ^{2.2.ЛТ121}падали ^{1.1.Л120}в ^{+1.1.Л120}клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями ^{1.2.Л21}окрыленный
И ^{2.1.Э2}гневом яростным, разящий гром
^{2.2.Л01}Опустошил, как видно, свой ^{+2.2.Л01}колчан,

- 190 Стихая постепенно, и ^{2.1.Т020}уже
^{2.2.Э2}Не так бушует. Упустить нельзя
^{2.1.Э1}Счастливую возможность, что оставил
^{1.2.Э2}В насмешку или ^{1.1.Э1}злобу утолив,
Противник нам. Вот ^{1.1.Л11}голый, ^{2.1.Э1}гиблый ^{+1.1.Л11}край,
- 195 ^{1.2.Л11}Обитель ^{1.1.Э2}скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мертвым светом ^{2.2.Л01}в темноте,
Трепещущее пламя. Тут найдем
^{1.2.Л11}Убежище от вздыбленных ^{1.1.Л020}валов
И ^{2.1.Э1}отдых, если ^{2.1.Л01}здесь он существует,
- 200 ^{2.1.Т120}Вновь ^{2.1.ЛТ121}соберём разбитые войска,
Обсудим, как нам ^{2.2.Э2}больше досадить
Противнику и справиться с ^{1.2.Э2}бедой,
В ^{2.1.Э3}надежде – силу или, ^{2.2.Т01}наконец,
- 204 В ^{1.1.Э1}отчаянье – ^{2.1.Э2}решимость почерпнуть!»

Таблицы приложения В. Расчет контента для основного текста анализа («Потерянный Рай» Дж. Мильтона)⁶⁹
Таблица В.1.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1 – Господа Бога) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п \ Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)		(9)	(10)	(11)
Русский	ф'' ₄	х'' ₄	ж'' ₃	л'' ₄	л'' ₄	б'' ₅	т'' ₂	с'' ₄	–	ы'' ₂	б'' ₅	ы'' ₂
Английский	л'' ₄	х'' ₄	ж'' ₃	л'' ₄	л'' ₄	б'' ₅	т'' ₂	л'' ₄	б'' ₅	ц'' ₂	–	ы'' ₂
ИИ набора	0	1	1	1	1	1	1	0		0	0	1
ИИ комбинаторики	1	0,5	1	1	1	1	0,5	1		0,5	0	0,5
ИИ размещения	0	0	0	0	0	0	1	1		1	0	0

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+1+1+1+1+1+1+0+0+0+1}{11} = \frac{7}{11} \approx 0,6364$ (63,64%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+1+1+1+1+0,5+1+0,5+0+0,5}{11} = \frac{8}{11} \approx 0,7273$ (72,73%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная $\frac{0+0+0+0+0+0+0+1+1+1+0+0}{11} = \frac{3}{11} \approx 0,2727$ (27,27%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{7/11+8/11+3/11}{3} = \frac{18}{33} \approx 0,5455$ (54,55%).

⁶⁹ В нумерации таблиц сохранен принцип Приложения А: В.1.1 – В.1.5 для таблиц с кодами темы (соответственно номеру цепочки), поэтому таблицам с кодами хронотопа и тональности присвоены номера В.3.1 – В.3.3. Таким образом, таблицам В.1.1 – В.1.5 соответствует разметка Приложения В.1 (с. xxxvi – xli), таблицам В.3.1 – В.3.3 – разметка Приложения В.2 – В.3 (с. xlii – xlvi).

Таблица В.1.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1 – Господа Бога) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п \ Вариант	(1)		(2)	(3)	(4)	(5)	(6)		(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
Русский	л'' ₄	–	ж'' ₃	л'' ₄	л'' ₄	л'' ₄	л'' ₄	–	аа'' ₂	с'' ₄	б'' ₅	б'' ₅	ц'' ₂	ц'' ₂
Английский	л'' ₄	х'' ₄	ж'' ₃	–	–	л'' ₄	л'' ₄	б'' ₅	г'' ₂	л'' ₄	б'' ₅	–	ц'' ₂	ы'' ₂
ИИ набора	1		1	0	0	1	1		0	0	1	0	1	0
ИИ комбинаторики	0		0	0	0	0,5	0,5		0	0,5	0	0	0,5	1
ИИ размещения	0		1	0	0	0	1		1	1	1	0	1	0

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+0+0+1+1+0+0+1+0+1+0}{12} = \frac{6}{12} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+0+0+0,5+0,5+0+0,5+0+0+0,5+1}{12} = \frac{3}{12} = 0,25$ (25%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная $\frac{0+1+0+0+0+1+1+1+1+0+1+0}{12} = \frac{6}{12} = 0,5$ (50%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{6/12 + 3/12 + 6/12}{3} = \frac{15}{36} \approx 0,4167$ (41,67%).

Таблица В.1.3 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.3 – Сатаны) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)						
Русский	В' ₄						
Английский	В' ₄						
ИИ набора	1						
ИИ комбинаторики	1						
ИИ размещения	1						

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 1 (100%).

Усредненная эквивалентность равна 100%.

Таблица В.1.3 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.3 – Сатаны) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)						
Русский	в'4						
Английский	д5						
ИИ набора	0						
ИИ комбинаторики	1						
ИИ размещения	0						

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как равная 0 (0%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 0 (0%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{0+1+0}{3} = \frac{1}{3} \approx 0,3333$ (33,33%).

Таблица В.1.4 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.4 – падших духов) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)		(18)	(19)	(20)	(21)	(22)	(23)	(24)	(25)	(26)	(27)	(28)
Русский	e'4	з5	e'4	e'4	e'4	з5	з5	e'4	з5	з5	з5	e'4	e'4	з5	e'4	e'4	e'4	–	з5	з5	e'4	н3	з5	з5	e'4	e'4	з5	з5	e'4
Английский	e'4	e'4	e'4	e'4	e'4	з5	з5	–	–	–	–	e'4	e'4	e'4	–	e'4	–	з5	з5	з5	e'4	л2	з5	e'4	e'4	e'4	з5	e'4	з5
ИИ набора	1	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	1	0		1	1	1	0	1	0	1	1	1	0	0
ИИ комбинаторики	0	1	0,5	1	1	1	1	0	0	0	0	1	0,5	1	0	0,5	0		0,5	1	0,5	1	0	1	0,5	1	0,5	0,5	0
ИИ размещения	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	0	1	0		1	1	1	1	0	1	0	0	0	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+1+1+1+1+1+0+0+0+0+1+1+0+0+1+0+1+1+1+0+1+0+1+1+1+0+0}{28} = \frac{16}{28} \approx 0,5714$ (57,14%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+1+0,5+1+1+1+1+0+0+0+0+1+0,5+1+0+0,5+0+0,5+1+0,5+1+0+1+0,5+1+0,5+0,5+0}{28} = \frac{15}{28} \approx 0,5357$ (53,57%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+1+0+0+0+0+1+1+1+0+1+0+1+1+1+1+0+1+0+0+0+1+1}{28} = \frac{18}{28} \approx 0,6429$ (64,29%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{16/28+15/28+18/28}{3} = \frac{49}{84} \approx 0,5833$ (58,33%).

Таблица В.1.4 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.4 – падших духов) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)	(20)	(21)							
Русский	e' ₄	e' ₄	з ₅	–	e' ₄	e' ₄	–	з ₅	e' ₄	e' ₄	з ₅	e' ₄	e' ₄	з ₅	–	e' ₄	з ₅	–	з ₅	–	a ₁	з ₅	e' ₄	–	–	з ₅	з ₅	з ₅
Английский	e' ₄	e' ₄	–	e' ₄	e' ₄	e' ₄	з ₅	з ₅	–	–	–	e' ₄	e' ₄	з ₅	e' ₄	–	e' ₄	з ₅	з ₅	e' ₄	л ₂	з ₅	e' ₄	e' ₄	e' ₄	з ₅	e' ₄	з ₅
ИИ набора	1	1	0		1	1		1	0	0	0	1	1	1		0	0		1		0	1	1			1	0	1
ИИ комбинаторики	1	0,5	0		0,5	1		0,5	0	0	0	0,5	1	1		0	1		0,5		0,5	0,5	0,5			0,5	0,5	0
ИИ размещения	1	0	0		1	1		1	0	0	0	0	0	1		0	1		1		1	1	1			1	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+0+1+1+1+0+0+0+1+1+1+0+0+1+0+0+1+0+1+1+1+0+1}{21} = \frac{13}{21} \approx 0,6190$ (61,9%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+0+0,5+1+0,5+0+0+0+0,5+1+1+0+1+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0}{21} = \frac{10}{21} \approx 0,4762$ (47,62%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+0+1+1+1+0+0+0+0+0+1+0+1+1+1+1+1+1+1}{21} = \frac{13}{21} \approx 0,6190$ (61,9%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{13/21+10/21+13/21}{3} = \frac{36}{63} \approx 0,5714$ (57,14%).

Таблица В.1.5 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.5 – Вельзевула) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)
Русский	и ₂	в ₅	в ₅	в ₅
Английский	и ₂	в ₅	в ₅	е ₄
ИИ набора	1	1	1	0
ИИ комбинаторики	1	1	0,5	1
ИИ размещения	1	1	1	1

Примечания. Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+0}{4} = \frac{3}{4} = 0,75$ (75%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+0,5+1}{4} = \frac{3,5}{4} = 0,875$ (87,5%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+1+1}{4} = \frac{4}{4} = 1$ (100%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{3/4+3,5/4+4/4}{3} = \frac{10,5}{12} = 0,875$ (87,5%).

Таблица В.1.5 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.5 – Вельзевула) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)
Русский	и₂	в₅	в₅	–
Английский	и₂	в₅	в₅	е₄
ИИ набора	1	1	1	
ИИ комбинаторики	1	1	1	
ИИ размещения	1	1	1	

Примечания. Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 1 (100%).

Усредненная эквивалентность составляет 100%.

Таблица В.3.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК пространства в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)		(7)	(8)		(9)	(10)		(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)
Русский	2.1 ЛТ 121	2.1 Л 11	2.2 Л 021	1.1 Л 021	2.2 Л 121	1.2 Л 22	-	2.2 ЛТ 121	1.1 ЛТ 121	+	1.2 Л 21	1.1 Л 020	-	1.1 Л 11	1.2 Л 11	2.2 Л 01	2.2 Л 020	1.1 Л 020	2.2 Л 11	2.2 Л 01	2.2 ЛТ 121
Английский	2.1 ЛТ 121	2.1 Л 11	2.2 Л 021	1.1 Л 021	2.2 Л 121	1.2 Л 22	1.1 Л 120	+	1.1 ЛТ 121	2.2 ЛТ 121	1.2 Л 21	1.1 Л 020	2.1 Л 01	1.1 Л 11	1.2 Л 11	-	2.2 Л 020	1.1 Л 020	-	2.2 Л 01	2.2 ЛТ 121
ИИ набора	1	1	1	1	1	1		1	1		1	1		1	1	0	1	1	0	1	1
ИИ комбинаторики	1	1	1	1	1	0,5		0,5	0,5		0,5	0,5		0,5	0,5	0	0,5	0,5	0	0,5	1
ИИ размещения	1	1	0	0	1	1		1	0		1	1		0	0	0	1	0	0	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+0+1+1}{18} = \frac{16}{18} \approx 0,8889$ (88,89%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+1+1+1+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0+0,5+0,5+0+0,5+1}{18} = \frac{11}{18} \approx 0,6111$ (61,11%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+0+0+1+1+1+0+1+1+0+0+0+1+0+0+1+1}{18} = \frac{10}{18} \approx 0,5556$ (55,56%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{16/18+11/18+10/18}{3} = \frac{37}{54} \approx 0,6852$ (68,52%).

Таблица В.3.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК пространства в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)									
Русский	2.1 ЛТ 121	-	2.2 Л 020	-	1.1 Л 021	-	-	1.1 Л 121	2.2 ЛТ 121	1.1 Л 120	+	++	1.2 Л 21	2.2 Л 01	-	-	1.1 Л 11	1.2 Л 11	2.2 Л 01	1.2 Л 11	-	1.1 Л 020	2.2 Л 01	2.2 ЛТ 121
Английский	2.1 ЛТ 121	2.1 Л 11	-	2.2 Л 021	1.1 Л 021	2.2 Л 121	1.2 Л 22	+	++	1.1 Л 120	1.1 Л 121	2.2 ЛТ 121	1.2 Л 21	-	1.1 Л 020	2.1 Л 01	1.1 Л 11	1.2 Л 11	-	-	2.2 Л 020	1.1 Л 020	2.1 Л 01	2.2 ЛТ 121
ИИ набора	1		0		1			1	1	1			1	0			1	1	0	0		1	0	1
ИИ комбинаторики	0		0		0			0,5	0,5	0			0	0			0,5	0,5	0	0		0	1	0
ИИ размещения	0		0		0			1	1	0			1	0			0	0	0	0		1	0	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+1+1+1+1+1+0+1+1+0+0+1+0+1}{15} = \frac{10}{15} \approx 0,6667$ (66,67%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+0+0,5+0,5+0+0+0+0+0,5+0,5+0+0+0+1+0}{15} = \frac{3}{15} = 0,2$ (20%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+0+0+1+1+0+1+0+0+0+0+0+1+0+1}{15} = \frac{5}{15} \approx 0,3333$ (33,33%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{10/15+3/15+5/15}{3} = \frac{18}{45} = 0,4$ (40%).

Таблица В.3.2 (1). Взаимное соответствие кодов ТК времени в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
Русский	2.2ЛТ121	2.1Т120	2.1Т120	1.2Т120	2.1Т11	2.2ЛТ121	2.1Т021	1.1Т221	2.1Т120	1.2Т120
Английский	2.2ЛТ121	2.1Т120	2.1Т120	2.1Т120	2.1Т01	2.2ЛТ121	2.1Т021	1.1Т221	2.1Т120	–
ИИ набора	1	1	1	0	0	1	1	1	1	0
ИИ комбинаторики	1	1	0,5	0	0,5	1	1	1	0,5	0
ИИ размещения	0	1	0	1	1	1	0	1	1	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+0+0+1+1+1+1+0}{10} = \frac{7}{10} = 0,7$ (70%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+1+0,5+0+0,5+1+1+1+0,5+0}{10} = \frac{6,5}{10} = 0,65$ (65%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+0+1+1+1+0+1+1+0}{10} = \frac{6}{10} = 0,6$ (60%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{7/10+6,5/10+6/10}{3} = \frac{19,5}{30} = 0,65$ (65%).

Таблица В.3.2 (2). Взаимное соответствие кодов ТК времени в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)				
Русский	2.2ЛТ121	–	2.2Т120	–	2.1Т01	2.1Т01	2.2Т21	2.2ЛТ121	2.1Т021	–	2.1Т120	–	2.2Т01
Английский	2.2ЛТ121	2.1Т120	2.1Т120	2.1Т120	2.1Т01	–	–	2.2ЛТ121	2.1Т020	1.1Т221	–	2.1ЛТ120	–
ИИ набора	1	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0
ИИ комбинаторики	0	0	0	0	0	0	0	0	0,5	0	0	0	0
ИИ размещения	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+1+0+0+1+1+0+0}{9} = \frac{4}{9} \approx 0,4444$ (44,44%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+0+0+0+0+0+0,5+0+0}{9} = \frac{0,5}{9} \approx 0,0556$ (5,56%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+0+0+0+0+1+1+0+0}{9} = \frac{2}{9} \approx 0,2222$ (22,22%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{4/9+0,5/9+2/9}{3} = \frac{6,5}{27} \approx 0,2407$ (24,07%).

Таблица В.3.3 (1). Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)		(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)		(19)
Русский	2.1 Э1	2.1 Э3	–	1.1 Э1	1.1 Э1	1.2 Э3	2.1 Э3	2.2 Э3	1.1 Э1	1.1 Э1	1.1 Э1	1.1 Э1	1.2 Э2	2.2 Э3	2.1 Э2	2.1 Э1	1.2 Э3	1.2 Э3	2.2 Э2	–	2.1 Э2
Английский	2.1 Э1	2.1 Э3	2.2 Э1	1.1 Э1	1.1 Э1	1.1 Э1	2.1 Э3	2.2 Э3	1.1 Э1	1.1 Э1	1.1 Э1	1.1 Э1	2.1 Э2	1.2 Э3	2.1 Э3	2.1 Э1	1.2 Э3	1.2 Э3	2.2 Э2	2.1 Э1	2.1 Э2
ИИ набора	1	1		1	1	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	1	1	1		1
ИИ комби- наторики	1	0,5		0,5	0,5	1	0,5	1	1	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	1	1	1		0,5
ИИ разме- щения	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	1	0	1		0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как

Эквивалентность размещения рассчитана как

Усредненная эквивалентность составляет

Таблица В.3.3 (2). Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)			(4)	(5)	(6)				(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)		(18)
Русский	1.2 Э1	1.1 Э1	2.1 Э1	++	+	1.1 Э1	2.1 Э1	1.1 Э1	+++	-	-	1.1 Э1	1.1 Э1	2.2 Э3	2.1 Э2	1.1 Э1	1.1 Э1	2.1 Э2	1.2 Э3	2.1 Э3	2.1 Э1	2.1 Э3	-	2.2 Э2
Английский	+	++	2.1 Э1	2.1 Э3	2.2 Э1	1.1 Э1	+++	1.1 Э1	1.1 Э1	2.1 Э3	2.2 Э3	1.1 Э1	1.1 Э1	-	-	1.1 Э1	1.1 Э1	2.1 Э2	1.2 Э3	2.1 Э3	2.1 Э1	1.2 Э3	1.2 Э3	2.2 Э2
ИИ набора	0	0	1			1	0	1				1	1	0	0	1	1	1	1	1	1	0		1
ИИ комбинаторики	1	0,5	0			0	0,5	0,5				0,5	0,5	0	0	0,5	1	1	1	1	0,5	0,5		0
ИИ размещения	1	0	0			0	0	0				1	0	0	0	1	0	0	1	1	1	0		0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе). Второе такое соответствие обозначается ++ (двумя плюсами), третье +++ (тремя плюсами) и т. д.

Эквивалентность набора рассчитана как

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как

Эквивалентность размещения рассчитана как

Усредненная эквивалентность составляет

	(19)	(20)	(21)	(22)		(23)	(24)			(25)				(26)			(27)	(28)					(29)	(30)	(31)	
-	2.1 Э2	2.2 Э2	2.1 Э1	1.2 Э2	-	1.1 Э1	2.1 Э1	-	-	1.1 Э2	-	-	-	2.1 Э1	-	-	2.2 Э2	1.2 Э2	-	-	-	-	2.1 Э3	1.1 Э1	2.1 Э2	++++
2.1 Э1	2.1 Э2	2.2 Э2	-	1.2 Э2	1.2 Э2	1.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э1	2.1 Э2	1.2 Э2	2.2 Э1	1.2 Э2	2.1 Э1	1.1 Э1	1.2 Э2	2.1 Э3	++++	1.2 Э2	1.1 Э1
	1	1	0	1		1	1			0				1			0	0					0	1	0	
	0,5	0,5	0	0		1	0,5			1				0			0	0					0,5	0	1	
	0	0	0	1		1	1			1				1			1	0					0	0	1	

$$\frac{0+0+1+1+0+1+1+1+0+0+1+1+1+1+1+1+1+0+1+1+1+0+1+1+1+0+1+0+0+0+1+0}{31} = \frac{19}{31} \approx 0,6129 \text{ (61,29\%).}$$

$$\frac{1+0,5+0+0+0,5+0,5+0,5+0,5+0+0+0,5+1+1+1+1+0,5+0,5+0+0,5+0,5+0+0+1+0,5+1+0+0+0+0,5+0+1}{31} = \frac{14}{31} \approx 0,4516 \text{ (45,16\%).}$$

$$\frac{1+0+0+0+0+0+1+0+0+0+1+0+0+1+1+1+0+0+0+0+0+1+1+1+1+1+1+0+0+0+1}{31} = \frac{13}{31} \approx 0,4194 \text{ (41,94\%).}$$

$$\frac{19/31+14/31+13/31}{3} = \frac{46}{93} \approx 0,4946 \text{ (49,46\%).}$$

[продолжение-вклейка с. lxi]

**Приложение Г. Композиционный блок второго монолога Вельзевула
в идентифицируемых вариантах «Потерянного Рая»
(с кодировочной инструкцией и расчетными таблицами)**

Г.1. Кодировка темы

Кодировочная инструкция:

1.1 – тем. цепочка «Высшего» нарратора (Муза, Господь, Св. Дух)

1.3 – тематическая цепочка Сатаны

1.4 – тематическая цепочка Падших духов

1.5 – тематическая цепочка Вельзевула

Буква после кода цепочки передает порядок появления номинации в тексте.

Цифра после буквы соответствует структурному типу номинации: 1 – базовая, 2 – лексически новая по отношению к базовой, 3 – трансформ базовой либо лексически новой номинации, 4 – субститут (местоименная замена) базовой номинации, 5 – «нулевая» номинация [см.: Бортников 2012].

Строки (стихи) в тексте приложения воспроизведены в точности по изданиям [Paradise Lost 1730; Потерянный Рай 1777; Мильтон 1976].

Вариант исходного текста (ИТ)

Milton J.

PARADISE LOST

First Book

272 <Thus answered:> ^{«1.3.n2}Leader of those ^{1.4.c2}armies bright
^{1.4.b4}Which, but th' ^{1.1.n'2}Omnipotent, none could have foiled!
If once ^{1.4.e4}they hear that voice, ^{1.4.e4}their liveliest pledge
275 Of hope in fears and dangers – ^{1.4.35}Ø heard so oft
In worst extremes, and on the perilous edge
Of battle, when it raged, in all assaults
^{1.4.e4}Their surest signal – ^{1.4.e4}they will soon resume
New courage and ^{1.4.35}Ø revive, though now ^{1.4.e4}they lie
280 ^{1.4.35}Ø Grovelling and ^{1.4.35}Ø prostrate on yon lake of fire,
As ^{1.4.e'4}we erewhile, ^{1.4.35}Ø astounded and ^{1.4.35}Ø amazed;
282 No wonder, ^{1.4.35}Ø fallen such a pernicious height!”

Вариант переведенного текста 1777 г. (ПТ-1777)

303 <ствующъ глаголъ:> ^{1.3.п2}Вождь свѣтоносныхъ ^{1.4н2}воевъ, ^{1.4.64}ко-
торыхъ никто, развѣ ^{1.1.0''3}Всемогущій, побѣдѣти могъ,
305 естли ^{1.4.e4}они однажды услышатъ оный гласъ, вос-
крешающій залогъ ^{1.4.e4}ихъ надежды во страхахъ и опа-
сностяхъ, раздававшійся толикократно во крайнѣй-
шихъ бѣдахъ, среди пагубныхъ минутъ свирѣ-
пѣвшаго сраженія, во всѣхъ наскакахъ, вѣрнѣйшій
310 знакъ ^{1.4.e4}ихъ безопасности: мгновенно ^{1.4.35}Ø воспріимуть но-
вую бодрость и ^{1.4.35}Ø оживуть, хотя днесъ на семь ог-
ненномъ озерѣ, ницъ ^{1.4.35}Ø возверженны другъ на друга
лежатъ ^{1.4.e4}они, якоже сами ^{1.4.e'4}мы предъ симъ, ^{1.4.35}Ø посра-
мленны и ^{1.4.35}Ø изумленны, не дивно, ^{1.4.35}Ø ниспадшіе съ то-
315 лико гибельныя высоты.

Вариант переведенного текста 1976 г. (ПТ-1976)

Книга первая

- 288 <Ответствовал:> « – О ^{1.3.п2}Вождь отважных ^{1.4.а3}войск,
Воистину, лишь ^{1.1.о"3}Всемогущий мог
- 290 ^{1.4.е4}Их разгромить! Пусть голос ^{1.3.в"4}твой опять
Раздастся, как незыблемый залог
Надежды, ободрившей часто ^{1.4.е'4}нас
Среди опасностей и страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
- 295 И мужество ^{1.4.ж3}соратникам вернёт,
^{1.4.з5}О Низринутым в пылающую топь,
^{1.4.з5}О Беспамятно недвижимым, ^{1.4.з5}О оглушённым
298 Паденьем с непомерной вышины!»

Г.2 – Г.3. Кодировка хронотопа и тональности

Кодировочная инструкция:

Обозначения в коде / Категории	Первые две цифры	Буква	Последняя цифра (цифры)
Хронотоп	1.1 – ядро, 1.2 – приядерная зона, 2.1 – ближайшая периферия, 2.2 – дальнейшая периферия	Л – локативность (текстовое пространство), Т – темпоральность (текстовое время)	1 – герой, 2 – событие, 0 – ни то, ни другое + 1 – точечное 2 – векторное (20 – непрерывное, 21 – прерывное)
Тональность		Э – тональность	1 – эмотив 2 – интенсив 3 – деонтив 0 – композитив

В случае «разрыва» другими компонентами маркера ТК перед второй его частью код дублируется с прибавлением символа + («плюс»).

Строки (стихи) в тексте приложения воспроизведены в точности по изданиям [Paradise Lost 1730; Потерянный Рай 1777; Мильтон 1976].

Milton J.

PARADISE LOST First Book

272 <Thus answered:> “Leader of those armies ^{2.1.Э3}bright
Which, but th’ Omnipotent, none could have foiled!
If ^{1.2.Т11}once they hear that voice, their ^{2.2.Э2}liveliest pledge
275 Of ^{2.1.Э3}hope in ^{1.1.Э1}fears and ^{1.2.Э2}dangers – heard so oft
In ^{1.1.Э2}worst ^{1.1.Э1}extremes, and on the ^{2.1.Э1}perilous ^{2.1.ЛТ21}edge
^{2.2.ЛТ220}Of battle, when it ^{2.1.Э2}raged, ^{2.2.ЛТ221}in all ^{+2.2.ЛТ221}assaults
Their ^{2.1.Э2}surest signal – they will ^{2.1.Т120}soon resume
New ^{2.2.Э3}courage and revive, though ^{2.1.Т121}now they lie
280 ^{1.2.Л11}Grovelling and prostrate ^{1.1.Л01}on ^{2.1.Л01}yon ^{+1.1.Л01}lake of fire,
As we ^{2.2.Т121}erewhile, ^{2.2.Э2}astounded and ^{2.2.Э2}amazed;
282 No wonder, ^{2.2.ЛТ121}fallen such a ^{2.1.Э2}pernicious ^{1.2.Л01}height!”

Вариант переведенного текста 1777 г. (ПТ-1777)

- 303 <ствующъ глаголаль:> Вождь ^{2.1.Э2}свѣтоносныхъ воевъ, ко-
торыхъ никто, развѣ Всемогущій, побѣдити могъ,
305 естли они ^{1.2.Т11}однажды услышать оный гласъ, ^{2.2.Э3}вос-
крешающій залогъ ихъ ^{2.1.Э3}надежды во ^{1.1.Э1}страхахъ и ^{1.1.Э1}опа-
сностяхъ, раздававшійся ^{2.1.Т121}толикократно во ^{2.1.Э2}крайнѣй-
шихъ ^{1.1.Э1}бѣдахъ, среди ^{2.1.Э1}пагубныхъ ^{1.1.Т21}минуть ^{2.1.Э2}свирѣ-
пѣвшаго ^{2.2.ЛТ120}сраженія, во всѣхъ ^{2.2.ЛТ221}наскакахъ, ^{2.1.Э2}вѣрнѣйшій
310 знакъ ихъ ^{1.2.Э2}безопасности: ^{1.2.Т12}мгновенно воспріимуть но-
вую ^{2.2.Э3}бодрость и оживуть, хотя ^{1.2.Т11}днесь ^{1.1.Л01}на семь ^{+1.1.Л01}ог-
ненномъ озерѣ, ^{1.2.Л11}ницъ возверженны ^{1.2.Л11}другъ на друга
лежать они, якоже сами мы ^{2.2.Т121}предъ симъ, ^{2.2.Э2}посра-
мленны и ^{2.2.Э2}изумленны, не дивно, ^{2.2.ЛТ121}ниспадшіе ^{1.2.Л01}съ ^{2.1.Э2}то-
315 лико гибельныя ^{+1.2.Л01}высоты.

Вариант переведенного текста 1976 г. (ПТ-1976)

Книга первая

- 288 <Ответствовал:> « – О Вождь ^{2.1.Э1}отважных войск,
^{2.2.Э0}Воистину, лишь Всемогущий мог
- 290 Их разгромить! Пусть голос твой ^{1.2.Т121}опять
Раздастся, как ^{2.2.Э3}незыблемый залог
^{2.1.Э3}Надежды, ^{2.2.Э3}ободрявшей ^{2.1.Т120}часто нас
Среди ^{1.2.Э2}опасностей и ^{1.1.Э1}страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
- 295 И ^{2.1.Э1}мужество соратникам вернёт,
^{1.2.Л120}Низринутым ^{1.2.Л11}в пылающую ^{+1.2.Л11}топь,
Беспмятно недвижимым, оглушённым
- 298 ^{2.2.Т121}Паденьем ^{1.2.Л01}с ^{2.2.Э2}непомерной ^{+1.2.Л01}вышины!»

Таблицы приложения Г. Расчет контента для основного текста анализа («Потерянный Рай» Дж. Мильтона)⁷⁰

Таблица Г.1.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1 – Господа Бога) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)				
Русский (ПТ-1777)	о''3				
Английский (ИТ)	н''2				
ИИ набора	0				
ИИ комбинаторики	1				
ИИ размещения	1				

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как равная 0 (0%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 1 (100%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{0+1+1}{3} = \frac{2}{3} \approx 0,6667$ (66,67%).

⁷⁰ В нумерации таблиц сохранен принцип Приложения А: Г.1.1 – Г.1.5 для таблиц с кодами темы (соответственно номеру цепочки), поэтому таблицам с кодами хронотопа и тональности присвоены номера Г.3.1 – Г.3.3. Таким образом, таблицам Г.1.1 – Г.1.5 соответствует разметка Приложения Г.1 (с. lxii – lxiv), таблицам Г.3.1 – Г.3.3 – разметка Приложения Г.2 – Г.3 (с. lxxv – lxxvii).

Таблица Г.1.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.1 – Господа Бога) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)				
Русский (ПТ-1976)	о''3				
Английский (ИТ)	н''2				
ИИ набора	0				
ИИ комбинаторики	1				
ИИ размещения	1				

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как равная 0 (0%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 1 (100%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{0+1+1}{3} = \frac{2}{3} \approx 0,6667$ (66,67%).

Таблица Г.1.3 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.3 – Сатаны) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)				
Русский (ПТ-1777)	п₂				
Английский (ИТ)	п₂				
ИИ набора	1				
ИИ комбинаторики	1				
ИИ размещения	1				

Примечания:

Эквивалентность набора рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как равная 1 (100%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 1 (100%).

Усредненная эквивалентность равна 100%.

Таблица Г.1.3 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.3 – Сатаны) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)			
Русский (ПТ-1976)	п₂	в''4			
Английский (ИТ)	п₂	–			
ИИ набора	1	0			
ИИ комбинаторики	1	0			
ИИ размещения	0	0			

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0}{2} = \frac{1}{2} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0}{2} = \frac{1}{2} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как равная 0 (0%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{1/2+1/2+0}{3} = \frac{2}{6} \approx 0,3333$ (33,33%).

Таблица Г.1.4 (1). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.4 – падших духов) в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)		(5)	(6)	(7)	(8)	(9)			(10)	(11)	(12)	(13)
Русский (ПТ-1777)	н ₂	б ₄	е ₄	е ₄	–	е ₄	з ₅	з ₅	з ₅	е ₄	–	+	е' ₄	з ₅	з ₅	з ₅
Английский (ИТ)	с ₂	ь ₄	е ₄	е ₄	з ₅	е ₄	е ₄	з ₅	+	е ₄	з ₅	з ₅	е' ₄	з ₅	з ₅	з ₅
ИИ набора	0	0	1	1		1	0	1	1	1			1	1	1	1
ИИ комбинаторики	0	0,5	0,5	0,5		1	1	0	0,5	0,5			0,5	1	1	1
ИИ размещения	0	1	1	1		0	1	1	1	0			1	1	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+0+1+1+1+0+1+1+1+1+1+1+1}{13} = \frac{10}{13} \approx 0,7692$ (76,92%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0,5+0,5+0,5+1+1+0+0,5+0,5+0,5+1+1+1}{13} = \frac{8}{13} \approx 0,6154$ (61,54%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+1+1+0+1+1+1+0+1+1+1+1}{13} = \frac{10}{13} \approx 0,7692$ (76,92%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{10/13+8/13+10/13}{3} = \frac{28}{39} \approx 0,7179$ (71,79%).

Таблица Г.1.4 (2). Взаимное соответствие кодов ТК темы (тематической цепочки 1.4 – падших духов) в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)		(3)			(4)				(5)		(6)	(7)	
Русский (ПТ-1976)	а ₃	е ₄	–	е' ₄	–	–	ж ₃	–	–	–	з ₅	–	з ₅	з ₅	–
Английский (ИТ)	с ₂	ь ₄	е ₄	е ₄	з ₅	е ₄	е ₄	з ₅	е ₄	з ₅	з ₅	е' ₄	з ₅	з ₅	з ₅
ИИ набора	0	0		0			0				1		1	1	
ИИ комбинаторики	0	0		0,5			0,5				0		0,5	1	
ИИ размещения	0	1		0			1				0		1	1	

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+0+0+0+1+1+1}{7} = \frac{3}{7} \approx 0,4286$ (42,86%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+0,5+0,5+0+0,5+1}{7} = \frac{2,5}{7} \approx 0,3571$ (35,71%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+0+1+0+1+1}{7} = \frac{4}{7} \approx 0,5714$ (57,14%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{3/7 + 2,5/7 + 4/7}{3} = \frac{9,5}{21} \approx 0,4524$ (45,24%).

Таблица Г.3.1 (1). Взаимное соответствие кодов ТК пространства в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант		(1)	(2)		(3)	(4)		(5)	(6)	(7)
Русский (ПТ-1777)	–	2.2.ЛТ220	2.2.ЛТ221	–	1.1.Л01	1.2.Л11	+	1.2.Л11	2.2.ЛТ121	1.2.Л01
Английский (ИТ)	2.1.ЛТ21	2.2.ЛТ220	2.2.ЛТ221	2.1.Л01	+	1.2.Л11	1.1.Л01	–	2.2.ЛТ121	1.2.Л01
ИИ набора		1	1		1	1		0	1	1
ИИ комбинаторики		1	0,5		0,5	0,5		0	1	1
ИИ размещения		0	1		1	0		0	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+1+1+1+0+1+1}{7} = \frac{6}{7} \approx 0,8571$ (85,71%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{1+0,5+0,5+0,5+0+1+1}{7} = \frac{4,5}{7} \approx 0,6429$ (64,29%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+1+0+0+1+1}{7} = \frac{4}{7} \approx 0,5714$ (57,14%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{6/7+4,5/7+4/7}{3} = \frac{14,5}{21} \approx 0,6905$ (69,05%).

Таблица Г.3.1 (2). Взаимное соответствие кодов ТК пространства в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант			(1)		(2)	(3)	(4)
Русский (ПТ-1976)	–	–	1.2.Л120	–	1.2.Л11	2.2.ЛТ121	1.2.Л01
Английский (ИТ)	2.1.ЛТ21	2.2.ЛТ220	1.2.Л11	2.1.Л01	1.1.Л01	2.2.ЛТ121	1.2.Л01
ИИ набора			0		0	1	1
ИИ комбинаторики			0		0,5	0,5	1
ИИ размещения			1		1	0	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах. Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+0+1+1}{4} = \frac{2}{4} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0,5+0,5+1}{4} = \frac{2}{4} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+1+0+1}{4} = \frac{3}{4} = 0,75$ (75%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{2/4+2/4+3/4}{3} = \frac{7}{12} \approx 0,5833$ (58,33%).

Таблица Г.3.2 (1). Взаимное соответствие кодов ТК времени в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Русский (ПТ-1777)	1.2.Т11	2.1.Т121	1.1.Т21	2.2.ЛТ220	2.2.ЛТ221	1.2.Т12	1.2.Т11	2.2.Т121	2.2.ЛТ121
Английский (ИТ)	1.2.Т11	2.1.Т120	2.1.ЛТ21	2.2.ЛТ220	2.2.ЛТ221	2.1.Т120	2.1.Т121	2.2.Т121	2.2.ЛТ121
ИИ набора	1	0	0	1	1	0	0	1	1
ИИ комбинаторики	0	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1
ИИ размещения	1	0	0	1	1	0	1	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+0+1+1+0+0+1+1}{9} = \frac{5}{9} \approx 0,5556$ (55,56%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+0,5+1}{9} = \frac{4,5}{9} = 0,5$ (50%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{1+0+0+1+1+0+1+1+1}{9} = \frac{6}{9} \approx 0,6667$ (66,67%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{5/9+4,5/9+6/9}{3} = \frac{15,5}{27} \approx 0,5741$ (57,41%).

Таблица Г.3.2 (2). Взаимное соответствие кодов ТК времени в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)			(3)				(4)
Русский (ПТ-1976)	1.2.Т121	2.1.Т120	–	–	2.2.ЛТ221	–	–	–	2.2.ЛТ221
Английский (ИТ)	1.2.Т11	2.1.Т120	2.1.ЛТ21	2.2.ЛТ220	2.2.ЛТ221	2.1.Т120	2.1.Т121	2.2.Т121	2.2.ЛТ121
ИИ набора	0	1			1				1
ИИ комбинаторики	0,5	0			0				0
ИИ размещения	0	0			0				0

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка). Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+1+1+1}{4} = \frac{3}{4} = 0,75$ (75%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0,5+0+0+0}{4} = \frac{0,5}{4} = 0,125$ (12,5%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+0+0+0}{4} = \frac{0}{4} = 0$ (0%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{3/4+0,5/4+0/4}{3} = \frac{3,5}{12} \approx 0,2917$ (29,17%).

Таблица Г.3.3 (1). Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском (ПТ-1777, пер. В. П. Петрова) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)
Русский (ПТ-1777)	2.1. Э2	2.2. Э3	2.1. Э3	1.1. Э1	1.2. Э2	2.1. Э2	1.1. Э1	2.1. Э1	2.1. Э2	2.1. Э2	1.2. Э2	2.2. Э3	2.2. Э2	2.2. Э2	2.1. Э2
Английский (ИТ)	2.1. Э3	2.2. Э2	2.1. Э3	1.1. Э1	1.2. Э2	1.1. Э2	1.1. Э1	2.1. Э1	2.1. Э2	2.1. Э2	–	2.2. Э3	2.2. Э2	2.2. Э2	2.1. Э2
ИИ набора	0	0	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1	1	1	1
ИИ комбинаторики	0	0,5	1	1	0,5	1	0,5	1	1	0,5	0	0,5	1	1	1
ИИ размещения	0	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	1	1	1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{0+0+1+1+1+0+1+1+1+1+0+1+1+1+1}{15} = \frac{11}{15} \approx 0,7333$ (73,33%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0,5+1+1+0,5+1+0,5+1+1+0,5+0+0,5+1+1+1}{15} = \frac{10,5}{15} = 0,7$ (70%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+1+1+1+1+1+1+1+0+0+0+1+1+1+1}{15} = \frac{11}{15} \approx 0,7333$ (73,33%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{11/15+10,5/15+11/15}{3} = \frac{32,5}{45} \approx 0,7222$ (72,22%).

Таблица Г.3.3 (2). Взаимное соответствие кодов ТК тональности в русском (ПТ-1976, пер. Арк. Штейнберга) и английском (ИТ) вариантах: аспекты набора, комбинаторики, размещения

№ звена п/п Вариант	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)							(8)			(9)
Русский (ПТ-1976)	2.1. Э1	2.2. Э0	2.2. Э3	2.1. Э3	2.2. Э3	1.2. Э2	1.1. Э1	+	-	-	-	-	-	2.1. Э1	-	-	2.1. Э2
Английский (ИТ)	2.1. Э3	-	2.2. Э2	2.1. Э3	-	+	1.1. Э1	1.2. Э2	1.1. Э2	1.1. Э1	2.1. Э1	2.1. Э2	2.1. Э2	2.2. Э3	2.2. Э2	2.2. Э2	2.1. Э2
ИИ набора	1	0	0	1	0	1	1							0			1
ИИ комбинаторики	0	0	0,5	0	0	0,5	0,5							0,5			0
ИИ размещения	0	0	1	1	0	1	1							1			1

Примечания. В таблице пронумерованы по порядку только звенья русской тематической цепочки (верхняя строка).

Полужирным выделены нули в случаях, где маркеры не имеют соответствия в оригинале, т. е. «априорные» нули во всех трех параметрах.

Символом + (плюс) обозначается наличие инверсивного соответствия (с нарушением комбинации, но сохранением в наборе).

Эквивалентность набора рассчитана как $\frac{1+0+0+1+0+1+1+0+1}{9} = \frac{5}{9} \approx 0,5556$ (55,56%).

Эквивалентность комбинаторики рассчитана как $\frac{0+0+0,5+0+0+0,5+0,5+0,5+0}{9} = \frac{2}{9} \approx 0,2222$ (22,22%).

Эквивалентность размещения рассчитана как $\frac{0+0+1+1+0+1+1+1+1}{9} = \frac{6}{9} \approx 0,6667$ (66,67%).

Усредненная эквивалентность составляет $\frac{5/9+2/9+6/9}{3} = \frac{13}{27} \approx 0,4815$ (48,15%).

